

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ
КАЗАНСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

Р.Х. ГАЛИУЛЛИНА

**«УПРАВЛЕНИЕ СЛОВОМ» -
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНЗУРНЫХ
КОМИТЕТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ
(РОССИЯ, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)**

монография

**Казань
КЮИ МВД России
2017**

ББК 63.3(0)53; 83.3(0)5405

Г 15

Одобрено редакционно-издательским советом КЮИ МВД России

Рецензенты

А.А. Демичев, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор
(Нижегородская академия МВД России)

Е.А. Вишленкова, доктор исторических наук, профессор
(Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва)

И.Ф. Галиутдинов (правового отдела МВД по Республике Татарстан)

Галиуллина Р.Х.

Г 15 «Управление словом» - деятельность цензурных комитетов университетов (Россия, первая половина XIX века): монография / Р.Х. Галиуллина. - Казань : КЮИ МВД России, 2017. - 208 с.
ISBN 978-5-906977-53-3

В начале XIX века в России при императорских университетах учреждены цензурные комитеты, экспертами при которых были определены профессора и адъюнкты. Основная функция цензуры, закреплённая в цензурных уставах, постановлениях и инструкциях цензорам, корректировалась политическими предпочтениями верховной власти и представлениями ряда высокопоставленных сановников, а также практикой организации цензурного дела. Поскольку цензура была связана со сферой охраны общественного порядка, Министерство внутренних дел, полиция, а затем и III Отделение оказывали содействие в осуществлении организации контроля. В монографии рассмотрено, каким образом в деятельности цензурных комитетов преломлялись политический заказ верховной власти, государственные интересы, политическая конъюнктура отдельных этапов, интересы общества и науки, способы и средства цензурного контроля.

Исследование проведено на основе опубликованных источников, неопубликованных документов архивов Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), Центрального государственного архива Москвы, Национального архива Республики Татарстан и Отдела редких рукописей и книг Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань).

Монография предназначена курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, а также будет интересна для широкого круга читателей: историков, правоведов, юристов, филологов.

ББК 63.3(0)53; 83.3(0)5405

ISBN 978-5-906977-53-3

© Галиуллина Р.Х., 2017

© КЮИ МВД России, 2017

Оглавление

Введение	4
Часть 1.	
<i>Регламентация рукописного ремесла в России: основы светской цензуры последней четверти XVIII века ...</i>	17
Часть 2.	
<i>Первый цензурный устав 1804 года, или о том, как создава- лась общегражданская цензура при университетах.....</i>	38
Часть 3.	
<i>Цензура в «евангельском государстве».....</i>	53
Часть 4.	
<i>Поворот в политике в 1819-1825 годах: от концепции евангель- ского государства к православно-самодержавному консерва- тизму.....</i>	73
Часть 5.	
<i>«Чугунный» устав 1826 года и устав о цензуре 1828 года как часть политики православно-самодержавного консерватизма</i>	95
Часть 6.	
<i>Цензурная практика Министерства народного просвещения и III Отделения во второй четверти XIX века.....</i>	128
Часть 7.	
<i>Наука и цензура: экспертиза диссертаций в середине XIX века</i>	164
Заключение	182
Список использованных источников и литературы	187

Введение

Цензура в России как факт государственной жизни, явление общественной жизни имеет продолжительную историю. Первые попытки держать под контролем все сказанное, все написанное, все опубликованное, относится к Судебнику 1550 года, Соборному Уложению 1649 года. Уже в средневековый период стала очевидной природа «управления словом»: она имела не только осязаемую печатную форму, но и ряд других форм, сложно поддающихся изучению и контролю: устную, рукописную. В процессе практик цензурного контроля России в XVI – первой половине XVIII века, когда продолжала действовать церковная цензура, получила оформление и стала действовать светская цензура. Окончательное ее оформление состоялось во второй половине XVIII века, когда в России наблюдался типографский бум – открытие новых типографий; основание периодических изданий и распространение моды на чтение. Именно в этот период обнаружили себя новые практики контроля: аутентичного чтения, интерпретации авторского текста экспертами от цензуры, вынесение решения о разрешении к публикации или, напротив, ее запрета. Сложная практика цензуры, построенная на запретах и ограничениях, преследовании и наказании инакомыслящих, требовала законодательной регламентации и создания устойчивого и однообразного правоприменения. Появлялись и новые формы взаимодействия цензоров (тех, кто формируют основы цензурной политики) и авторов, издателей (тех, кто должен следовать им), выявление среди опубликованных книг и изданий «крамольных», «вредных», наложение ареста на опубликованный тираж, его изъятие и уничтожение; конфликты и даже уголовные преследования, судебные процессы. Конфликты, в том числе и цензурные, сложно отнести к положительной практике взаимодействия государства и общества, поскольку под угрозу ставился общественный правопорядок, правящий монархический режим, который позиционировал себя как просвещенный, покровительствующий науке, образованию и искусству абсолютизм.

Практика «управления словом» первой половины XIX века составила предмет рассмотрения представленной монографии. Объект изучения составили опубликованные нормативные правовые и подзаконные нормативные акты, которыми руководствовались цензоры при экспертизе текстов, делопроизводственные документы Главного цензурного комитета при Министерстве народного просвещения, III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, фондов попечителей, университетского самоуправления и цензурных комитетов Московского и Казанского университетов. Основным массив изучаемых делопроизводственных документов представлен документами Российского государственного исторического архива Санкт-Петербурга (далее – РГИА), Центрального государственного архива Москвы (далее – ЦГАМ), Национального архива Республики Татарстан (далее – НАРТ) и материалами Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (далее – ОРРК НБЛ К(П)ФУ).

Рассмотрение сюжетов монографии было бы невозможно без изучения направлений в историографии, которые сложились в отечественной и зарубежной историографии. Более того, часть сюжетов монографии был изучен рядом исследователей на основе неопубликованных делопроизводственных документов в контексте выдвинутых ими исследовательских задач. Включение таких сюжетов в своей авторской интерпретацией считаю обоснованным, поскольку это позволит составить целостную картину противоречивой и многогранной практики цензуры.

Обзор литературы представлен исследованиями по двум основным темам: по истории университетов России первой половины XIX века; по истории цензуры второй половины XVIII – первой половины XIX века. Не смотря на всю очевидность отличий тематики исследований по истории университетов и по истории цензуры, сложился схожий подход при рассмотрении тем. Первый – в рамках позитивистского направления, второй – в рамках постмодернистского подхода изучения истории.

История российских университетов, как и история цензуры, представлена в работах представителей позитивистского подхода как

объективный результат законотворчества первой половины XIX века: реализация уставов университетов и цензуры, указов императоров, постановлений и распоряжений Министерства народного просвещения; их институализация¹. Авторы, преимущественно историки и

¹ Шевырев С. П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755 – 1855. М.: Унив. тип-фия, 1855; Щебальский П.К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб.: Тип. Ф. Персона, 1862; Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. №11. С.73-132; Глинский Б.Б. Университетские уставы (1755-1884) // Исторический вестник. 1900. Т.79, №1. С.324-351; №2. С.718-742; Загоскин Н.П. История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. 1804 – 1904: [в 4 т.]. Казань: Тип-литогр. Имп. Казан. ун-та, 1902-1904; Рождественский С.В. Исторический обзор Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб.: Мин-во народ. просв., 1902; Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб.: Типолитогр. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1903; Энгельгард А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати 1803-1903. СПб., 1904; Воробьев В.А. К истории наших университетских уставов // Русская мысль. 1905. № 12; Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905; Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05 – 1929/30): [в 2 т.]. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1930; Егоров Ю.Н. Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30-50-х гг. XIX в. // Научные доклады высшей школы. Исторические Т.1. науки. 1960. №3. С. 60-75; Вульфсон Г.Н. Глашатай свободы: страницы из жизни Афанасия Прокофьевича Щапова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984; Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М.: Наука, 1985; Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов востока России (XIX век). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991; Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в.-1917 г. М.: ИРИ, 1994; Его же. Ученое достоинство в Российской империи, XVIII – начало XX века: подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016; Старкова Л.К. Цензурная политика самодержавия в первой половине XIX века: дис. ... канд.ист.наук. Саратов, 2000; Жирков Г.В. История цензуры в России XIX века: учебное пособие. СПб.: Аспект-пресс, 2001; «Ничего противного закону, правительству и добронравию...»: Взаимодействие органов гос. управления с печатью дореволюц. России : Сб. ст. Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации; [Авт. кол.: С. А. Бастрикова и др.] М.: Изд-во РАГС, 1999; Гринченко Н.А. История цензурных учреждений в России в первой половине XIX века // Цензура в России. История и современность: сб-к науч. тр. СПб., 2001. Вып. 1. С. 15-46; Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г. Центральные учреждения цензурного ведомства (1804–1917) // Книжное дело в России в XIX - начале XX века: Сб. науч. тр. СПб., 2008. Вып. 14. С. 206–213; Пшеничная М.А. Государственная политика в области цензуры в XIX – в начале XX веков: дис. ... канд.ист.наук. Ставрополь: Ставропольск. гос. ун-т, 2002; Полусмак Т.Л. Цензурное законодательство дореволюционной России.: дис. ... канд.юрид.наук. Н. Новгород, 2003; Ее же. Цензурное законодательство России в первой половине XIX века: учебное пособие. Н.Новгород: Изд-во Нижегородская прав.акад., 2004; Булгакова Л.А. Особенности системы высшего образования в царствование Николая I // Николаевская Россия: власть и общество: материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха. Саратов: Саратов.гос.ун-т, 2004. С.124-134;

юристы, описывали периоды университетской жизни и политики в области цензуры на основании «политической» окраски университетских и цензурных уставов. Так, университетский 1804 года и устав о цензуре 1804 года считались «либеральными», соответственно, период с 1804 годов рассматривался как либеральный период, за исключением периода религиозно-мистической реакции Министерства духовных дел и народного просвещения (1817-1825). Напротив, уставы о цензуре 1826, 1828 годов, университетский устав 1835 года – «реакционные», «консервативные», определившие свертывание традиций самоуправления в университетах (после 1835 года), политику «цензурного террора» (после 1848 года). Революционные события в Европе и западной части России – Польше в 1830-х годах, 1848 году, также определяли реакционную политику в отношении университетов, науки, литературы и искусства, людей университетов, писателей, издателей.

Накопление нарративных источников (личного происхождения¹, делопроизводственных, отложившихся в архивах университетов) открывало исследователям новые возможности для изучения отдельных аспектов университетской жизни, цензуры, культуры, описание их локальной истории. С последней четверти XIX века и по настоящее время стали появляться и появляются работы, которые, с одной

Бурлакова Р.И. Правовое регулирование цензуры печати в России в 18 – начале 20 века: дис. ... канд.юрид. наук. М.: Рос. Академия правосудия, 2004; Горбачев И.Г., Печников В.И. Институт цензуры в российском законодательстве 16-19 вв.: историко-правовое исследование. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004; Константинов К.Б. Регулирование книгоиздательской деятельности в контексте политико-правовой эволюции России: конец 17 – начало 19 вв.: дис. ... канд.юрид.наук. СПб., 2006; Зипунникова Н.Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – XX века. Екатеринбург: Изд. дом «Уральская гос. юрид. акад», 2009; Пушкарев Е.Ю. Нормативно-правовые основы цензуры в России в первой половине XIX века: дис. ... канд.юрид.наук; Моск. юрид. ун-т МВД России. М., 2010.

¹ К примеру, были опубликованы и стали известны широкому кругу исследователей дневники и мемуары бывших цензоров. Например: Глинка С.Н. Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб.: Русская старина, 1895; Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был. Записки и дневник (1804-1877 гг.): [в 2 т.] / под ред. М.К. Лемке; 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Книгоиздательство М.В. Пирожкова, Типо-литография «Герольд», 1905. Т.2; Сушков С.П. Несколько заметок С.П. Сушкова по поводу «Воспоминаний» о цензуре господина Пржецлавского, напечатанных в 14 томе «Русской старины» за 1875. СПб.: Тип-фия Мин-ва внутр.дел, 1876.

стороны, придерживались традиции периодизации истории университетов согласно уставам и иных нормативных актов, признания их определяющей роли в жизни университетов, с другой – расширяли и расширяют представление об истории университетов, их культурной связи с европейскими университетами, в частности с немецкими, открывали и открывают неизвестные страницы жизни университетов¹.

Таким образом, позитивистская история университетов и цензуры в зависимости от выбранной проблематики и источников исследования (нормативных актов, делопроизводства и источников личного происхождения) в конечном итоге представляется либо историей политики в области просвещения или цензуры; либо отдельных групп (профессоров, студентов), государственных органов, отделений и факультетов, научных направлений; либо отдельных ее представителей. В контексте подобных исследований по истории универ-

¹ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805-1819): Рассказы по архивным документам: [в 2 ч.]. Казань: Тип. Казан. имп. ун-та; Багалея Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): [в 2 т.]. Харьков: Паровая тип. и литогр. Зильберберг, 1893-1898, 1904; Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802-1902): исторический очерк: [в 2 т.]. Юрьев: Тип-фия. К. Матиссена, 1902-1906; Университеты до эпохи шестидесятых годов; История Московского университета: [в 2 т.] / отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. Т.1: 1755-1917; Т.2: 1917-1955; Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования в России: [в 3 кн.]. М.: [Б.и.], 1998-2000; Его же. Формирование системы университетского образования в России: [в 4 т.]. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002-2003; Соловьев П. К. Ведомственная цензура в России при Николае I // Вопросы истории. 2004. №7. С. 139-145; Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1: Университеты до эпохи шестидесятых годов. СПб.: Кн-во типо-лит. «Энергия», 1914; Эльяшевич Д.А. Правительственная политики и еврейская печать в России 1797-1917.: автореферат ... дис. докт.ист.наук. СПб., 2000; Чолдин М. Т. Империя за забором. История цензуры в царской России / пер. с англ. М.Галушкиной. М.: Рудомина. 2002; Андреев А.Ю. «Гумбольдт в России»: министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX в. // Отечественная история. 2004. № 3. С. 37-55; Его же. Император Александр I, профессор Г.Ф. Паррот и возникновение «университетской автономии» в России // Отечественная история. 2006. №6. С.19-30; Его же. Российские университеты XVIII- первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009; Его же. Проблемы рецепции «гумбольдтовского» университета в России в ее прошлом и настоящем // Гумбольдтовские чтения: материалы межд. науч. конф. М.: РГГУ, 2010. С. 146–147; Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры / под ред. Е.В. Олесеюка; Федеральный центр образовательного законодательства (Москва). СПб., 2005. 370 с.

ситетов традиционно уделялось внимание органам университетского самоуправления и, если позволяли рамки того или иного исследования, отдельным службам: научной и студенческой библиотекам, типографии, клинике, обсерваториям (магнитной, астрономической), коллекциям (нумизматической, кабинету редкостей) и т.д. Ряд институций университета «выпал» из поля зрения позитивистской традиции изучения, как, например, это случилось с деятельностью цензурных комитетов первой четверти XIX века и деятельностью издательских комитетов первой половины XIX века¹. Одно из объяснений тому – подчиненное место в иерархии служб университета: как издательный комитет, так и цензурный комитет подчинялись Совету университета и попечителю; считалось, что эти службы выполняют «вспомогательные», обеспечительные функции для нужд университета.

При постановке исследовательского ракурса фактор связи того или иного подразделения с другими, фактор временной протяженности существования сыграли не последнюю роль определения значимости цензурного комитета. С точки зрения функциональной связи с другими ведомствами традиционно рассматриваемых негативно, например, с Министерством внутренних дел, III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, и создание стереотипа, будто бы цензурный комитет при университете – с 1804 по 1826 годы, а затем и как самостоятельная структура при попечителях университетов – с 1826 года, есть соглядатай полиции². Что касается

¹ Заметим, что имеются исследования, посвященные книгоиздательской деятельности университетов, но предметом изучения подобных исследований является не университетское делопроизводство, а собственно опубликованная интеллектуальная продукция. См.: Сухомлинов М.И. А.Н. Радищев, автор «Путешествия из Петербурга в Москву». СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883; Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: [в 22 т.]. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1888-1910; Булгаков Ф.И. Лермонтов и цензура // Исторический вестник. 1884. Т. 15, №3. С. 566-574; Вацуро В.Э. «Сквозь умственные плотины»: очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М.: Книга, 1986; Дубровин Н.Д. Н.А. Полевой, его сторонники и противники по «Московскому телеграфу» // Русская старина. 1903. №2. С.259-270; Дризен Н.В. Драматическая цензура двух эпох. 1825-1881 гг. Пг.: Прометей, 1917; Ледодаев В.Ю. Князь Петр Андреевич Вяземский о цензуре и литературной политике правительства // Вестник Моск.ун-та. Серия 8. История. 1997. №5. С.50-65.

² Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892; Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: [в 2 т.]. СПб.: Тип-фия А.С. Суворина, 1889; Его же. Очерки истории русской цензуры

временной протяженности существования, исследователи полагали, что двадцатилетний период существования цензурных комитетов – период более чем скромный для двухвековой истории университетов; что цензурные комитеты при университетах должны были выполнять неприглядную для них полицейскую функцию – способствовать полицейскому контролю над общественной мыслью. Как показала практика первой четверти XIX века, с поставленной задачей цензурные комитеты, состоящие из числа деканов отделений университетов, не справлялись. Издание «чугунного» устава о цензуре в 1826 году установило практику деятельности цензурных комитетов при университетах, но под началом попечителей – членов Главного цензурного комитета. При этом исследователи не уделяли внимание фактам, что наряду с цензорами из числа чиновников в составе цензурных комитетов продолжали работать профессора и преподаватели университетов; что экспертиза, основанная на научной аргументации, имела место и продолжала свое действие. Эти примеры слабой аргументации позитивистского подхода показывают, что она опирается преимущественно на законодательные акты, нормирующие деятельность цензоров, источники личного происхождения, субъективно оценивающие результаты их работы. Что касается экспертной практики, которая включала систему ценностей цензоров, процесс выне-

(1700-1863). СПб.: Тип-фия Ф. Павленкова, 1892; Его же. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I: [в 2 т.]. СПб.: Тип-фия Ф.С. Сушинского, 1865-1866; Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902-1905; Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб.: Тип. С.-Петербург. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1904; Его же. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения Собств[енного] Е[го] И[мператорского] Величества к[анцелярии] / под ред. С.В. Бунина; 2-е изд. СПб., 1909; Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2: Вера. Творчество. Образование. Ч. 2: Искусство. Школа. Просвещение. Париж: Современные записки, 1931; Евдокимова М.В. Poleмика в русской прессе о свободе слова и цензурных постановлениях, 1857–1867 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рос. пед. ун-т. СПб., 1994; Двести лет российской цензуре: тезисы научного семинара кафедры истории журналистики. Ноябрь 1996 / отв.ред. Г.В. Жирков. СПб.: Изд-во С.-Петербург.гос.ун-та, 1996; Ботова О.О. Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века: Формирование. Состав. Деятельность: дис. ... канд.ист.наук. М., 2003; Книжное дело в России в XIX - начале XX века: сб-к. науч. тр. Вып. 13 / отв. ред. Н.Г. Патрушева. СПб.: Изд-во Рос.нац.библ-ка, 2006.

сения оценок, то они, как правило, оставались и остаются вне зоны внимания исследователей позитивистского направления.

Кем был цензор из числа представителей ученого сословия первой четверти XIX века – чиновником или мыслителем? К чему обращался, оценивая рукописный труд и допуская его к публикации: новому, более длительному или авторитетному этапу существования интеллектуальной продукции? Вот те вопросы, которые представляют интерес и могут дать объяснение того, как складывалось экспертное мнение и научные критерии в университетах России. Рассмотреть эти вопросы представляется возможным в рамках культурной истории университетов, поскольку цензорами становились наиболее авторитетные представители ученого сословия – деканы отделений университетов. Судить о деятельности университетских цензоров представляется возможным, прежде всего, на основе свидетельств цензурной письменной рутины – цензурного делопроизводства.

Хотелось бы особо отметить, что в рамках позитивистского направления особое место принадлежит работам, которые освещали результаты или специально оценивали цензурную политику второй четверти XIX века. Здесь сложилось устойчивое мнение, согласно которому цензурная политика этого периода являлась одним из ведущих направлений внутренней консервативно-охранительной политики Николая I, это и определило пристальное внимание верховной власти к цензуре как факту государственной жизни и явлению общественной жизни¹.

Сторонники позитивистского подхода (преимущественно историки и правоведы) сформировали ряд устойчивых мнений:

¹ Стасов В.В. Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. №2. С.305-328; №6. С. 643-671; № 10. С. 168-183; Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения Собств[енного] Е[го] И[мператорского] Величества к[анцелярии]. СПб.: Издание второе С.В. Бунина, 1909; Троцкий И.М. Третье отделение при Николае I. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930; Деревина Т.Г. Из истории образования III Отделения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1973. С. 65-71; Гиллельсон М. И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г. // Пушкин: Исследования и материалы: [в 17 т.]. / отв.ред. Н. В. Измайлов. Л.: ИРЛИ РАН, 1978. Т. 8. С. 195–218; Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX - начала XX в. М.: Наука, 1979; Вацуро В.Э. Сквозь «умственные плотины»: очерки о книгах и прессе пушкинской поры / 2-е изд., доп. М.: Книга, 1986.

- цензура – негативная, консервативно-охранительная государственная практика, выполняющая функцию контроля и надзора за свободой слова;

- законодательство о цензуре отражало интересы верховной власти, имело преимущественно императивный характер и тенденцию к подробной регламентации;

- осуществление «управления словом» посредством цензурных комитетов имело тенденцию отказа от участия в качестве экспертов профессоров университетов в пользу чиновников;

- «управление словом» сопровождалось конфликтами между цензорами и авторами, нередко были случаи политических репрессий; последнее определило заметное возрастание роли Министерства внутренних дел и III Отделения при осуществлении цензуры во второй четверти XIX века.

Справедливости ради надо отметить, что представители позитивистского подхода внесли значительный вклад в изучение опубликованного актового материала о цензуре. Вместе с тем они выборочно и тенденциозно изучали и вводили в научный оборот архивные документы, главным образом связанные с громкими цензурными скандалами, например, следственные документы III Отделения.

Научная дискуссия вокруг отстаиваемых положений позитивистов была открыта с начала 1950-х годов. Историки, литературоведы, которые разделяли позиции тартуской семантической школы, в подготовленных ими учебных пособиях, монографиях, диссертациях, статьях осуществили научный прорыв, в рамках которого были сформулированы следующие положения:

- цензура – культурно-историческое явление, ее исходными элементами являются, безусловно, цензурная политика, цензурное законодательство и органы цензуры, исходные, но не единственные; цензура как средство осуществления направления государственной политики, как политико-правовой институт тесно связана с историей верховной власти, идеологии, государственных органов; а как экспертная деятельность – с историей культуры, общественной мысли, просвещения, образования и науки;

- цензурная деятельность складывалась по поводу текстов – результата творческой деятельности авторов, цензурой занимались конкретные люди разного ранга и общественного положения (император, министры, главы ведомств, попечители, чиновники), разного рода занятий (администраторы, государственные, церковные, общественные деятели, академики, профессора, литераторы и другие лица).

Позитивистская картина исторической реальности складывалась с середины XIX века. Спустя столетие – с 1970-х – 1980-х годов – в рамках общественных наук (истории, философии, политологии и социологии) получило развитие постмодернистское научное направление. В исторической науке оформление методологии постмодернизма в значительной степени было опосредовано научными дискуссиями внутри школы анналов, антропологическими и лингвистическими поворотами изучения привычных тем, в том числе и по истории университетов и цензуры. Исследователи, заявившие об исследовательской работе в рамках новой культурной и интеллектуальной истории, основываясь на всестороннем анализе делопроизводственных источников, отложившихся в фондах университетов, министерств и ведомств, письменных свидетельствах государственных и общественных деятелей, университетских людей, издателей, литераторов, конструировали локальные истории университетов, отдельные страницы университетской жизни, отдельные биографии государственных деятелей, людей мира науки, литературы и искусства¹.

¹ Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. №4. С. 3-22; Высшее образование в России: очерк истории до 1917 года / под ред. В.Г. Кинелева. М.: НИИВО, 1995; Ляхович Е. С., Ревушкин А. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России / 2-е изд., испр., доп. Томск: Изд-во Томск, ун-та, 1998; Аврус А.И. История российских университетов: курс лекций. Саратов: Гос. учеб.- науч. центр «Колледж», 1998; Его же. История российских университетов: очерки. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001; Его же. Власть и университеты в России // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып.10. С. 207-218; Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / предисл. А. И.Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998; Рейтблат А.И. Русские писатели и III отделение (1826—1855) // Новое литературное обозрение. 1999. №6 (40). С.158-186; Его же. Как Пушкин вышел в гении. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Его же. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016; Старкова Л.К. «Цензурный террор» 1848-1855. Саратов: Изд-во Сарат. Пед ин-та, 2000; Гендерная цензура как элемент культуры: коллект. моногра-

Они пришли к ряду важных наблюдений:

- для первой половины XIX века в России характерно наличие двух противоречивых процессов: ужесточение политики в области образования, культуры и цензуры и подъем науки, русского искусства, литературы. Несмотря на то, что к концу первой половины XIX века система контроля стала тотальной, способы и средства контроля, в частности над печатным словом, становились разнообразными и более гибкими;

- издание цензурных уставов, цензурных постановлений и распоряжений, циркулярных писем цензурным комитетам, наконец, практика цензурного преследования авторов, произведений, привлечение к ответственности цензоров за ненадлежащее исполнение воз-

фия / сост. Н. Ажгихина. М.: Эслан, 2003; Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003; Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. История университета как история памяти корпорации // *Ab imperio*. 2004. № 3. С. 271-311; Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. *Terra Universitatis*: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Казан. гос. ун-т, 2005; Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013; Вишленкова Е.А., Парсамов В.С. Университетские истории в России: Генезис жанров // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства*. 2014. № 3(20). С. 164–172; Чирскова И.М. Цензура как историко-культурный феномен в России XIX века // *Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология»*. Выпуск №10 (08). М.: РГГУ, 2008. С. 115–125. URL:<https://www.rsuh.ru/vestnik/ifkv/no-10-2008.php>; Жуковская Т.Н. Университеты и университетские традиции в России: курс лекций. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011; Биографии университетских архивов / Н.С. Алмазова и др.; пер. с фр. П.Ю. Уварова; пер. с итал. Ю.В. Ивановой; пер. с польск. Д.А. Добровольского; под ред. Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной, В.С. Парсамова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2017; Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней, 1790 -1990: опыт коммент. антологии / сост. А. Блюм. СПб.: ООО «Полиграф», 2011; Агапова Е.А. Цензура как способ манипуляции сознанием: диахронический аспект. М.: Социально-гуманитарные знания, 2012; История книги и цензуры: материалы международной научной конференции, посвященной памяти А. В. Блюма, 29-30 мая 2012 г. / науч.ред. М. В. Зеленев. СПб.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 2013; Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: [в 2 т.]. М.: Пробел-2000, 2015. Т.1. Вып. 1.; Дарнтон Р. Цензоры за работой. Как государство формирует литературу / пер. с англ. М. Солнцевой. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

ложенных обязанностей рассматривались как составные и взаимосвязанные части цензурной политики. Система управления и методы цензуры (в том числе и посредством правоохранительных органов – Министерства внутренних дел, Министерства полиции, III Отделения) рассматриваются как бюрократические и единственно возможные для реализации политики, направленной на сохранение монархического режима;

- результатом цензурной деятельности является появление коммуникативного пространства, для него характерно взаимодействие субъектов цензуры по поводу объектов цензуры, в этом взаимодействии выделены два коммуникативных потока: восходящий – от авторов к цензорам разных уровней и нисходящий – от цензоров к авторам.

Посыл постмодернистов позволяет отойти от традиционной схемы изучения цензурной политики «от устава к уставу», от одного цензурного скандала к другому, выяснить, как складывались практики управления словом в России на протяжении всей истории ее существования.

Поскольку «управление словом» – многогранное явление, представить все его стороны в одной монографии – сложная задача. Замысел монографии состоял в том, чтобы показать сложный характер этого явления в государственной, политической, общественной, культурной и научной жизни на примере наиболее ярких сюжетов, которые я считаю малоизученными или, напротив, изученными глубоко, но без связи с другими явлениями, другими цензурными практиками. Многогранность явления помогут раскрыть отдельные, но взаимосвязанные сюжетные линии (они объединены семью частями монографии), в которых показаны:

- традиции организации цензуры в России последней четверти XVIII века и организация цензуры в первой половине XIX века: система управления и деятельность цензурных комитетов университетов;

- формирование законодательных основ цензуры первой половины XIX века (на примере подготовки университетских уставов 1804 года и уставов о цензуре 1804, 1826, 1828 годов);

- поиск и реализация политических и идеологических схем управления общественным сознанием, мнением и словом посредст-

вом концепций «евангельского государства», православно-самодержавного консерватизма и теории официальной народности;

- громкие дела, нашумевшие судебные процессы в отношении авторов и издателей, как цензурная практика.

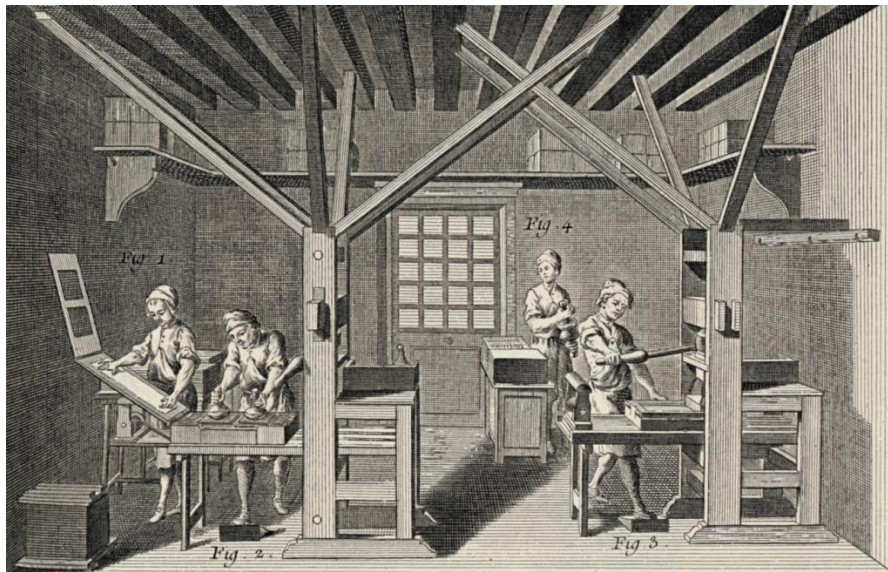
Ожидаемый результат такой подачи материала – в составлении единой целостной картины о противоречивой практике «управления словом» в России первой половины XIX века. В монографии будет проведена попытка показать, что в ней присутствовали не только силовые способы воздействия (запрет рукописей и книг, преследование авторов, закрытие типографий), но и просветительские (привлечение интеллектуальных сил и ресурсов в деятельность цензуры, университетов, его отдельных подразделений, участие профессоров и преподавателей в экспертной оценке).

Монография имеет визуальное сопровождение: иллюстрации того времени подобраны таким образом, чтобы отразить замысел самой монографии, того или иного сюжета, дух времени, отношение художников к поднимаемым вопросам, работы которых также подлежали общегражданской цензуре¹.

¹ В качестве иллюстрации обложки монографии использована работа: Редакторы отстаивают свои статьи в цензурном комитете. Карикатура из журнала «Искра». 1867. URL: <http://ftutchev.ru/illustr0058.html> (дата обращения: 01.11. 2017).

Часть 1.

Регламентация рукописного ремесла в России: основы светской цензуры последней четверти XVIII века

Цензура как способ контроля над словом известен человеческой цивилизации с древнейших времен¹. В период расцвета рабовладельческой демократии Древнего Рима – V веке до н.э. – цензорами назывались должностные лица, которые производили перепись граждан (от латинского «census» - перепись, оценка имущества), собирали сведения об имуществе, семейном положении, военной повинности граждан Рима. Кроме того, на цензоров возлагалась обязанность следить за нравами, в том числе и за «чистотой слова». Должность цензора требовала от народного избранника высоких моральных качеств, знания религии, авторитета в обществе.

¹ В качестве иллюстрации к первой части монографии используется работа: Неизвестный автор. Типография. Гравюра. XVIII век. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/wp-content/uploads/2015/09/00000025.jpg> (дата обращения: 01.11.2017).

Прототипом той цензуры, о которой имеет представление современное общество, является церковная цензура. Она была введена в форме предварительной проверки рукописей («*censura praevia*») папой римским Сикстом IV. Согласно его эдикту 1471 года ни одна книга не должна печататься без рассмотрения и последующего разрешения духовных лиц. Организация контроля за словом повлекла за собой процесс государственной институализации цензуры. Так, в 1486 году архиепископ города Майнц в Германии Бертольд фон Геннеберг ввел на вверенной его духовной власти территории цензуру. Одновременно законодательной регламентации подвергалась процедура цензурного контроля. 1559 год отмечен появлением так называемого «Индекса» – списка запрещенных книг («*Index Librorum Prohibitorum*»), который рассылался по епископатам и аббатствам. В течение XVI столетия цензура была введена во всех западноевропейских государствах¹. Обращает на себя внимание тот факт, что с возникновением христианской цивилизации и феодальных государств Западной, Центральной и Восточной Европы, цензура как способ контроля и надзора за печатным словом обрела в лице официальной церкви главного заказчика и исполнителя интересов. Сохранение чистоты веры, искоренение еретических идей – задачи, которые успешно выполняла духовная цензура на протяжении веков. Тем не менее, эпоха Реформации способствовала пересмотру роли официальной церкви в жизни общества и государства. Реформационные войны показали, что интересы церкви и государства порой не совпадают, а в ряде случаев – противоположны. В период складывания абсолютизма цензура как инструмент контроля за словом была заимствована светской властью. Наряду с духовной цензурой появилась и стала самостоятельно функционировать светская цензура, для которой приоритетными были задачи защиты интересов официальной власти, искоренение «тлетворных влияний». Интересным представляется наблюдение П.С. Рейфмана: с появлением первых типографий – в 1563 году в Москве Ивана Федорова и Петра Мстиславца при Иване IV, в 1700 в

¹ Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: [в 2-х т.] / под ред. Г. Г. Суперфина; пред. И. А. Пильщикова и В. С. Парсамова. М.: Пробел-2000, 2014. Т. 1. Вып. 1. С.21.

Москве Яна Тесинга при Петре I – обнаружались попытки российских властей поставить под контроль как рукописи, подаваемые в печать, так и опубликованные книги. Иными словами, книгопечатание синхронно влекло за собой появление предварительной и карательной если не цензуры, то охранной деятельности¹.

Вопрос о целесообразности существования цензуры был поставлен эпохой Просвещения и способствовал выдвижению новых культурных ценностей: свободы мысли, свободы слова, свободы печати. Таким образом, феодальной цензуре как системе управления словом была противопоставлена другая модель – модель правового государства, основанная не на системе запретов, а на реализации прав и свобод человека в полном объеме, где ограничением являются не нормативные ограничения, а интересы личности и общественной безопасности.

Становление светской цензуры в России происходило в культурно-историческом контексте эпохи Просвещения второй половины XVIII века – первой половины XIX века. По мнению ряда исследователей, институализация цензуры в России произошла в начале XIX века и связана с изданием первого цензурного устава 21 июня 1804 года². Такое утверждение упускает из виду, во-первых, что первые законодательные акты, отделившие светскую цензуру от церковной, относятся к XVIII веку³; во-вторых, первые шаги, направленные на организацию управления цензуры, были сделаны в XVIII веке⁴, именно тогда были определены (Синод, Академия наук, таможенные управы,

¹ Рейфман П.С. Указ.соч. С. 19, 26.

² В частности, см: Пшеничная М.А. Государственная политика в области цензуры в XIX – в начале XX веков: дис. ... канд.ист.наук. Ставрополь: Ставропольск. гос. ун-т, 2002. С.41; Бурлакова Р.И. Правовое регулирование цензуры печати в России в XVIII – начале XX века: дис. ... канд.юрид. наук. М., 2004.

³Указ Петра I, подтвержденный сенатским указом от 5 октября 1720 года, запрещал выпуск любых книг, в том числе и церковных, без предварительного рассмотрения и одобрения специальной Духовной коллегии. См.: ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 4. №. 1753.

⁴ Президент Санкт-Петербургской Академии наук, конференция и секретарь наделялись полномочиями цензоров. Устав Академии наук 1847 года гласил: «Никакая книга в печать отдана быть не может, пока вся не прочитана в собрании пред всеми академиками, или от тех, кому сие поручено будет от президента; и для того при начале книги всегда печатать апробацию за подписанием президента и контрассигнацией конференц-секретаря». См.: ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 12. №. 9425.

управы благочиния) или вновь учреждены органы (цензурные комитеты), на которые возлагалась обязанность проверки рукописей и ввозимых в Россию печатных книг¹.

Существует прямая взаимосвязь между реализацией идеологии просвещенной монархии и цензурой. Эта связь опосредована потребностью в развитии просвещения и необходимостью книгопечатания. Просвещенная монархия в числе прочих объектов своего попечения (искусства, науки, образования) рассматривала издательское дело. Екатерина II с момента составления Наказа комиссии для составления Нового уложения позиционировала себя как сторонник идей просвещенной монархии. Ряд идей Ш.-Л. Монтескье нашел отражение в напутствии Екатерины II, в частности: «Слова не составляют вещи, подлежащей преступлению» (ст.482)². Но как всякое «благое дело», книгопечатание могло обернуться для «благодетелей» неприятностями, предупредить которые возможно было, поставив под контроль особо доверенным структурам.

В сентябре 1763 года своим указом Екатерина II подтвердила полномочия Академии наук и академической конференции на предварительную цензуру³. Кроме того, цензорскими полномочиями наделялись в Москве – Московский университет, в губерниях – училища, а в отсутствие оных – градоначальники. Книгопродавцы обязывались вести реестры выписываемых книг и пересылать в соответствующие инстанции, определенные указом. Что касается Академии наук, Московскому университету и иным «компетентным местам и должностным лицам» предстояло отбирать в присланных реестрах «такие книги, которые против закона, доброго нрава и Нас»⁴. В случае обнаружения запрещенной литературы ее полагалось конфисковать, а книжную лавку закрыть. Возлагалась эта задача на управы благочиния.

¹ См.: Пекарский П.П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755-1764 годов: сборник статей. СПб.: Тип-фия Академии наук, 1867; Семенников В.П. К истории цензуры в Екатерининскую эпоху. СПб.: Сириус, 1913.

² [Екатерина II (имп.)]. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб.: Изд. Академии наук, 1907. С.131-132.

³ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 15. №11553.

⁴ Там же.

Указ Екатерины II от 15 января 1783 года «О позволении во всех городах и столицах заводить типографии и печатать книги на российском и иностранных языках, с освидетельствованием оных в управе благочиния» стал прорывом в становлении издательского дела¹. Управам благочиния или полицмейстерским частям всемилостивейшее повелевалось «типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий». Издание печатной продукции признавалось производством и, как и прочие производства, приносящим пользу и доход. Типографиям разрешалось печатать книги на русском, иностранных языках, «не исключая и Восточных». Либеральным рассматривался уведомительный порядок открытия типографий в губернских и уездных городах России: достаточно было поставить в известность управу благочиния, находившуюся в подчинении гражданского губернатора. За содержанием печатной продукции «с наблюдением [...] чтоб ничего на них противного законам Божиим и гражданским, или же к явным соблазнам клонящегося издаваемо не было» следили чиновники управы благочиния, наделяясь властью «конфисковывать» тираж и наказывать «виновных в подобном самовольном издании недозволенных книг». Усмотрение чиновников управы благочиния пока ничем не регламентировалось: инструкций, уставов о цензуре, которыми должны были руководствоваться полицейские чины, издано не было.

В 1786 году была проведена попытка реорганизации цензурного аппарата, которая выразилась в закреплении за рядом должностных лиц цензорских обязанностей и возложении на них ответственности за пропуск непозволительных рукописей и мест к публикации, а также к переводу на русский язык иностранных книг. Так, в Москве общей гражданской цензурой стал ведать полицмейстер П.П. Годаин, а духовной – префект Московской академии игумен Моисей. Гражданский и духовный цензоры обязывались друг за другом прочитывать предоставленные рукописи: если текст не содержал ничего противного государственному строю и православной вере, то содержателям типографий выдавался «билет» с указанием имени автора, владельца типографии, цензоров, названия книги и официальным разрешением

¹ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 21. №15634.

на публикацию. Таким образом, создавалась довольно простая и эффективная система учета и контроля за издательствами: есть билет, следовательно, рукопись прошла рецензирование, и у автора, соответственно, и у владельца типографии, есть право на публикацию.

События Великой французской революции 1789 года внесли коррективы в регламентацию цензурной деятельности. Компетенция управ благочиния была уточнена указом от 15 мая 1790 года: отныне полиция осуществляла общий контроль за деятельностью частных типографий; занималась цензурой рукописей, поданных на публикацию; могла приглашать сторонних цензоров для экспертизы текстов. Вместе с тем вся ответственность за пропуск «непозволительных мест» или откровенно крамольной рукописи возлагалась на управу.

Очевидную некомпетентность управ благочиния и слабую согласованность действий системы контроля над словом отмечали многие исследователи. Исследователь дореволюционной цензуры А.М. Скабичевский, отмечал, что при Екатерине II многие рукописи, переводы издавались, минуя цензуру¹. В.П. Семенников упоминал случай с сожжением тиража трагедии Я.Б. Княжнина «Вадим Новгородский», опубликованной в 1793 году в типографии Академии наук. Литературное произведение не было подвергнуто предварительной цензуре цензорами из числа академиков на том основании, что оно было передано в печать в академическую типографию, в связи с чем, на него была распространена академическая привилегия освобождения от цензуры. Последующая практика изменилась: академики не стали защищать свое право на свободу от цензуры всех частных произведений, публикуемых в типографии Академии, поставив условие предварительного рассмотрения рукописей управами благочиния². Эпоха Екатерины II отмечена распространением запрещенной в России масонской литературы. Интересный факт приводит Е.Ю. Пушкарёв, основываясь на документах Российского государственного архива древних актов: в типографии у Н.И. Новикова было отпечатано

¹Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700-1863). СПб.: Тип-фия Ф. Павленкова, 1892. С.38.

²Семенников В.П. Указ. соч. С.1.

106 606 экземпляров книг масонского характера на сумму около 90 тыс. рублей¹.

Приведенные факты подтверждают тезис исследователей о том, что цензурные установления последней четверти XVIII века характеризуются неопределенностью и противоречивым характером. И если первая половина царствования Екатерины II отмечена либеральным характером цензурных установлений, то вторая половина, напротив, введением ограничений и запретов².

По мнению исследователей А.М. Скабичевского и П.С. Рейфмана, скандал вокруг книгопечатной деятельности Н.И. Новикова в типографии, арендуемой у Московского университета, стала прологом к сворачиванию либерального цензурного режима³. Книгоиздатель, масон мартинист Новиков в «Прибавлении к “Московским ведомостям”» №69-71 за 1784 год опубликовал перевод статьи «История Ордена иезуитов», как выяснилось, оскорбительного характера для читателей католического вероисповедания. Статья вызвала негативные отклики и обращения за защитой религиозных чувств к самой императрице, которая поспешила распорядиться, «чтоб история та не токмо запрещена была, но и экземпляры отобраны были»⁴.

Случайно или намеренно, но 4 сентября 1784 г. московским губернатором был назначен известный противник мартинистов Я.А. Брюс. 23 декабря 1785 года именным указом дано предписание вновь назначенному губернатору распорядиться сделать прокурору роспись книгам Новикова, хранящимся в типографии, которую передать затем вместе с означенными книгами московскому архиепископу. Губернатору Я.А. Брюсу и московскому архиепископу Платону (Левшину) было предписано также назначить духовных и светских лиц «для освидетельствования книг, выходящих из Новиковой и других вольных типографий [...] для наблюдения, чтоб таковые печатаны не

¹ Пушкарев Е.Ю. Нормативно-правовые основы цензуры в России в первой половине XIX века: дис.... канд.юрид.наук. М.: Моск. юрид. ун-т МВД России, 2011. С.32.

² Семенников В.П. Указ. соч. С. 1.

³ Скабический А.М. Указ. соч. С.46-47; Рейфман П.С. Указ. соч. С.40.

⁴ Симанков В. И. Из разысканий о журнале «Прибавление к Московским вдомостямъ» (1783–1784) или об авторстве сочинений, приписывавшихся Н. И. Новикову, И. Г. Шварцу и Ф. В. Каржавину. Харьков, 2010. С. 90-97.

были, в коих какие-либо колобродства, нелепые умствования и раскол скрываются»¹. Экспертиза книг, найденных в типографии Новикова, была поручена цензорам из числа светских лиц: профессору Московского университета А.А. Барсову и полицмейстеру П.П. Годаину. Освидетельствование провинившегося Новикова на предмет принадлежности к расколу проводил лично архиепископ Платон. 15 января архиепископ докладывал императрице, что хоть Новиков сознался, что состоит в обществе франк-масонов, но признает все основные догматы православия, является добрым христианином².

К марту духовная цензура вынесла окончательное суждение о конфискованных книгах. Условно их разделили на три группы: «1). Книги собственно литературные, которые желательно распространять для образования публики [...]. 2). Книги мистические, которых Архиепископ “не понимает”, а потому не берется судить о них и 3) Книги зловерные, развращающие нравы и подрывающие религиозные чувства, “гнусные и юродивые порождения энциклопедистов”, которые “следует исторгать, как пагубные плевелы”»³.

Екатерина II, которая считала себя приверженцем идей Монтескьё и Дидро, обратила все свое монаршее негодование на вторую группу книг. Губернатору было дано указание конфисковать тираж всех шести книг и сжечь, а Новикову и другим издателям запрещалась публикация книг такового рода под страхом лишения права содержать типографию⁴.

Через год – 27 июля 1787 года – был подписан именной Указ Синоду «О недозволении светским типографиям и книжным лавкам продавать молитвенники, не от Синода изданные, также книги церковные, или к Священному Писанию и Православной вере относящиеся». Частным типографиям запрещалось публиковать церковные книги (а это являлось делом весьма доходным), подчеркивалось, что

¹ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 22. СПб., 1830. №16301; Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С.26-27.

² Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты: исследов. М.Н. Лонгинова; с приложениями. М.: Тип-фия Грачева, 1867. С. 259-260.

³ Там же. С. 262.

⁴ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 22. СПб., 1830. №16362; Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. С.27.

«свобода [...] на печатание книг [...] простирается [...] на книги светские, к пользе общественной служащие». Книги церковного содержания, опубликованные не в синодальных типографиях, подлежали конфискации и передаче Синоду¹.

Дело Новикова 1786 года показательным тем, что оно демонстрирует, как под влиянием практики «управления словом» вносились коррективы в действующее законодательство, определялись границы между светской и церковной издательской деятельностью, что границы эти устанавливались по инициативе светской власти и по ее усмотрению. Оно имело негативные последствия для ничего не подозревающего книгоиздателя: он попал в зону пристального внимания императрицы, которая приняла на себя роль самого пристрастного цензора Новикова, отслеживая издания, вышедшие в типографии Новикова.

Между тем теперь уже в самой северной столице разгорелся очередной цензурный скандал, на этот раз с допущенной к публикации Санкт-Петербургской управой благочиния острой социальной критикой А.Н.Радищева, отраженной в сочинениях «Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске» и «Путешествие из Петербурга в Москву»². Пикантность ситуации заключалась в том, что порядок цензурирования рукописей и реализация тиража издания была осуществлена без нарушения действующего цензурного законодательства: в 1788 году автор через знакомого таможенного надсмотрщика Иоганна Мейснера передал рукописи в цензуру Санкт-Петербургской управы благочиния. Цензоры в «путевых заметках» Радищева не заметили ничего предосудительного, рассудив, что в заметках путешественника нет ничего противного вере и государственному порядку. Не исключено, что цензоры не читали рукопись вовсе. Разрешение к публикации было получено. Но тут автор решил опубликовать рукописи самостоятельно, не обращаясь в типографию, используя купленный печатный станок. В середине 1790 года тираж вышел в свет, обратил на себя внимание образованной части публики. Ознакомившись

¹ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 22. СПб., 1830. №16556; Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. С. 28-29.

² Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву: факсимильное издание. М.: Госзнак, 1925; О нем: Сухомлинов М.И. А.Н. Радищев, автор «Путешествия из Петербурга в Москву». СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883.

с сочинениями, императрица Екатерина II была крайне удивлена факту допуска рукописи в печать. М.А. Скабичевский приводит ее слова: «Сие вероятно ложь либо оплошность»¹. Началось дознание. Оставаясь на свободе, Радищев совершил вторую оплошность: он сжег оставшуюся часть тиража, опубликованного им незаконно, сжег корректуру и цензурные гранки. Теперь его действия выглядели подозрительными и доказать следствию, что опубликованная рукопись соответствовала допущенному цензурой варианту, он не смог.

Одна из самых больших глав «Путешествия» – «Торжок», посвящена цензуре. По мнению П.С. Рейфмана, в контексте всего произведения, построенного как полемика автора с императрицей, в главе «Торжок» речь идет не столько о цензуре вообще, сколько о цензурной политике Екатерины II². Сохранился оригинал замечаний императрицы на главу, который хранится в архивном фонде Тайной экспедиции. Он стал доступен широкому кругу читателей благодаря публикации А.И. Старцева³. Радищев открывает главу критикой Указа о вольных типографиях, а заканчивает «Кратким повествованием об истории цензуры», соответственно, как противник цензуры предвидит ее конец. Острой критике подверг Радищев факт того, что цензуру передали управам благочиния: «один несмысленной урядник благочиния может величайший в просвещении сделать вред, и на многия лета остановку в шествии разума». И далее о цензурных установлениях: «Обыкновенные правила Ценсуры суть: почеркивать, марать, не дозволять, драть, жечь все то, что противно естественной религии и откровению [...]».

30 июня 1790 года Радищев был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, через неделю – 6 июля, написал повинную⁴. М.А. Скабичевский, ссылаясь на документы архива князя А.Р. Воронцова, воспроизвел ответы Радищева на вопросы, заданные ему в ходе судебного разбирательства в Палате уголовных дел Санкт-Петербургской губернии. Радищев раскаялся, признал свою книгу

¹ Скабичевский М.А. Указ. соч. С.58.

² Рейфман П.С. Указ. соч. С. 49.

³ Старцев А.И. Радищев: годы испытаний. М.: Сов. писатель, 1990. С. 371.

⁴ Скабичевский М.А. Указ. соч. С. 59.

«вредной», искренне сожалел, что выпустил ее. Во время следствия Радищев отказался от своих убеждений в отношении цензуры: «Я так думал, что без нее можно обойтись, но теперь вижу из собственного своего опыта, что она полезна потому более, что если она будет существовать [...]»¹.

Признание вины в судебном разбирательстве – основание для привлечения к уголовной ответственности. 4 сентября 1790 года Екатерина II подписала именной указ о наказании Радищева за издание книги, которая наполнена «вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение»², что автор совершил «лживый поступок прибавкою после цензуры многих листов в ту книгу»³. Государыня проявила милосердие, смертная казнь была заменена Радищеву лишением всех дворянских прав и достоинств и ссылкой в Сибирь сроком на десять лет. А.И. Старцев исследователь «дела Радищева», охарактеризовал его как «внесудебную политическую репрессию»⁴. С его мнением солидарен и автор известного учебного курса П.С. Рейфман⁵. А.А. Костин в своем диссертационном исследовании рассматривал произведение Радищева в контексте современной нравоучительной литературы и усматривал связи с московскими мартинистами, с которыми был близок Новиков, ближайшим другом Радищева был А.М. Кутузов – один из активных участников этой группы⁶. Безусловно, политическая окраска процесса присутствовала, однако, с точки зрения соблюдения уголовно-процессуального закона права Радищева как подозреваемого, подследственного и обвиняемого не были нарушены. Радищев не смог представить доказательства своей невиновности, сотрудничал со следствием и признал свою вину, тем самым смягчил гнев императрицы и получил снисхождение при определении наказания.

¹ Скабичевский М.А. Указ. соч. С.59.

² ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т.23. №16901; Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. С.32-33.

³ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. С.32.

⁴ Старцев А.И. Указ. соч. С. 371.

⁵ Рейфман П.С. Указ. соч. С. 49.

⁶ Костин А.А. «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева в контексте современной ему нравоучительной литературы: автореферат дис. ... к.фил.н. СПб., 2005. С. 11.

Вслед за процессом над Радищевым, Екатериной II был инициирован новый процесс – над Н.Н. Новиковым. 1 мая 1792 года Екатерина II направила московскому губернатору генералу А.А. Прозоровскому поручение проверить, издано ли в 1788 году в обход установленного указом запрета от 27 июля 1787 года в типографии Н.Н. Новикова сочинение старообрядческого содержания «История о страдальцах соловецких...».¹ Подчиненные Прозоровскому чиновники управы благочиния провели обыски в подмосковном имении Новикова, в Москве (в компанейском доме, книжной лавке, магазине типографии). Результат превзошел ожидания: были обнаружены 20 запрещенных и тайно продававшихся книг, не указанных в печатных каталогах, 48 книг, напечатанных без цензурного одобрения. Приказчик книгоиздателя Н.Н. Кольчугин, торговцы признались, что регулярно получали от Новикова книги на продажу².

Суд над Новиковым в Москве не состоялся. Дело было передано обер-секретарю Тайной экспедиции Сената С.И. Шешковскому, а последственный тайно перевезен в Шлиссельбургскую крепость. Историки цензуры отмечают, что его ни разу не допросили о старообрядческой книге «История о страдальцах соловецких...» – той самой, продажа которой в одной из лавок Новикова, послужила поводом к его аресту и началу нового следствия. Шешковский вел допрос лично, сохранились материалы следствия: допросные листы с ответами Новикова. Анализ документов следствия показал, что большая часть вопросов касалась связей Новикова с масонами, в частности, с участниками масонской ложи Златорозового креста, а также их тайной типографии. Новиков признался, что ему довелось пользоваться тайной типографией, но только для публикации масонских книг, и то эпизодически: «о типографии тайной показал я в ответе моем в 15 пункте искренно и верно со всеми обстоятельствами [...], кроме книг показанных в 15 пункте, в сей типографии ни одной строки печатано

¹ Текст указа был опубликован в приложении исследования М.Н. Лонгинова (Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 071-072). Историки цензуры, анализируя дело Н.Н. Новикова 1792 года, доверяют этой публикации. См.: Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 313-314; Скабичевский М.А. Указ. соч. С.51; Рейфман П.С. Указ. соч. С. 44.

² Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 314-315; Скабичевский М.А. Указ. соч. С.52; Рейфман П.С. Указ. соч. С. 45.

не было [...]»¹. Что касается обнаруженных книг, они были опубликованы до 1786 года и были им утаены во время первого следствия.

Обвинить Новикова в государственной измене, принадлежности к тайному обществу, богохульстве не удалось. И тем не менее 1 августа 1792 года Екатерина II отдала приказ заточения Н.Н. Новикова на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость². Из 15 лет Новиков провел в тюрьме четыре года и 7 ноября 1796 года был освобожден по указанию императора Павла I.

В Москве продолжилось следствие и суд над приказчиком Кольчугиным и торговцами. По верному замечанию М.А. Скабичевского, «закона, налагающего наказание за торговлю запрещенными книгами [...], еще не существовало»³. Приговор, в соответствии с которым соучастники были приговорены к битью кнутом и «вырыванию ноздрей», был вынесен на основании Указа от 9 февраля 1720 года «О наказании за преступление против опубликованных указов» и Морским уставом. В августе 1793 года губернатор А.А. Прозоровский лично ходатайствовал перед императрицей о смягчении наказания. Только спустя три года – 2 июля 1796 года – Екатерина II помиловала осужденных⁴.

Процесс над Новиковым и еще над 11 соучастниками реализации запрещенных книг показателен во многих отношениях.

Во-первых, по мнению П.С. Рейфмана, это был первый в России процесс по делам печати. Во-вторых, процесс носил форму устрашения, а вынесенный приговор имел превентивную цель: заставить авторов, издателей, торговцев под страхом уголовного преследования и наказания не нарушать цензурные установления. В-третьих, масонские ложи, участником одной из которых был Новиков, были распространены в России, они охватывали представителей известных дворянских фамилий, государственных деятелей. Верховная власть терпела существование лож, но терпеть их тайную книгопечатную деятельность не намеревалась. Преследование так называемых тайных

¹ Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 0102.

² Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 335-336; Скабичевский М.А. Указ. соч. С. 53; Рейфман П.С. Указ. соч. С. 46.

³ Скабичевский М.А. Указ. соч. С. 54.

⁴ Там же. С. 55.

типографий иллюстрируют материалы следствия. В-четвертых, политика преследования привела тенденцию роста книгопечатной продукции, по образному выражению Н.Л.Бродского, к «замиранию книги». Автор статьи «Писатель и книга в Александровскую эпоху» в подтверждение своих слов привел такие данные: в 1762 году было опубликовано 95 книжных изданий; в 1788 году накануне дела Новикова – 439; в 1790 – 263; в 1797 – 165¹. В-пятых, тайные книгопечатники преследовались законом, и за откровенное неуважение к заветам цензурных установлений должны были быть наказаны – такова была позиция Екатерины II. Безусловно, уголовное преследование ломало судьбы образованных людей. Новиков не был приговорен к смертной казни, но следствия, расправы не вынес, был сломлен и после освобождения к издательской деятельности не вернулся.

Вполне логичным представляется издание новых цензурных указов. Их появление следует рассматривать, безусловно, в едином контексте событий Великой французской революции и обсуждения в обществе, а также следствия и суда над Новиковым и Радищевым.

16 сентября 1796 года последовал новый указ Екатерины II «Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг; об учреждении на сей конец ценсур в городах: Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивиловской таможне, и об упразднении частных типографий»². После 13-летнего режима действия так называемой «Жалованной грамоты печати» (указа от 15 января 1783 года) в России вновь вводились ограничения. Указом уточнялась организационная структура цензуры: цензурные комитеты вводились не повсеместно, а только в пяти городах, где оборот печатной продукции (как российской, так и иностранной) был значительным; а именно: в обеих столицах (Санкт-Петербурге и Москве), двух крупных портовых городах (Риге и Одессе) и крупном таможенном пункте (Радзивиловской таможне). Определен был и состав цензурных комитетов. В него входили «одна духовная и две светские особы», подотчетные

¹ Бродский Н.Л. Писатель и книга в Александровскую эпоху // Три века. Россия от смуты до нашего времени: Исторический сборник: [в 6 т.]. Том пятый: XIX век. Первая половина / под ред. В. В. Каллаша. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912-1913. С. 39, 46.

² ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 23. №17508.

«губернскому начальству». В Центральном государственном архиве г. Москвы хранятся журналы заседаний цензурного комитета за 1797, 1798 годы¹. Протокол заседания Московского цензурного комитета при гражданском губернаторе назывался «журнал» от французского «jour» - день. Журнал был представлен четырьмя вертикальными графами: первая графа – порядковый номер, вторая – самая широкая отводилась рассмотрению вопросов, третья – не имела отметок, а в четвертой сверху ставилась нумерация страницы. Обсуждаемые вопросы могли перечисляться порядковыми номерами, обсуждение отделялось от вынесенного решения фразой: «приказали». Внизу стояли подписи членов комитета и секретаря. Здесь также можно найти информацию о нормативных актах, которыми руководствовались цензоры при вынесении решения.

В эти годы в состав Московского цензурного комитета входил иеромонах Владимир, профессора Московского университета А.А. Прокоповский-Антонский, И.А. Гейм и некий Дмитрий Строгонов². Примечателен факт того, что практика общей гражданской цензуры исключительно усилиями чиновников управ благочиния совместно с духовниками прервалась: экспертизу текстов стали проводить профессора университетов. Верховная власть обратилась к практике, которая имела место в середине XVIII века, когда к цензуре рукописей привлекались академики. Обращение к подобной практике демонстрировало признание верховной власти за профессором университета не только права, но и наличия внутренних возможностей – потенциал справедливо судить о качестве («пользе») печатной продукции, поступавшей из-за границы или выпускаемой в самой России. Ко мнению профессоров высокопоставленные цензоры прислушивались. Порой их рекомендации учитывались для «удобства» дела.

Исследователи рассматривают непродолжительное правление Павла I чаще всего как период ужесточения цензурной политики³. И, тем не менее, законодательные акты, утвержденные Павлом I, демон-

¹ ЦГАМ. 31. Оп.1. Д.46.1798. 105 л.

² ЦГАМ. 31. Оп.1. Д.46. 1798. Л.42, 58, 60, 61.

³ Репинский Г.К. Цензура при императоре Павле I. 1797-1799 // Русская старина. 1875. Т. 14. С. 462.

стрируют продолжение вектора политики Екатерины II, направленной на организационное оформление цензуры и создание цензурных плотин, ограждающих российское общество от «тлетворного влияния» западных «революционных идей». Утвержденный императором доклад Сената «О книжной цензуре» от 16 сентября 1796 года возлагал на III департамент Сената контроль за ведением цензурных дел Академией наук¹. На вновь восстановленный Павлом I Совет императорского величества была возложена функция верховного цензурного контроля, означавшая, что император может лично цензурировать рукописи и книги, запрещать или разрешать их опубликование². В журнале заседаний Совета имеются резолюции императора: например, «книги сжечь, а хозяев, отыскав, поступить по законам за выписку оных»³. При Павле возглавляли Совет императорского величества князь А.Б. Куракин, князь П.В. Лопухин. Совет занимался не только функцией верховного цензурного контроля, но и рассматривал жалобы авторов или издателей и выносил окончательный вердикт о судьбе той или иной рукописи или перевода.

Одновременно выстраивалась система цензурного контроля на местах. И здесь Павлом I было уделено внимание морским портам. Указом от 17 мая 1798 года в каждом порту учреждалась цензура из одного - двух цензоров, на которых была возложена задача «недопущения враждебных поползновений»⁴. Практика первого года показала, что ни надобности, ни возможности учредить в каждом порту цензуру не оказалось. 16 апреля 1799 года в западных морских портах: Архангельске, Выборге, Крондштаде, Ревеле и Фридрихсгаме⁵, чуть позже в Вильно⁶ – учреждались цензуры. Ввоз иностранной литературы через остальные порты запрещался. Первоначально запрету подлежала литература, имеющая революционный год издания⁷, затем произведения конкретных авторов, преимущественно французских

¹ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 24. №17811.

² История Правительствующего Сената за двести лет. 1711-1911: [в 5 т.]. СПб.: Типография Правит. Сената, 1911. Т. 2. С. 111-388.

³ Репинский Г.К. Указ соч. С. 462.

⁴ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 25. №18524.

⁵ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 25. №18939.

⁶ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 25. №19010.

⁷ Репинский Г.К. Указ.соч. С. 462.

просветителей: Вольтера, Демулена, Дидро, Мабли и ряда других¹. И, наконец, под запрет попала вся иностранная литература, живопись, музыка – «вплоть до указа» (указ от 18 апреля 1800 года)². Цензоры выступали не взыскательными экспертами, какими они были непродолжительное время при Екатерине II, а исполнительными статистами, фиксирующими попытки ввоза запрещенной литературы, иницилирующими ее изъятие и уничтожение. Одновременно оптимизируется организация контроля над публикацией сочинений «отечественной словесности»: указом от 17 апреля 1800 года Санкт-Петербургскому цензурному комитету были переданы экспертные полномочия: не только организационные, как руководящему органу, но и функции ведущего экспертного органа – без его разрешения публиковать рукописи, одобренные общегражданской цензурой, было нельзя³.

Огульный запрет «на все иностранное», тотальный контроль не могли не возбудить сначала непонимание, затем протест среди заказчиков, покупателей, собственников изъятых и уничтоженных интеллектуальной продукции (тем более, что денег она стоила немалых) – главным образом среди дворянства.

Попытка Павла I заставить Московский университет издавать печатную продукцию в особом порядке, предполагающем дополнительную цензуру Санкт-Петербургского цензурного комитета, также встретила сопротивление ученого сословия и куратора Московского университета. Показательной стала история цензурирования приложений еженедельного издания «Московские ведомости»: еженедельных листков «Иппокрены» и ежемесячного «Политического журнала», которые должны были проходить цензурирование не только Московской цензуры, но и Санкт-Петербургской. Промедление в публикации изданий могло повлечь утрату заинтересованности публики в подписке на издания, соответственно, стать причиной закрытия изданий. Ректор университета Иван Тургенев направил письмо в

¹ Боденхуа А.Г. Цензурные органы России в XVIII веке // Правовые идеи и государственные учреждения: межвузовский сборник. Свердловск: Свердлов. юрид. ин-т, 1990. С. 69.

² ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 26. СПб., 1830. №19387.

³ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 26. СПб., 1830. №19386.

Московскую цензуру, в котором отстаивал цензурирование приложений «внутренней» Московской цензурой. Тургенев писал: «Оба такого рода издания [...] не терпят замедления по ученым с публикою и доселе еще не нарушенными обязательствам, от чего и зависит весь кредит университетской типографии, которая перед начатием еще сего 1800 года от всех во всей Российской империи подписывавшихся особ получила вперед сполна на целый сей текущий год деньги за оба помянутые издания вместе с “Московскими ведомостями”»¹.

Ущемлялась и автономия Московского университета. В августе 1800 года интерес Московского университета «по правам и привилегиям»² был вынужден лоббировать его куратор М.М. Херасков перед генерал-прокурором П.Х. Оболяниновым. Аргументы Хераскова показали П.Х. Оболянинову убедительными, и он обратился с ходатайством к императору Павлу I отменить повторную цензуру для рукописей и книг, рекомендованных к публикации Московской цензурой. 27 сентября 1800 года И. Тургенев с радостью сообщал Московской цензуре об успешности хлопот, предпринятых им и куратором Херасковым, «о бытии внутренней цензуры университета все зависимой от Санкт-Петербургской цензуры»³ «для печатания речей классических книг и учебных упражнений»⁴.

Цензурная политика Павла I не вызвала ни понимания, ни сочувствия у дворянства и, прежде всего, ее столичной части и указывается исследователями в числе одной из причин дворцового переворота 1 марта 1801 года.

В течение первого месяца правления Александра I генерал-прокурор А.А. Бекетов подготовил «Наставление цензурам должность их определяющее, сообразно переменившимся обстоятельствам и соответственно намерению Его императорского величества и простираемому о пользе подданных и попечению в указе от 31 марта сего года изображенном». «Наставления» или инструкции не были опубликованы ни тогда, ни позже - в Полном собрании законов Россий-

¹ ЦГАМ. Ф.31. Оп. 1. Д. 104. 1800. Л.4.

² Там же. Л.6.

³ ЦГАМ. Ф.31. Оп. 1. Д. 104. Л.5.

⁴ Там же. Л.6.

ской империи и (или) Сборнике постановлений и распоряжений по цензуре¹. «Наставления» стали известны узкому кругу лиц, занятых цензурой. Их содержание составляют семь правил, которых должны были придерживаться цензоры, оценивая порученную рукопись. В чем состояла суть этих требований?

Во-первых, Наставления цензурам уточняли, что ряд ограничений, введенных предместниками Александра I («1-е о запрещении книг *годом республики французской замеченных*; 2-е о запрещении здесь книг *Венскою ценсурою* и других владетельных государей ценсурами запрещаемых; 3-е запрещение по одним заглавиям известных под именем повестей о духах, ведьмах, разбойниках, плутах и о составлении братских обществ») отменены. «Впредь такого рода все книги имеют цензуры рассматривать *подобно прочим* с оными по общим правилам», – говорилось в наставлении (п.2)².

Во-вторых, подробно регламентировалась подведомственность цензурных комитетов с целью не допустить волокиты, с одной стороны, с другой – предупредить возможную халатность при поступлении рукописей для получения разрешения на публикацию. Пограничные цензуры - *Рижская, Виленская, Радзивиловская* – рассматривали «входящие иностранные». «Московская, – и это было подчеркнуто в присланном экземпляре «Наставления», – *по внутреннему только в государстве печатанию*». В Санкт-Петербургскую направляли книги и сочинения по территориальной подведомственности предполагаемой публикации, а также из другой цензуры – «буде сама сомнение решить не может, так равно на ее рассмотрение, обязана представлять *генерал-прокурору* для донесения Его императорскому величеству».

Таким образом, наставления указывали на императора как самого взыскательного и справедливого эксперта: за ним признавалось исключительное право на вынесение окончательного решения о судьбе той или иной рукописи, книги, перевода.

Каждая из цензур обязывалась извещать «все другие об одобренных ею к напечатанию, или возвращенных без одобрения с крат-

¹ ЦГАМ. Ф.31. Оп.1. Д.106. 1801. Л.3-4об.

² Там же. Л.3-4 об.

ким показанием причин, для коих последняя не дозволена». Кроме того, вводилась обязательная форма отчетности: «все цензуры без изъятия должны *ежемесячно* доставлять краткие ведомости о всех книгах вообще какие или внутри к изданию в печать одобрены и позволены будут в Санкт-Петербургскую цензуру, которая делает из оных общую ведомость, представляет к генерал-прокурору», – отмечалось в тексте¹.

В-третьих, предметом экспертизы цензоров были определены сочинения как опубликованные, так и рукописные, как иностранные, так и переводы. Но из всего неопубликованного и опубликованного интеллектуального изобилия цензоров должны были интересоваться в первую очередь «книги, вышедшие в последние *десять лет осемнадцатого столетия* и [...] вновь теперь выходящие» (п.1). Наставления обращали внимание на соблюдение этики культуры речи, прежде всего в отношении «императорского российского дома», «владеющих государей, их фамилий и министерств» (п.3). А пункт пятый предупреждал цензурные комитеты «сочинения внутри государства на русском и других языках печатаемые, из коих *посвящаемые* Его императорскому величеству, тем с большим вниманием и осторожностью рассматривать».

Цензуры призывались «единообразно и соответственно постановленным правилам должность свою наблюдать, не стесняя распространения *полезных* сочинений [...]» (п.4).

«Наставления цензорам» генерал-прокурора Бекетова от 31 марта 1801 года - подзаконный нормативный акт, составленный по поручению Александра I после переворота 1 марта, в результате которого был смещен Павел I, означали поворот в цензурной политике. «Наставления» не подлежали широкой огласке, но были обязательны к исполнению. Их апробация показалась чрезвычайно эффективной, и

¹Более подробно о документообороте цензурных комитетов, см.: Галиуллина Р.Х. Документы цензурных комитетов первой четверти XIX в.: формы, комплектация и организация хранения. История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2015. Вып. 11. С.224-243.

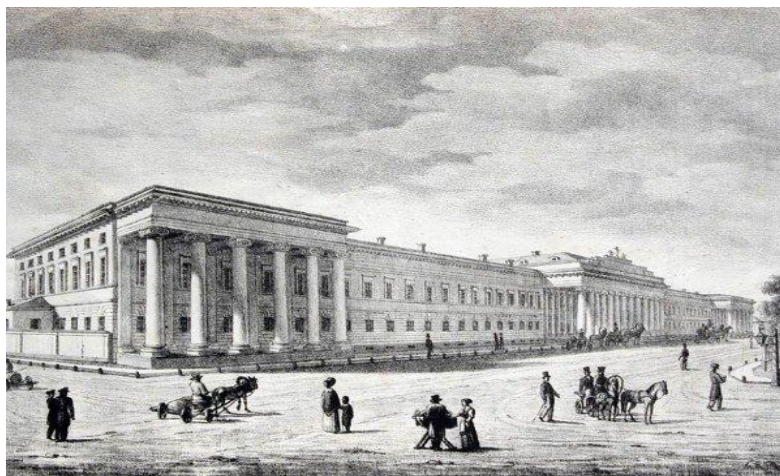
уже в последующие два года были изданы нормативные акты, которые исходили из принципов, установленных наставлениями¹.

Итак, светская цензура в России стала складываться одновременно со становлением печатного дела, что зафиксировали запреты и ограничения Судебника 1550 года и Соборного Уложения 1649 года. Поскольку мирской жанр литературы стал получать распространение только с начала XVIII века, а литература в России печаталась преимущественно церковно-религиозного содержания, то и цензура находилась при Святейшем Синоде. Вместе с тем именно в XVIII веке была обозначена особая роль императора России, он мог выступать и как источник законодательства о цензуре (издавал именные указы), и как главный цензор – читать, оценивать рукописи, изымать опубликованные тиражи, подвергать уничтожению, а также миловать провинившихся авторов и издателей. В полной мере такая функциональная нагрузка императора в области управления слова была продемонстрирована в период правления Екатерины II и Павла I. Тем не менее, практика управления словом оставалась карательной, инквизиционной, ее цель состояла не только в том, чтобы предотвратить проникновение «тлетворных идей», но и воспитать общество в духе покорности перед страхом наказания. Таким образом, в конце XVIII века появляются идеи о создании системы цензурного контроля, которая основывалась бы не на системе устрашения, а на системе четкой регламентации того, что можно писать, а что нельзя.

¹ См.: Галиуллина Р.Х. Поворот в цензурной политике России - тайны архивных документов («Наставление ценсурам» генерал-прокурора А.А. Бекетова, 31 марта 1801 года) // Проблемы национальной безопасности: вопросы теории и практики. Пятые юридические чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции Казанского юридического института МВД России 3 июня 2017 года. Казань: КЮИ МВД России, 2017. С. 50-54.

Часть 2.

Первый цензурный устав 1804 года, или о том, как создавалась общегражданская цензура при университетах

Цензурная политика в России первой четверти XIX века традиционно рассматривалась и рассматривается, прежде всего, в контексте анализа либеральных законодательных актов, одобренных и подписанных императором Александром I¹. Особенность этой политики заключалась в том, что статус общегражданских цензурных комитетов связывался, в первую очередь, с уже действующими университетами (в Москве и Вильно), и теми, которые предстояло учредить и открыть в Дерпте, Казани, Харькове и Санкт-Петербурге. Научные, просветительские центры должны были стать экспертными центрами, на которые предполагалось возложить ответственность за отсутствие «вредных идей», «полезный характер», рекомендуемых к публикации рукописей и переводов.

¹ В качестве иллюстрации ко второй части монографии используется гравюра: Неизвестный автор. Казанский императорский университет. Литография. Первая четверть XIX века. URL: <https://kpfu.ru/news/mrachnaya-epoha-kazanskogo-universiteta-77295.html> (дата обращения: 01.11.2017).

Вслед за обсуждением «Наставлений» генерал-прокурора Бекова в марте 1801 года Александр I подписывает ряд указов, которые отменили наиболее «реакционные» указы Павла I¹: был упразднен Совет императорского величества – высший цензурный орган в России (указ от 26 марта 1801 года)²; снят запрет на ввоз в Россию «всякого рода книг и музыки» (указ от 31 марта 1801 года)³.

9 февраля 1802 года был обнародован еще более либеральный указ Александра I «О уничтожении Цензур, учрежденных в городах и при портах; о дозволении открывать вольные типографии и о поручении губернаторам рассматривать вновь издаваемые книги»⁴. В указе раскрывались причины, побудившие отказаться от политики, проводимой Павлом I в области цензуры: во-первых, «внешние обстоятельства, побудившие правительство в 1796 году упразднить вольные типографии и учредить “особые ценсуры” прошли»; во-вторых, пятилетний опыт запретительных мер показал их неэффективность. Вновь было разрешено создавать «вольные типографии», разрешенные Екатериной II «Жалованной грамотой печати» 15 января 1783 года, а затем отмененные ею же. Согласно указу «наука и художества» ставились вне зависимости от полиции. Заводить типографии разрешалось теперь не с разрешения, а только с предварительного уведомления управ благочиния. Подтверждалось право типографий публиковать литературу на русском языке, иностранных языках, а также восточных. Полицейский надзор за печатной продукцией не был отменен, управы благочиния по-прежнему обязывались следить за тем, чтобы в изданиях не оказалось ничего противного законам Божиим, законам общегражданским и основам нравственности. Александр I изменил цензуру: возобновил «формат» книгоиздательского дела Екатерины II, содействуя распространению вольных типографий; перестроил требования к печатному слову.

Менялась и организация цензурного контроля. Деятельность цензоров в городах и портах была прекращена, предварительная цензура отменена. Вся ответственность возлагалась на гражданских губернато-

¹ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX века: учебное пособие. СПб.: Аспект-пресс, 2001. С. 38.

² ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 26. СПб., 1830. №19805.

³ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 26. СПб., 1830. №19807.

⁴ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 27. СПб., 1830. №20139.

ров, фактически подчинявшихся министру внутренних дел России и лично императору, без одобрения и дозволения которых и «под страхом наказания» ослушавшихся ни одна книга не могла быть издана. Экспертиза текстов требовала познаний в разных областях, поэтому в помощь генерал-губернаторам разрешалось привлекать директоров народных училищ. Новеллой изданного Александром I указа стала норма о том, что в типографиях при так называемых «ученых обществах» («академиях, университетах, корпусах и прочих казенных местах», - уточнял законодатель) цензура издаваемых книг была возложена «на попечение и отчет тех самых мест и их начальников», то есть директоров, ректоров.

Основой организации цензуры послужило разделение территории империи на учебные округа, центрами которых становились университеты: Виленский, Дерптский, Казанский, Московский, Санкт-Петербургский и Харьковский, что было утверждено Предварительными правилами народного просвещения от 26 января 1803 года¹.

Ведение вопросов светской цензуры было отнесено к делам Главного правления училищ, другими словами, доверено попечителям учебных округов, что было закреплено Манифестом об учреждении министерств от 8 сентября 1802 года². Созданное Главное правление училищ - своеобразная коллегия попечителей и высшая цензурная инстанция - приступило одновременно к выработке как университетского, так и устава о цензуре. Тем временем Предварительные правила отнесли цензуру всех печатаемых светских книг единственно к университетам: «Цензура всех печатаемых в губернии книг имеет принадлежать единственно университетам, коль скоро они в округах учреждены будут». Так была создана общегражданская цензура под руководящим началом Министерства народного просвещения, попечителей учебных округов и одноименных университетов – непременных членов Главного правления училищ. Участие в цензуре представителей ученого сословия: профессоров и адъюнктов университетов - должно было быть прописано уставами – университетскими и о цензуре.

¹ Предварительные правила народного просвещения, 24 января 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Стб. 13-21.

² ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 27. №20.406.

По мнению ряда исследователей, создание уставов – кодифицированных нормативных актов – следует рассматривать в контексте общей систематизации права, поставленной Александром I перед Комиссией о составлении законов. Практика спонтанного издания нормативно-правовых актов о регулировании цензуры, отсутствие выстроенной системы цензурных учреждений в новых условиях стали неприемлемыми, писал Е.Ю.Пушкарев¹.

В 1802 году был создан Комитет по рассмотрению новых уставов учебных заведений. Первоначально в него входили: куратор Московского университета, а затем попечитель Московского учебного округа М.Н.Муравьев; будущий попечитель Харьковского учебного округа граф С.О. Потоцкий, главноуправляющий Пажеским корпусом, в 1803 году определенный попечителем Дерптского учебного округа генерал-лейтенант Ф.И. Клингер; один из основателей Харьковского университета В.Н. Каразин, профессор Московского университета Ф.Г. Баузе и член-корреспондент Петербургской академии наук Н.И. Фусс².

Тем временем в Петербурге было создано Министерство народного просвещения³ (в 1802 году его возглавил гр. П.В. Завадовский) и Комиссия об училищах (в нее вошли влиятельные сановники: гражданские – гр. П.В. Завадовский, М.Н. Муравьев, С.О. Потоцкий, кн. А.А. Чарторыйский; военные – генерал-лейтенант Ф.И. Клингер и генерал-майор Н.З. Хитров; а также ученые – члены-корреспонденты Петербургской академии наук Н.Я. Озерецковский, Н.И. Фусс). Как только стало ясно, что чиновники и академики по вопросу основ системы образования достигли общего мнения, комиссия была переименована в Главное правление училищ и стала структурной частью министерства, о чем было сообщено в официальном издании Министерства народного просвещения – «Периодическом сочинении об успехах народного просвещения»⁴.

¹ Пушкарев Е.Ю. Указ.соч. С.48.

² Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России: [в 4 т.]. Т.1: Российские университеты и Устав 1804 года / предисл. В.А. Садовниченко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 198-205.

³ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 27. №20.406.

⁴ Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1803. № 2. С.156.

По замыслу реформаторов, взаимоотношения университетских профессоров и государственных чиновников должны были регулировать созданные ими «Предварительные правила народного просвещения» (24 января 1803 г.)¹, указ «Об учреждении учебных округов» (24 января 1803 г.)², Утвердительные Грамоты Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов (5 ноября 1803 г.)³, уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов (5 ноября 1804 г.)⁴ и уставы учебных заведений, подведомственных университетам (5 ноября 1804 г.)⁵.

Интегрируя вновь созданное ученое сословие в имеющуюся социальную структуру империи, составители законодательных актов включили ученые степени в Табель о рангах для чиновников, а сами университеты встроили в иерархию государственных учебных заведений. Каждый университет был наделен распорядительной и контролирующей властью над гимназиями, уездными и приходскими училищами вверенного ему округа и над печатной продукцией. Институт кураторов был заменен институтом попечителей, назначаемых государственной властью. В результате российские университеты обрели государственный характер, но имели формальные признаки корпорации – выборность университетских должностей, управление профессорским советом, корпоративная оценка профессионализма и решение о присуждении ученой степени, право на экспертное суждение о достоинствах рукописей и переводов. Данная форма существо-

¹ Об устройстве училищ. 24 января 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. № 6. Стб.13–21.

² Об учреждении учебных округов. 24 января 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1. №7. Стб.21–22.

³ Утвердительные Грамоты Императорских Московского, Харьковского и Казанского Университетов. 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1. № 44. Стб. 254–261.

⁴ Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского Университетов. 5 ноября 1804 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1. № 46. Стб. 264–301.

⁵ Устав учебных заведений, подведомых университетам. 5 ноября 1804 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1. № 47. Стб. 301 – 339.

вания университетов соответствовала современным западным тенденциям в образовательной политике¹.

Большинство положений, изложенных в законодательных документах 1802-1804 годов Министерства народного просвещения, имели декларативный характер. Они демонстрировали современникам заинтересованность верховной власти в западной учености и требовали от подданных поддержки и участия в судьбах императорских университетов. При этом социальная миссия университета виделась реформаторам довольно туманно².

В день утверждения главных законодательных актов по Министерству народного просвещения - 24 января 1803 года - Александр I утвердил попечителей учебных округов, товарища министра народного просвещения М.Н. Муравьев (ему вверялся Московский университет и округ), товарища министра иностранных дел князя А.А. Чарторыйского (в Виленский университет и округ), генерал-лейтенанта Ф.И. Клингера (в Дерптский университет и округ), тайного советника графа С.О. Потоцкого (в Харьковский университет и округ), тайного советника графа А.А.Мантейфеля (в Казанский университет и округ), действительного камергера Н.Н. Новосильцева (в Главный педагогический институт и Петербургский округ). Мантейфель, однако, приложил все усилия, чтобы избежать этого назначения и получить другое³. Тогда выбор пал на академика, астронома С.Я. Румовского. В Казань его определили как человека, уже побывавшего там проездом во время научной экспедиции⁴.

¹ A History of the University of Europe. Vol.3. Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800-1945). Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

² Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С.26-28.

³ Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802-1902): исторический очерк: [в 2 т.]. Т. 1: Первый и второй периоды (1802-1865). Юрьев : Тип-фия. К. Матиссена, 1902. С.154-155.

⁴ См. о нем: Боголюбов А. Н. Математики. Механики. Биографический справочник. — Киев, Наукова думка, 1983; Карлов Н. В. Две академии: люди и свершения // Вестник РАН. 2002. Т. 72. № 7. С. 646–653; Павлова Г. Ф. Степан Яковлевич Румовский, 1734-1812. М.: Наука, 1979; Российская академия наук. Персональный состав: [в 4 кн.]. Кн. 1: 1724 – 1917 / сост. В.В. Левшина. М.: Наука, 1999.

Вскоре на Главное правление училищ было возложено и составление устава о цензуре¹. О том, что цензурный устав представляет собой «законодательный акт чрезвычайной важности», говорилось на заседаниях Государственного Совета². В комитет по разработке устава о цензуре входили известные ученые – Н.Я. Озерецковский и Н.И. Фусс, они продвигали идею о том, что деятельность научных и учебных заведений сопровождается подготовкой и публикацией необходимых для функционирования заведений разнохарактерных текстов (научных трактатов, статей, заметок, учебных пособий, путевых записей, беллетристики и проч. на русском, иностранных языках, в том числе и древних). Именно ученое сословие должно было быть привлечено к экспертизе текстов (рукописей и переводов иностранных книг), претендующих на публикацию в казенных и вольных типографиях учебного округа.

Историк цензуры А.М. Скабичевский описал подробности обсуждения проекта устава о цензуре. На заседании комиссии 3 октября 1803 года попечитель Петербургского учебного округа Н.Н. Новосильцев доложил о двух вариантах организации цензуры в России. Первый вариант предполагал установить предварительную цензуру, второй – последовательную (или карательную) цензуру. Разница между ними состояла, в том, что в основе предварительной цензуры – разрешение на публикацию, данное цензором и выдача билета; последовательная цензура основывалась на свободе печати, с той только разницей, что цензуре подвергалась не рукопись, а уже опубликованный тираж и, в том случае, если были найдены запрещенные цензурой идеи или места, то тираж подвергался изъятию. Кроме того, по-

¹ Вопрос об обстоятельствах разработки университетского устава и идейных источниках для него сегодня является хорошо проработанным, см. об этом: Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII- первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. С.372-397; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России: [в 4 т.]. Т.1: Российские университеты и Устав 1804 года / предисловие В.А. Садовниченко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С.135, 138.

² Рождественский С.В. Исторический обзор Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб.: Мин-во народ. просв., 1902. С.99.

следовательная цензура предполагала возможность судебного обжалования решений¹.

По мнению членов-корреспондентов Петербургской Академии наук Н.И. Фусса и Н.Я. Озерцовского, авторитетных членов Главного правления училищ, принявших активное участие в обсуждении доклада Н.Н. Новосильцева, в России приемлемо установление предварительной цензуры, ибо последовательная цензура чревата «гибельными последствиями злоупотребления свободой слова». В России опыт предварительной цензуры Святейшего Синода, Петербургской Академии наук зарекомендовал себя с положительной стороны. Академики признавали, что предварительная цензура чревата ущемлениями прав авторов, запретом полезных книг. Панацеею они видели в написании подробных инструкций цензорам из числа профессорско-преподавательского состава. Контроль за публикацией, продажей книг, их перевозкой в России надлежало предоставить, как и прежде, управам благочиния ввиду того, что «цензура предварительная не препятствует распространению вредных рукописей»². На академиков и было возложено поручение составить проект устава о цензуре. Под текстом проекта устава поставили подписи все члены почтенной комиссии: президент Петербургской Академии наук и попечитель Петербургского учебного округа Н.Н. Новосильцев, попечитель Дерптского учебного округа генерал-лейтенант Ф.И. Клингер, попечитель Московского учебного округа М.Н. Муравьев, попечитель Казанского учебного округа С.Я. Румовский, попечитель Харьковского учебного округа граф С.О. Потоцкий, и наконец, его авторы – члены-корреспонденты Петербургской Академии наук Н.Я. Озерцовский и Н.И. Фусс. Получить хотя бы формальное согласие попечителей учебных округов представлялось весьма важным, поскольку контроль за деятельностью цензурных комитетов возлагался именно на них.

9 июля 1804 года императором Александром I был утвержден устав «О цензуре». Преамбулой к уставу послужила докладная записка министра народного просвещения П.В. Завадовского³. В преамбуле

¹ Скабичевский А.М. Указ.соч. С.93.

² Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I: [в 2 т.]. СПб.: Тип-фия Ф.С. Сущинского, 1865-1866. Т.1. С.15-16.

³ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 28. №21.388.

идея организации цензуры в составе университетов приписывалась императору Александру I, но не целью ограничить «свободу мыслить и писать», а для того, чтобы были «взяты пристойные меры против злоупотребления оной»¹. Именно «против злоупотребления оной», ибо в небольшие пять лет правления Павла I их было предостаточно. Составители устава уверяли, что введение цензуры носит утилитарно-организационный характер – для «единообразного руководства в рассматривании книг и сочинений во всей империи». Замысел состоял в том, что совокупность строго определенных принципов и правил устава должна была обеспечить законное их применение на практике, предотвратить произвол цензоров и освободить императора от ответственности корректировать цензурное законодательство, ибо любое вмешательство императора, претендующего слыть просвещенным, расценивалось как поправление интересов литературы, науки, искусства.

Предварительные правила 1803 года, уставы университетов 1804 года (глава XVI «О типографии и цензуре книг») и устав о цензуре 1804 года определили место и роль новой цензуры в России. Уставы всех университетов, кроме Виленского, содержали на счет организации цензурного комитета особые параграфы. Как было уже сказано, в России на официальном уровне учреждалась предварительная цензура. Цензурные комитеты университетов занимались общей цензурой, со временем все чаще называемой общегражданской. Ее характер определял ее главную обязанность: рассматривать все книги и сочинения, предназначенные к распространению в обществе, если авторами являлись частные лица (§1 устава о цензуре). Цензурным комитетам предстояло выполнить сложную задачу: с одной стороны, «удалять книги, противные нравственности», с другой – доставлять обществу книги, «способствующие истинному просвещению ума и образованию нравов» (§2 устава о цензуре). Цензурному комитету университета вменялось «отвратить издание сочинений, коих содержание противно Закону, Правительству, благопристойности, добрым нравам и личной чести какого-либо частного человека» (§181 устава университетов).

¹ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 28. №21.388.

Созданному министерству народного просвещения и Главному правлению училищ было передано «смотрение за изданием книг» в учебных округах и императорских университетах. Подотчетным им цензурным комитетам вверялась обязанность цензурировать рукописи и иностранные книги, «выписываемые из чужих краев для университетских чиновников», и «печатаемые в типографиях, состоящих в округе оного университета, при котором оный комитет находится» (§4 устава о цензуре). Состав цензурного комитета определяли выборы деканов отделений (факультетов): избранные советами отделений (факультетов) деканы ко всем прочим обязанностям приобретали еще одну – заседать в цензурном комитете. Им в помощь назначались лекторы из числа университетариев, которые приобщались к чтению рукописей и иностранных книг. Обязанность лекторов выполняли лица, имеющие ученую степень (доктора, магистры), и те, кто числился на преподавательской должности – адъюнкты (§180, 183 устава университетов)¹. Отличался состав цензурного комитета в Санкт-Петербурге – здесь вплоть до открытия университета действовал цензурный комитет из «ученых особ» (то есть ими могли быть лица, имеющие ученую степень магистра, доктора, могли быть академики) и возглавлялся не председателем цензурного комитета из числа деканов одного из отделений (факультета) университета (ввиду их отсутствия), а самим попечителем учебного округа (п.5 устава о цензуре 1804 года). Более того, это был единственный цензурный комитет, который имел свое штатное расписание: на содержание одного из трех цензоров казна выделяла 1200 рублей, секретаря, «знающего иностранные языки, коему поручается и хранение книг» – 750 рублей, «на канцелярских служителей и расходы» – не более 1000 рублей в год².

Наряду с общей цензурой (общегражданской) была учреждена специальная цензура для научной печатной продукции, издаваемой Главным правлением училищ, академиями, учеными обществами и государственными учреждениями (в частности, организованных не так давно мини-

¹ Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802-1825. СПб., 1864. № 46. Стб. 299-300.

² ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 28. №21.388.

стерств: военного, морского, иностранных дел, внутренних дел, государственных имуществ и других). Специальная цензура назначалась в том случае, если рукопись, рекомендуемую к публикации казенным учреждением, передавали в частную типографию. Если рукопись частного лица передавали на публикацию в казенную типографию, то цензурирование проводилось в общем порядке. Ответственность за организацию специальной цензуры возлагалась на руководителя ведомства (§7 устава о цензуре). Оговорка в уставе о сосуществовании общей и специальной цензуры послужила хорошим подспорьем в разграничении подведомственности и, соответственно, ответственности за допуск к печати рукописей и переводов, в которых имелаась информация с ограниченным доступом. Так, устав о цензуре не распространял действие на сочинения духовного содержания – духовная цензура была подведомственна Святейшему Синоду. Подобная норма имелаась и в уставе университетов (§182 устав университетов). Цензурные комитеты университетов взаимодействовали с духовной цензурой: они ставили друг друга в известность о запрещенных рукописях и книгах, направляли рукописи и книги, не относящиеся к проверке по их подведомственности. Тому подтверждение делопроизводственные документы цензурных комитетов российских университетов¹.

Этот же параграф оговаривал академическую свободу сочинений, которые должны были печататься «по определению университетского совета или правления», что означало: научные трактаты, учебные пособия, прошедшие обсуждение совета или правления университета и одобренные к публикации, освобождались от экспертизы

¹ К примеру, в ОРРК НБЛ К(П)ФУ хранится дело, в котором подшиты за 1818 год следующие документы: отношение из цензурного университета о запрещении некоторых сочинений; письмо министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына о запрещении книги «Описание действия, употребления и сохранения пластыря минерального бальзамического, изобретенного и составленного Прудниковым»; письмо петербургского цензора Г.Яценкова о запрещении перевода с французского «Разбойников Аппенинских гор, или приключения дьявола Сакрапинти». См.: ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед.хр.4169 «Дела цензурного комитета за 1818 год. Казань, 1819. 7 дел». № 3. «Дело о запрещении некоторых рукописей к печатанию. Казань, 1818». 9 л. За 1825 год представляет интерес дело, см.: там же. Ед.хр. 4178 «Дела цензурного комитета за 1825 год. Казань, 1825. 13 дел». № 9 «Дело по предписанию совета университета с приложением реестра книгам, подверженным рассмотрению Синода. Казань, июль 1825». 6 л.

цензурного комитета, поскольку в цензурном комитете заседали те же эксперты, что и в органах самоуправления университета.

Другой академической свободой было право университета и профессоров беспрепятственно выписывать все сочинения, «какого бы они содержания не были», в том числе из-за границы. В обязанности цензурного комитета входило провести экспертизу тех из них, которые предназначались для университетской библиотеки, и сообщить библиотекарю о тех, кои «признает соблазнительными и вредными» (§187 устава университетов). Опломбированный свинцовыми пломбами багаж университетов с иностранными книгами не подвергался досмотру в таможнях, беспрепятственно следовал к месту назначения.

В последующие годы специальная цензура расширялась. С августа 1810 года цензура иностранных книг, ввозимых из-за границы по инициативе частных лиц, стала подведомственна канцелярии Министерства внутренних дел¹. Манифест об учреждении Министерства полиции от 25 июня 1811 года наделял его министра и особенную канцелярию при нем полномочиями в области цензуры, в частности: «Надзор за книгопродавцами и типографиями; наблюдение, чтобы не обращались книги, журналы, мнения, сочинения и листки без установленного от правительства дозволения; сведения о дозволениях, данных для тиснения новых сочинений и переводов; о вновь пропущенных из-за границы книгах; дозволение представления новых театральных сочинений; надзор над изданием и объявлением разных публичных известий (афиш и прочее)»².

На первый взгляд, произошло дублирование цензорских функций цензурных комитетов при университетах и особенной канцелярии Министерства полиции. В действительности на Министерство полиции были возложены те функции, которые осуществлять университетским цензорам не представлялось возможным. Университетскому цензору были подведомственны рукописи, книги, картины, ноты, зарегистрированные в специальном журнале цензурного комитета (§183 устава университетов) и переданные на экспертизу через секретаря цензурного комитета университета одному из лекторов цензурного комитета. Осу-

¹ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 31. №24.307; 24.326.

² ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 31. №24.687.

шествовать контроль за частными типографиями, тиражами частных типографий, театральными постановками (не пьесами, а именно постановками!), расклеенными театральными афишами и объявлениями цензор не мог, т.к. ему это было не подведомственно и не регламентировалось ни уставом о цензуре, ни уставом университетов. Но с этим вполне могли справиться полицмейстеры управ благочиния, о чем должны были сообщать по подведомственности гражданскому губернатору и в особенную канцелярию Министерства полиции.

За цензурными комитетами Министерства народного просвещения сохранялось академическое право давать суждение о содержании сочинений, за Министерством полиции – контроль за печатью и всем тем, что было за пределами университетской юрисдикции. К интересам государственной важности относилось вынесение решений о разрешении открытия частной типографии: с 1818 года требовалось одобрительное свидетельство полиции о благонадежности его владельца.

Н.Л. Бродский приводит интересные данные о цензурной деятельности полиции, в частности, в отношении театральных постановок: с 1811 по 1816 годы ею были запрещены 53 театральные постановки; в 1815 году – запрещено печатать критические отзывы об Императорском театре и актерах, находящихся на службе Его Величества¹. Ряд исследователей подобные действия полиции рассматривают как нарушение устава о цензуре, вторжение в компетенцию Министерства народного просвещения². И, тем не менее, подобные меры, думается, следует рассматривать как следствие разграничения подведомственности цензуры между государственными учреждениями.

Оговорки в уставе о цензуре о разграничении компетенции цензурных комитетов позволяли заложить основы для специализации уже сложившейся светской цензуры по двум основным категориям: цензура литературы, представляющей общественный или частный интерес (подведомственна цензурным комитетам университетов); цензура литературы представляющей государственный интерес или государственную

¹ Бродский Н.Л. Писатель и книга в Александровскую эпоху // Три века. Россия от смуты до нашего времени: Исторический сборник: [в 6 т.]. Т.5: XIX век. Первая половина / под ред. В. В. Каллаша. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912-1913. С.277.

² Пушкарев Е.Ю. Указ.соч. С. 48.

выгоду (подведомственна государственным учреждениям и лично императору, например, постановки Императорского театра).

Устав также допускал, что цензурные комитеты при университетах не всегда имели возможность в полной мере выполнить обязанность цензурирования рукописей или повременных изданий, например, издаваемых в отдаленном от университета городе. В этом случае цензурирование могло быть поручено директору гимназии, который ежемесячно сообщал в цензурный комитет о всех одобренных или запрещенных сочинениях (§36 устава о цензуре).

Автор, переводчик или издатель, желавший опубликовать рукопись или перевод, обязывался представить ее в цензурный комитет того учебного округа, где предполагался ее выход в свет (§37 устава о цензуре). Разрешением к публикации служил выпущенный цензурным комитетом билет. Издание рукописи в обход цензуры, без выписанного билета, влекло за собой конфискацию тиража (§43 устава о цензуре).

Первый отпечатанный экземпляр рукописи отправлялся из типографии в университет (§186 устава университетов). Практика показала, что таким сличением занимался издательский комитет университета, куда цензурный комитет передавал через секретаря проверенную рукопись, цензурные гранки. После сличения оригинал рукописи возвращался секретарю цензурного комитета, а тот, в свою очередь, законному владельцу, о чем составлялась расписка. Ответственность за соответствие издания оригиналу, одобренному цензурой, нес владелец типографии (§46 устава о цензуре). Обжаловать отрицательное решение цензурного комитета было возможным путем подачи жалобы в Главное правление училищ (§40 устава о цензуре, §184 устава университетов). Практика цензуры показала, что жалобы о злоупотреблении цензурных комитетов подавались и на имя министра народного просвещения, и лично императору¹.

По замыслу устава 1804 года предметом рассмотрения цензурного комитета были исключительно книги, печатаемые от «частных людей», поступившие в университетскую типографию (§180) и частные типографии на территории округа (§186). Содержатели частных типографий обязывались после публикации рукописи представить в уни-

¹ РГИА. Ф.735. Оп.2. Д. 63. 1838. 8 л.

верситет «подлинную рукопись и один печатный экземпляр с приложением подписки, что в оном ничего могущего смысл превратить не включили». «Цензорный комитет» университета наделялся полицейскими полномочиями не только над рукописным и печатным словом: не допустить крамолы, в случае обнаружения оной поставить в известность попечителя и, соответственно, Главное правление училищ – вменялось ему в обязанность. «В прочем университет во всем, что касается до рассматривания всякого рода книг и сочинений, печатаемых в его округе и из чужих краев выписываемых руководствуется правилами устава о цензуре, сего 1804 года июля в 9 день Высочайше утвержденного» (§188)¹. Более того, с сочинениями духовного содержания университетская цензура должна была поступать крайне осторожно².

Итак, в основу законодательства о цензуре первой половины XIX века были положены Предварительные правила об учреждении учебных округов 1803 года, уставы университетов 1804 года и устав о цензуре 1804 года. Верховная власть высказала намерение передать в исключительное ведение Советов университетов, подотчетных им цензурных комитетов общегражданскую цензуру. Экспертизу текстов должны были осуществлять наиболее компетентные профессора – деканы факультетов (отделений).

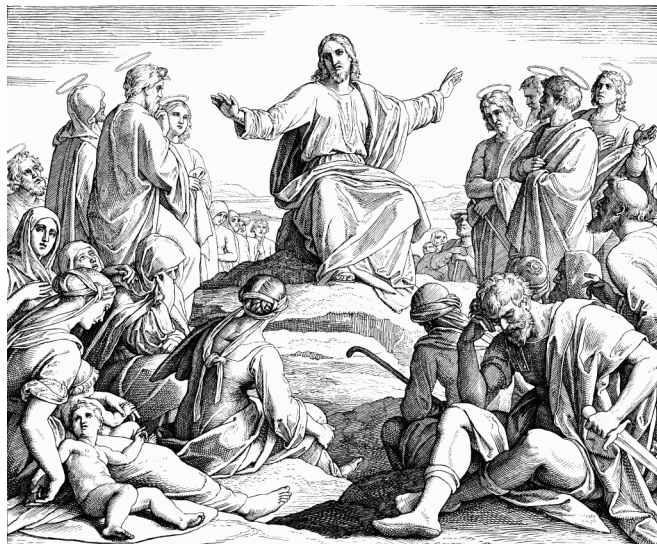
Тем не менее, в начале XIX века цензура на этапе организационного устройства университетских уставов и устава о цензуре 1804 года не имела единообразной структуры: в четырех из пяти устроенных учебных округов она была встроена в организм университетского самоуправления, в пятом столичном округе вплоть «до открытия университета» цензура была подчинена попечителю учебного округа. И хотя такая структура рассматривалась как переходная, временная, наличие двух разных практик организации общей цензуры (университетской и административной, министерской) свидетельствовало о поиске верховной власти наиболее адекватных форм надзора и контроля за печатным словом.

¹ Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802-1825. СПб., 1864. № 46. Стб. 301.

² ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед.хр. 4178. Дела цензурного комитета за 1825 год. Казань, 1825. 13 дел. № 2. 6 л.

Часть 3.

Цензура в «евангельском государстве»

Практика цензурных комитетов университетов в значительной степени определялась политическим курсом верховной власти¹. После завершения заграничных походов внешнеполитический и внутриполитический курс Александра I претерпел значительное изменение, он был последовательно направлен на создание «евангельского государства». Трансформация проходила на протяжении ряда лет: с 1813 года вплоть до смерти императора Александра I. Знаменательными стали даты создания Союза трех императоров (Венский конгресс, 1815 год); Министерства духовных дел и народного просвещения (1817 год); Библейского общества (1819 год)². Заграничные походы способствовали не только подъему патриотического сознания российского общества, но и осознанию верховной властью факта, что Россия является частью Европейского политического сообщества, частью

¹ В качестве иллюстрации к третьей части монографии используется работа: Шнорр фон Карольсфельд, Юлиус. Нагорная проповедь Иисуса. Евангелие от Матфея: Библия в картинах. Гравюра. 1852-1860. URL: http://elenapyyhtia.blogspot.com/2018/03/blog-post_22.html?view=classic (дата обращения: 01.11.2017).

² Пыпин А.Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I: [в 3 т.]. Т.1: Религиозные движения при Александре I / предисл. и примеч. Н. К. Пиксанова. Пгд.: Огни, 1916. С.56-59.

христианского культурного пространства¹. Александром I и некоторыми высокопоставленными сановниками овладела идея построения в Российской империи «евангельского государства». Идея совершенствующейся нравственности как основы новой гражданственности вполне соответствовала новым представлениям об основах российской политической культуры². Тем не менее, эта идея не приобрела однозначный характер. Исследователи, в частности С.А. Экштут, отмечали полемику в среде левой оппозиции по вопросу «нравственности в политике», ее характера, места и цели³. Не все поддерживали идею Александра I и министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына о формировании общехристианских основ в области образования. В Главном правлении училищ были попечители, которые сомневались, если не в самом направлении, то в его содержании. Одним из наиболее активных критиков идеи «евангельского государства» был попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий.

Магницкий, возглавив восточный учебный округ сразу после ревизии, большое внимание уделил его «очищению от скверны». В основу его инструкций директору и ректору Казанского университета⁴, Совету⁵, безусловно, лежит его доклад на имя министра духовных дел и народного просвещения об итогах ревизии. Казанский попечитель, докладывая о намерении реализовать свои инструкции в университете, «прожектировал» свои идеи вверх – министру духовных дел и народного просвещения, тот, в свою очередь, усматривал в инструкциях адаптированную идею евангельского государства к российским условиям, доложил о них императору Александру I. Таким образом, инструкции директору и ректору Казанского университета получили

¹ Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань: Изд-во Казан.гос.ун-та, 1997. С. 98-99.

² Там же. С.99.

³ Экштут С.А. В поиске исторической альтернативы: Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1994.

⁴ См.: Магницкий М.Л. Инструкция директору Казанского императорского университета (17 января 1820) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1. № 461. Ст. 1317-1337. Инструкция представлена двумя частями: первая адресована директору, вторая - ректору.

⁵ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 870. 1820. Л. 12-13.

высочайшее одобрение 17 января 1823 года и стали служить ориентиром для других попечителей.

Каким виделось предназначение Казанского университета в новом евангельском государстве? В своем «предложении» Совету Казанского университета попечитель М.Л.Магницкий определил цель университета в новых условиях: воспитание благочестивых чиновников, ученых, учителей¹. «Инструкция» определяла основные цели и методы нравственного воспитания студентов университета. Цель состояла в том, чтобы студенты должны были быть воспитаны «верными сынами Православной церкви, верными подданными государя, добрыми и полезными гражданами Отечества»². Достичь цели было возможно силой духовного, религиозного воспитания. По мнению Магницкого, религия «связывает обязанности с волей и, досягая совесть, покоряет страсти, смиряет строптивость самолюбия»³. И далее: «законы внешнего порядка предписывают покоряться властям», но через воспитание религией эта покорность пребудет «не за страх, а за совесть»⁴. Итак, религия должна была стать той средой, которая должна была окружить питомцев университета: регулярные молитвы, «богобоязненные надзиратели», «христианский образ» жизни преподавателей, соответствие преподаваемых наук религиозным постулатам⁵.

Функция контроля и предупреждения возможного вреда от распространения «преступных внушений вольнодумства, скрывающегося ныне под разнообразными видами»⁶, возлагается на ректора как на на доверенное лицо попечителя и министерства духовных дел и народного просвещения. На ректора возлагалась обязанность отбора научных кадров в факультеты, отделения университета – такой была логика изложения инструкции ректору университета. В рекомендациях Магницкого «красной нитью» проходила идея, что «в преподава-

¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 870. 1820. Л. 12-13.

² Магницкий М.Л. Инструкция директору Казанского императорского университета: высочайше утверждена 17 января 1820 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1. № 461. Ст. 1320.

³ Там же. Ст. 1321.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ст. 1324-1336.

⁶ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1. № 461. Ст. 1326.

нии всех наук в университете должен быть один дух Святого Евангелия»¹. Главными добродетелями профессоров и преподавателей почитались: «добрая нравственность», «благочестие, приличное каждому христианину, поведение, отвечающее их важному званию, и, главное, бескорыстие в служении Отечеству и пользе просвещения»². В заключении к инструкции директору и ректору автор выражал надежду, что она будет способствовать консолидации и мобилизации всех ресурсов университета для реализации планов правительства: «университет, устремив все науки к единой цели и связав их единым духом, во всеобщности непротиворечащих познаний, будет почтенным сословием истинного образования»³.

Казанский попечитель Магницкий, находясь постоянно в Петербурге в качестве неперемennого члена Главного Правления училищ, довольно рьяно претворял идеи министерства духовных дел и народного просвещения во вверенном университете. Ему ничуть не мешала удаленность Казани от столицы: письма попечителя директору и ректору университета достигали адресата спустя четыре недели после отправления. Фактически Магницкий руководил Казанским учебным округом и университетом с помощью писем ректору Г.Б. Никольскому. Обнаружив в его лице надежного исполнителя, Магницкий сделал его проводником своих идей: сначала в качестве ректора университета (1820-1823), затем – директора (1822-1826)⁴. Трудиться наводить страх Магницкому не приходилось: университетское сословие хорошо помнило принудительный исход одиннадцати профессоров и преподавателей из Казанского университета, который инициировал Михайло Леонтьевич сразу после своей ревизии в 1819 году⁵.

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения ... Ст. 1325.

² Там же. Ст. 1325.

³ Там же. Ст. 1336.

⁴ Комплекс писем М.Л. Магницкого Г.Б. Никольскому – подлинников и копий, датированных с 14 декабря 1820 года по 26 сентября 1824 года, хранящихся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета (40 писем) и Национальном архиве Республики Татарстан (24 письма), был опубликован К.А. Ильиной. См.: Ильина К.А. Письма попечителя // Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века) / А.Н. Бикташева, М.Х. Гизатуллин, К.А. Ильина. Казань: Рутен, 2006. С. 129-216.

⁵ Феоктистов Е.М. Магницкий: Материалы для истории просвещения в России. СПб.: Тип-фия Кесневила, 1865. Т. 1. С.78.

Воспитание и образование студентов, наука и учебные дисциплины, издательская деятельность университета и цензура были охвачены пристальным вниманием обскуранта. Его указания Никольскому исправно копировались и передавались на рассмотрение цензорам. Архивные документы свидетельствуют, что посредством писем попечителя доводилось мнение министерства, выразителем которого являлся министр - князь А.Н. Голицын¹. Именно он подписывал постановления и распоряжения, циркулярные письма. Так было вплоть до 1823 года.

Именно тогда М.Л. Магницкий подготовил «Проект мнения о цензуре вообще и началах, на которых предполагает цензурный комитет составить для оной устав»², «Проект секретной инструкции цензурному комитету. Проект устава»³. Подготовка этих проектов совпала с падением министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына и глубоким кризисом структур, предназначенных реализовывать идею евангельского государства, как в России, так и за рубежом. Причастность Магницкого к интриге вокруг министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына, закончившаяся его отставкой, отмечали многие исследователи, в частности А.Н. Пыпин⁴. В своей монографии Ю.Е. Кондаков сообщил подроб-

¹ См., например: Циркулярное письмо министра князя А.Н. Голицына от 10.04.1820. № 1175 «По предмету предоставления медицинскому Совету цензуры книг медицинского содержания» (О цензурировании книг медицинского содержания медицинскому Совету) (1820) // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.1204. Л. 1-2; О воспрещении пропускать сочинения, касающиеся до политического состояния крестьян (1821) // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.1413. Л.1-2; О книге: «Врачебное наставление для немощных» (1821) // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.1422. Л.1-2; О рукописях, представляемых в цензуру (1822) // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.1566. Л. 1-2.

² Документ впервые опубликован в исследовании М.И. Сухомлинова. См.: [Магницкий М.Л.] Проект мнения о цензуре вообще и началах, на которых предполагает цензурный комитет составить для оной устав // Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб.: Тип-фия А.С. Суворина, 1889. Т.1. С.463-470.

³ Документ впервые опубликован в исследовании М.И. Сухомлинова. См.: [Магницкий М.Л.] Проект секретной инструкции цензурному комитету. Проект устава // Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб.: Тип-фия А.С. Суворина, 1889. Т.1. С.471-480.

⁴ Пыпин А.Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I. В 3 т. Т.1.: Религиозные движения / предисл. и примеч. Н. К. Пиксанова. Пгд : Огни, 1916. С. 192-278; Магницкий М.Л. Окончательное дополнение к запискам о тайных обществах (7 апреля 1824 года) // Магницкий М.Л. Православное просвещение / сост., предисл. А.Ю. Минаков; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, Родная страна, 2014. С. 210-212;

ности скандальной истории подготовки книги к публикации на русском языке И.-Е. Госснера «Евангелие от Матфея», связал их с причинами смещения князя А.Н. Голицына с поста министра духовных дел и народного просвещения¹. В контексте нашего исследования представляют интерес объяснения, которые остались за рамками монографии Ю.Е. Кондакова: об эффективности цензурного контроля, в частности, за книгами иностранного происхождения и их переводами; о степени ответственности министра духовных дел и народного просвещения и осознании ее значения за пропуск книг, имеющих еретическое содержание, а также последствий подобных дел в пересмотре цензурных установлений. Для того, чтобы рассмотреть интересующие нас вопросы, мы остановимся подробно на обстоятельствах реконструированного Ю.Е. Кондаковым «дела Госснера»: основываясь на его реконструкции, представим интерпретацию интересующих нас фактов.

Внимание Ю.Е. Кондакова привлекли документы, хранящиеся в ряде фондов Российского государственного исторического архива (фонда 1171, «Государственный Совет»), рукописи и редкие книги, найденные в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук (фонд 100), отделе рукописей Российской национальной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (основной фонд рукописной книги F I 484), иные документы, связанные с «делом Госснера» или, как это впервые обозначил в историографии И.М. Остроглазов, с «историей одной редкой и замечательной книги»².

Иоганн Евангелиста Госснер – один из директоров Российского библейского общества, известный в то время католический проповедник из Германии и автор евангельских религиозных текстов на немецком языке³. Госснер пользовался уважением и покровительством

Его же. О злых действиях тайных обществ, выдумавших Библейское общество в Европе и неуспешно через оное все к своей цели направляющих // Там же. С. 213-217.

¹ Дело пастора И.-Е. Госснера. См.: Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России в первой четверти XIX века. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та, 2005. С.259-331.

² См. об этом: Остроглазов И. М. История одной редкой и замечательной книги // Библиографические записки. 1892. №. 3. С. 179–198; №. 5. С. 338–348; №. 8. С. 593–557; № 10. С. 712–713.

³ Госснер И.-Е. // Русский биографический словарь. СПб., 2001. С. 366–374.

министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына, других высокопоставленных чиновников, в том числе подчиненного Голицына директора департамента народного просвещения В.М. Попова¹. Переводы некоторых сочинений Госснера на русский язык уже были опубликованы в России в рамках христианской просветительской деятельности Российского Библейского общества. В их числе: «Зеркало внутреннего человека» (без указания автора, с немецкого издания «Das Hers des Mehschen ein Tempel Gottes, Oder eine Werkstatte des Satana», 1812; в России книга была опубликована в Санкт-Петербурге в типографии Н.И. Греча в 1819, 1821, 1822 годах; третье издание (1822) имело оригинальное название: «Сердце человеческое есть храм Божий или жилище сатаны»); «Блаженство верующего, в сердце которого обитает Иисус Христос» (1821), перевод М.П. Позена (сочинение пережило четыре издания в Санкт-Петербурге в 1821 (одно) и три – в 1822²).

В журнале цензурного комитета Московского университета сохранился протокол от 17 апреля 1816 года, который в повестке рассматриваемых вопросов имеет указание на предложение попечителя Московского учебного округа князя П.И. Голенищева – Кутузова о «словесном приказании» министра народного просвещения П.В.Завадовского. Согласно записи министр «предлагает не мало не препятствовать издателю пропущенной Санкт-Петербургской цензурою книги, под названием: «Зерцало истинного Христианина», печатать ее в которой либо из находящихся в Москве типографий». Московский цензурный комитет определил: «приобщить сие к сведению, и снабдить издателя, когда он явится, позволением печатать здесь в Москве вышеозначенную книгу»³.

Информация интересна двумя фактами. Во-первых, фактом появившейся версии, что автором рукописи с названием *«Зерцало ис-*

¹ Попов В.М. Русский биографический словарь: в 25 томах / под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцева. СПб., 1905. Т. 14: Плавильщиков. Примо. С. 531-534.

² Библиографические сведения об опубликованных книгах И.-Е. Госснера приводятся по изданию: Сводный каталог русской книги 1801-1825. М., 2000. Т. 1. С. 385-386; а также: Кондаков Ю.Е. Указ. соч. С. 265.

³ ЦГАМ. Ф. 31. Оп.1. Д.48. 1816. Л.41.

тинного Христианина» является Госснер. Протокол подтверждает, что ранее рукопись была одобрена Санкт-Петербургским цензурным комитетом, в связи с чем министр народного просвещения П.В. Завадовский дал указание Московскому цензурному комитету разрешить публикацию этой книги, название которой весьма схоже с названием книги Госснера, опубликованной в Санкт-Петербурге анонимно – *«Зеркало внутреннего человека»* (курсив – Р.Х.Г.). Во-вторых, что практика словесных указаний попечителям и цензурным комитетам имела место еще до министра князя А.Д. Голицына.

Заметим, что на русский язык были опубликованы переводы немецких христианских сочинений, изданные в Германии и одобренные цензурой иностранных книг к ввозу, продаже и распространению в России.

Книга Госснера, вокруг которой и случился скандал, была издана в Германии, Виртембергском королевстве в 1818 году на немецком языке под названием: *«Geist des Lebens u der Lehre Jesu Christi»*. Так же, как и вышеназванные сочинения, она была допущена цензурой иностранных книг к ввозу и распространению в России. После того, как перевод книги был опубликован, а по результатам следствия было принято решение об уничтожении тиража, сохранилось несколько единичных экземпляров (известно местонахождение шести: два в Москве, четыре в Санкт-Петербурге)¹.

Наиболее известными для широкого круга исследователей являются два экземпляра, сохранившиеся из сожженного тиража, напечатанного в типографии Н.И. Греча в 1824 году. Они имеют рукописное название «Дух жизни и учения Иисуса Христа в Новом Завете. Евангелие от Матфея» и хранятся в основном фонде рукописной книги FI 484 отдела рукописей Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (рукопись имеет кожаный переплет с надписью «Дух Анти-Православный Ересь. Истребленная в СПб. 25 апреля 1824 года») и в Российском государственном историческом архиве в фонде 1171 («Государственный совет»)².

¹ Кондаков Ю.Е. Указ. соч. С. 266-267.

² Там же. С. 267-268.

В начале 1823 года перевод книги Госснера был передан на цензурирование Петербургскому цензурному комитету, где председателем был А.И. Красовский. 1 мая 1823 года Петербургский цензурный комитет одобрил перевод этой книги под названием «Дух жизни и учения Иисуса Христа в Новом Завете»¹, также как и перевод предыдущей книги Госснера «Блаженство верующего, в сердце которого обитает Иисус Христос», перевод «Духа жизни и учения Иисуса Христа в Новом Завете. Евангелие от Матфея» был поручен цензору А.С. Бирукову². 24 мая 1823 года перевод книги на основании положительного отзыва Бирукова был одобрен Петербургским комитетом к печати в типографии Н.И. Греча³. Еще через месяц – 31 июня 1823 года - цензор К.К. фон Поль⁴ пропустил в печать оригинал книги на немецком языке к печати в России, он должен был быть опубликован в типографии К.Края⁵.

Против неопубликованной книги немецкого пастора и лично против инициатора публикации министра князя А.Н. Голицына стала складываться оппозиция в лице довольно широкого круга лиц, как государственных деятелей (генерал-адъютанта графа А.А. Аракчеева,

¹ Поль фон, Карл Карлович – выпускник Московского университета. В 1813 году поступил на службу в Особенную канцелярию Министерства народного просвещения, а с 1821 – начальник III отделения Департамента духовных дел и народного просвещения. С 1 сентября 1820 года совмещал службу в департаменте с цензорскими обязанностями. В ходе расследования «дела Госснера» был отстранен от выполнения цензорских обязанностей. 4 августа 1826 года по 11 мая 1827 года состоял цензором Главного цензурного комитета. См.: Цензоры Российской империи. Конец XVIII – начало XX века. Библиографический справочник / под ред. В.Р. Фирсова. СПб.: Росс.нац.библ-ка, 2013. С.297.

² Бируков Александр Степанович – преподаватель латинского и греческого языка в Харьковском коллегиуме (с 1791 года). В 1794 году перешел на службу в Харьковское военное училище, где преподавал логику и красноречие. В 1803 году – экспедитор по ученой экспедиции Главного правления училищ. В 1817 году назначен в Департамент народного просвещения. С 2 апреля 1821 года - цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета, был отстранен от исполнения цензорских обязанностей в ходе расследования «дела Госснера». С 4 августа 1826 по 11 мая 1827 года – член Главного цензурного комитета. См.: Цензоры Российской империи. Конец XVIII – начало XX века. Библиографический справочник. С.99.

³ Кондаков И.Е. Указ. соч. С.273.

⁴ Кроме того он занимал важный пост начальника третьего отделения Департамента духовных дел, также как и А.С. Бируков, был подчиненным В.М. Полевого. См.: Кондаков И.Е. Указ. соч. С. 272-273, 275.

⁵ Кондаков И.Е. Указ. соч. С.275.

попечителя М.Л. Магницкого, П.С. Мещерского, князя П.А. Ширинского-Шихматова, адмирала А.С. Шишкова), так и религиозных (митрополита Серафима, архимандрита Фотия (Спасского))¹. Интрига вокруг книги Госснера имела тайную составляющую: вскоре о готовящемся смещении министра объединенного министерства духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына, стали поговаривать в обществе². Отношение к содержанию рукописи ряда деятелей Библейского общества имело неоднозначную оценку, и это мнение стало решающим при определении политической судьбы Голицына.

Голицын имел представление о содержании книги Госснера на немецком языке, и именно оригинал книги вызвал его одобрение и поддержку. С переводом книги Голицын не был знаком, он и не пытался с ним ознакомиться, всецело доверив его подготовку своим подчиненным: цензору А.С. Бирукову и директору департамента народного просвещения и члена Библейского общества В.М. Попову. Голицын не допускал мысли, что некоторые положения перевода «Евангелия от Матфея», речевые обороты могут быть признаны «вредными» и даже «опасными» – с точки зрения общегражданской цензуры, «еретическими» – с позиции религиозной. У него не возникало даже тени сомнения, что опытный и дотошный цензор может «сплоховать», подвести при проведении экспертизы перевода. Движимый благим порывом христианского просвещения, министр духовных дел и народного просвещения разрешил цензурирование перевода книги на русский язык, не сомневаясь в успехе ее публикации, как это случилось с публикацией предыдущих переводов книг пастора.

В своей монографии И.Е. Кондаков, основываясь на воспоминаниях издателя Н.И. Греча, пришел к выводу, что попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий был одной из ключевых фигур интриги вокруг книги Госснера и использовании ее против Голицына³. Именно Магницкий стал одним из критиков книги известного немецкого проповедника. Казанский попечитель обратил внимание российских православных деятелей на очевидное противоречие про-

¹ Кондаков И.Е. Указ. соч. С.283-286.

² Панаев В.И. Воспоминания В.И. Панаева // Вестник Европы. 1867. Т.4. С. 82-83.

³ Из записок Н. И. Греча // Русский архив. 1868. С. 1404-1408.

поведуемых Госснером евангельских ценностей религиозным основам православия¹. Но для того, чтобы обвинения стали обоснованными, обскурант стал искать (и впоследствии ему это удалось) возможность получить отпечатанный экземпляр книги с тем, чтобы передать «уличающий» автора и его покровителя материал императору². К весне 1824 года основная часть перевода была отпечатана, компрометирующий экземпляр был получен³.

Не последнюю роль в организации получения «вещественного доказательства» сыграл обер-полицмейстер генерал-адъютант И.В. Гладков, которому в скором времени поручат расследование «дела Госснера». Его осведомитель Я.М. Платонов пытался путем подкупа получить типографский оттиск «Евангелия от Матфея»⁴. В результате успешно проведенной полицейской операции, направленной на получение отпечатанного перевода «Евангелия от Матфея», донесения митрополита Серафима и архимандрита Фотия были подкреплены вещественными доказательствами и переданы Александру I (12 апреля 1824 года)⁵.

В связи с тем, что скандал разгорелся вокруг высокопоставленного сановника — министра духовных дел и народного просвещения (кроме того, имел место и щекотливый момент — Голицын был близким другом Александра I), император решился передать дело на рассмотрение Комитету министров, Комитет министров — по подведомственности — министру внутренних дел В.С. Ланскому, который, в свою очередь, поручил провести следствие полицмейстерской управе Санкт-Петербурга и ее начальнику — известному и весьма авторитетному военачальнику, герою Отечественной войны и заграничных походов, генерал-губернатору М.А. Милорадовичу. Следствием по «делу Госснера» занимался посвященный в интригу столичный обер-полицмейстер Санкт-Петербурга генерал-лейтенант И.В. Гладков — доверенное лицо Милорадовича, бывший кадровый военный, участ-

¹ См. об этом: Кондаков И.Е. Указ. соч. С.283-286.

² Кондаков И.Е. Указ. соч. С.287.

³ Там же. С.274.

⁴ Там же. С. 287.

⁵ Там же. С.288-289.

ник антинаполеоновских компаний, отечественной войны и заграничных походов.

Обстоятельное расследование Гладкова продолжалось с 6 мая по начало июля 1824 года: были изучены рукописи перевода злосчастной книги (с которым, кстати, познакомился император Александр I), делопроизводственные документы цензурного комитета, допрошены цензоры А.С. Бируков, К.К. фон Поль, А.И. Красовский, директор департамента В.М. Попов, свидетели¹.

Следствием было установлено, что переводом книги Госснера занимались несколько человек. Первоначально - давний поклонник Госснера майор А.М. Брискорн, но делал это наспех, с ошибками. Эта спешка привела к негативным последствиям. Во-первых, перевод был предоставлен цензору не полностью и не сразу, а частями, что являлось грубым нарушением устава о цензуре (§37). Во-вторых, Брискорн был вынужден обратиться за помощью других переводчиков. В результате перевод книги обрел еще трех своих авторов: начальника интендантского отделения Адмиралтейской коллегии Ф.А. Трескинского, бывшего профессора Казанского университета И.Ф. Яковкина. Перевод вызвал нарекания другого фигуранта дела – директора департамента В.М. Попова. На заключительном этапе к исправлению перевода Яковкина подключился именно он, но его перевод не успели передать в цензуру².

После того, как перевод был поправлен Яковкиным, Брискорн передал его в набор в типографию. Одна маленькая, но очень важная деталь – без билета (разрешения) на публикацию, как этого требовал §43 устава о цензуре. В типографии осуществили набор, сделали первые оттиски книги – те самые, за которыми была устроена охота оппозиционеров и один из которых был положен на стол императору.

Следствие установило, что места, признанные «вредными» присутствовали и в немецком оригинале книги немецкого проповедника. Интерпретации переводчиков перевод не искажали и ничего существенного не добавляли³.

¹ Кондаков И.Е. Указ соч. С. 297-298.

² Там же. С. 274.

³ Там же. С. 281

Следствие показало, что министр не имел злого умысла в распространении вредных идей посредством публикации «Евангелия от Матфея». Его имя как организатора, подстрекателя не фигурировало в материалах следствия. В то же время подследственные (переводчики, цензор) сообщили, что Голицыным было дано указание заняться цензурой перевода книги Госснера; предписаний попечителя Петербургского учебного округа Д.П. Рунича и министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына докладывать им о состоянии дел о цензурировании перевода книги Госснера не поступало.

При изучении материалов следствия этот факт мог вызвать недоумение императора и членов Комитета министров: полномочиями контроля цензуры попечитель и министр были наделены, но, получалось, халатно ими пренебрегли. В то время члены Главного правления училищ и Библейского общества (попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий, митрополит Серафим и архимандрит Фотий), напротив, проявили обеспокоенность готовящейся публикацией, сигнализировали во власть.

Проступок цензора, выразившийся в пренебрежении цензорскими обязанностями, мог стоить карьеры самому цензору и, в худшем случае, - председателю цензурного комитета. Пренебрежение цензорскими обязанностями на этапе прохождения рукописи через экспертизу цензурного комитета имело негативные последствия, как правило, для самого цензора. Степень общественной опасности такого правонарушения имела незначительный характер. Иное дело решение к публикации рукописи с откровенным крамольным содержанием. Понятно, что опубликованный и готовый к реализации тираж такой книги мог опрокинуть более высокопоставленных лиц: попечителя, министра. Порой и в таких случаях обходилось без громких отставок, если случай не получал огласки и коллективного осуждения в верхах. Но случай с публикацией книги Госснера был другого свойства.

Нельзя сказать, что расчет лиц, желавших смещения Голицына и реорганизации объединенного министерства, был ориентирован на схему, в которой дискредитация министра духовных дел и народного просвещения осуществлялась посредством скандала вокруг книги

Госснера. Но то, что именно эта схема сработала и ускорила смещение министра духовных дел и народного просвещения - аргументированно доказал в своем исследовании Кондаков. Полиция еще не окончила своего расследования, в течение трех дней – с 15 по 17 мая 1824 года - князь А.Н. Голицын был уволен с должности Министерства духовных дел и народного просвещения, министром народного просвещения был назначен адмирал А.С. Шишков, святейшему Синоду возвращались все полномочия, переданные ранее объединенному министерству.

Тем временем полицмейстер И.В. Гладков установил лиц виновных в публикации «Евангелия от Матфея» Госснера. Во-первых, переводчик М.А. Брискорн, но к тому времени он умер, и быть участником процесса не мог. Во-вторых, цензор А.С. Бируков, который проявил халатность при работе с рукописью перевода, предвидел наступление преступных последствий, но не предотвратил. В частности, налицо было грубое нарушение правил подведомственности цензуры: фактически книга Госснера была вольным толкованием Евангелия и светская цензура не имела права рассматривать её. Кроме того, следствие установило, что оригинал книги, изданный в Германии, книга на немецком языке, опубликованная в России, и, наконец, русский перевод отличались по содержанию, то есть являлись самостоятельными сочинениями. Безусловно, опытный цензор не мог не видеть расхождений. Вызывал вопросы и тот факт, что А.М. Бируков не подверг цензуре прибавления к «Евангелию». В-третьих, директор департамента народного просвещения В.М. Полевой, который знал о содержании рукописи, участвовал в переводе крамольной книги, но, злоупотребляя своим служебным положением, не предотвратил, а содействовал подготовке ее публикации. В-четвертых, владелец типографии Н.И. Греч не внес исправлений цензора в типографский набор и, вопреки прямому предписанию устава о цензуре, опубликовал без выписанного цензором билета перевод книги, тем самым нарушив §43 и 44 устава о цензуре¹.

По мнению И.Е. Кондакова, следствие И.В. Гладкова было единственным «профессиональным разбором обстоятельств “Дела

¹ Кондаков И.Е. Указ соч. С. 297-303.

Госснера»¹. С выводами следствия не смог не согласиться Комитет министров, который рассмотрел его материалы 3 июля и 8 августа 1824 года.

Справедливости ради надо сказать, что князь А.Н. Голицын, давая объяснения своему участию в публикации книги Госснера, постарался дать самые благоприятные оценки своим подчиненным: цензору А.С. Бирукову и директору департамента В.М. Попову². Рассмотрение дела Госснера Комитетом министров проходило в совершенно другой политической обстановке. К тому времени оппозиция достигла своих основных целей: автор и непроизвольный возмутитель спокойствия пастор Иоганн Евангелиста Госснер был выдворен из России, князь А.Н. Голицын смещен с ключевых постов, а Министерство духовных дел и народного просвещения расформировано. Цели пристрастно преследовать лиц, виновных в публикации, никто перед собой уже не ставил. И, тем не менее, подготовленное обер-полицмейстером «дело Госснера» уже определило обвиняемых, Комитет министров согласился с большей частью доводов полицейской части.

Комитет министров согласился с превышением Санкт-Петербургским цензурным комитетом своих полномочий, который вслед за положительным отзывом цензора А.С. Бирукова одобрил перевод книги Госснера, несмотря на то, что допущенный к публикации текст содержал множество грамматических и лексических ошибок и так называемые вредные места, которые оценивались высокопоставленными православными религиозными деятелями как ересь. Поэтому Комитет министров усмотрел тот же состав правонарушения, которое следствие инкриминировало Н.И. Гречу согласно § 44 устава о цензуре: «Если же книга или сочинение, напечатанные без позволения цензуры, будут сверх того содержать в себе места, упомянутые в 18 и 19 пунктах сего Устава, в таком случае содержатель типографии и издатель отсылаются к суду; а книга или сочинение предаются сожжению».

Последнее обстоятельство смягчило участь цензора, но осложнило положение издателя. 8 августа 1824 года Александр I предпри-

¹ Кондаков И.Е. Указ. соч. С. 302.

² Там же. С. 300.

сал Комитету министров передать суду причастных к переводу книги Госснера дела цензоров А.С. Бирукова и К.К. Поля — в уголовный суд. Трудность вынесения решения суда состояла в том, что в Соборном Уложении 1649 года не был установлен состав правонарушения, связанного с посягательством на государственный и (или) общественный порядок, совершенным цензорами, соответственно, не было установлено и наказание. Следствием и судом был установлен факт незаконной публикации перевода — с очевидным нарушением цензурного законодательства. Первоначально это правонарушение инкриминировалось как цензорам, так и книгоиздателю.

Вскоре было инициировано «дело Попова» (им с 8 августа 1824 года занималось I отделение 5 департамента Сената, с 4 августа 1825 года — общее собрание Сената)¹. Пока шло слушание дела (с 10 сентября 1824 года), произошли неожиданные и весьма значимые политические изменения: скоропостижно скончался Александр I, была совершена попытка дворцового переворота, престол перешел к великому князю Николаю Павловичу. На фоне произошедших драматических событий и следствия над декабристами, «дело Попова» уже не обладало политической остротой и актуальностью. 9 июля 1826 года в собрании Сената было зачитано мнение большинства членов Государственного Совета, согласно которому Попов был полностью оправдан. Это мнение разделил император Николай I.

Вслед за Государственным Советом Суд уголовной палаты оправдал провинившихся цензоров К.К. Поля и А.С. Бирукова. Очевидно, что в силу ряда обстоятельств, весьма удачно сложившихся для цензоров (отсутствие нормы в Соборном Уложении, устанавливающей ответственность цензора за пропуск перевода рукописи с еретическим содержанием как посягательство на государственный (общественный) порядок), заступничество самого Голицына за подчиненных цензоров, активное сотрудничество подследственных с полицией, им удалось избежать уголовного преследования и отделаться дисциплинарным взысканием: К.К. фон Поль и А.С. Бируков были удалены из Санкт-Петербургского цензурного комитета, как покажет их дальнейшая судьба, ненадолго. Официальное оправдание такого мягкого на-

¹ Кондаков И.Е. Указ. соч. С. 303 - 313.

казания было найдено: цензоры пропустили книгу из-за неясности действовавших в то время цензурных правил. Решающим обстоятельством оправдательного приговора являлся факт, что билет с разрешением на публикацию русского перевода А.С.Бируковым не был выписан, налицо был другой факт – самоуправство владельца типографии – Н.И. Греча, за что он и был наказан, и весьма жестко – он был лишен возможности заниматься издательской деятельностью, на этом весьма настаивал генерал-губернатор князь М.А. Милорадович¹.

Что касается тиража, 3000 экземпляров книг: 2000 на русском языке, 1000 на немецком, были изъяты и сожжены под контролем обер-полицмейстера И.В. Гладкова в печах кирпичного завода Александро-Невской лавры «с 12 до 3 часов 10 сентября 1824 года». Пепел был собран, завернут и приобщен к материалам дела².

Вскоре опальные цензоры были приближены и обласканы новым министром народного просвещения А.С. Шишковым: с 4 августа 1826 по 11 мая 1827 года служили под его началом в Главном цензурном комитете; Бируков 22 ноября 1826 года был награжден за усердную службу. Абсурдным был факт того, что все обвинения были сняты позже: 2 апреля 1827 года Министерство юстиции приняло решение освободить цензоров от суда, 12 апреля того же года это решение было утверждено Комитетом министров. Смягчена была и участь владельца типографии, ему вновь было разрешено заниматься издательской деятельностью³.

«Дело Госснера» показательно во всех отношениях: проводимой внутренней политики, политики в области цензуры на рубеже первой и второй четверти XIX века, практики цензуры. Заметим, в 1823-1824 годах Александр I имел репутацию императора, удалившегося от активной государственной жизни, доверившего принятие важных решений временщику графу А.А. Аракчееву. И, тем не менее, основные решения по этому делу принимал именно он. Доверить или довериться в выборе решений по этому делу он не мог, в деле фигурировали обвинения в распространении ереси, в расколе, об этом императора уведомля-

¹ Кондаков И.Е. Указ. соч. С. 291.

² Там же. С. 267.

³ Там же. С. 313.

ли авторитетные религиозные деятели (митрополит Фотий), сановники, в том числе объединенного министерства (М.Л. Магницкий). Проявить безразличие, спустить ситуацию на тормозах означало попустительствовать распространению крамолы, предать интересы самодержавной власти и его опоры - русской православной церкви.

«Дело Госснера» выявило степень влияния административного ресурса министра и руководителя департамента народного просвещения на позицию цензоров, которым приходилось выбирать между соображениями служебной субординации и необходимостью следовать цензурному уставу. Получалось, что для цензора, просвещенного лица, коему было доверено определять судьбу творений, авторитет высокопоставленного лица был выше авторитета закона. Подобное положение противоречило самому смыслу экспертной службы цензоров, стоящей на страже государственной безопасности.

Ситуация с рукописью Госснера выявила уязвимость цензурных установлений перед авторитетом руководителей объединенного министерства. Как показало следствие, а затем и судебное разбирательство, надежда на то, что объединенное министерство духовных дел и народного просвещения будет содействовать публикации книг религиозного содержания, воспитывая благочестивых поданных, одновременно осуществлять эффективный контроль над публикацией рукописей и книг, себя не оправдала. Позиция руководителей объединенного министерства, декларировавшего защиту и распространение христианских ценностей, на практике оказалась далекой, а порой вредной интересам русской православной церкви – так считали церковные деятели и ряд авторитетных государственных деятелей. С их мнением согласился император. Как только факт покушения на основы русской православной веры был подтвержден опубликованным и готовым к реализации тиражом крамольного перевода, министр духовных дел и народного просвещения князь А.Н. Голицын получил отставку, а министерство – расформировано.

«Делом Госснера» спор о подведомственности и компетенции рассмотрения религиозных сочинений цензурными комитетами университетов и Святейшим Синодом был решен в пользу последнего. Проекты устава о цензуре, которые готовились под началом сановни-

ков (министром народного просвещения адмиралом А.С. Шишковым, попечителем М.Л. Магницким) не могли не отразить политическую конъюнктуру: поиск новых форм и решений управления словом, закреплённых уставом о цензуре. Выдача билета на публикацию рукописи была юридическим фактом передачи рукописи (книги) из-под юрисдикции университета в юрисдикцию полиции. «Увести» автора из-под удара карательного органа, «прикрыть» халатность цензора ресурсами университетской автономии и авторитетом министра народного просвещения было невозможно. Более того, поскольку дела о публикации рукописей, содержащих «вредные», «опасные» места, затрагивали публичный интерес, то юрисдикция университетов на «подследственных» цензоров из числа профессоров и адъюнктов не распространялась. С момента публикации рукописи она становилась объектом надзора полиции и в случае обнаружения чего-либо «противоправного» в ней дознанием и следствием занимались полицейские. Ход следствия контролировали губернаторы, в подчинении которых находились обер-полицмейстеры. Повлиять на ход следствия могли только император, министр внутренних дел, губернаторы и подчинённые им обер-полицмейстеры.

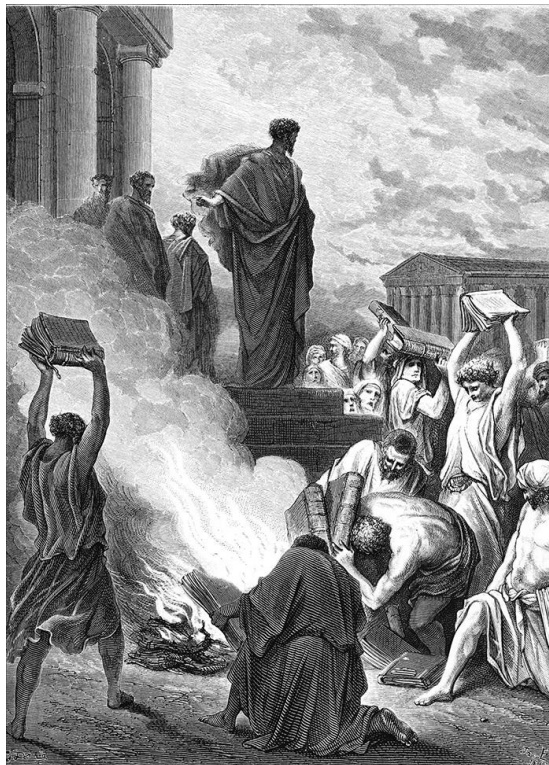
Итак, реализация концепции «евангельского государства» — весьма своеобразный, уникальный культурно-религиозный опыт в истории России. С одной стороны, он представлял собой попытку посредством организации публикации и распространения христианской евангельской литературы осуществлять нравственное воспитание христиан разных конфессий, проживающих на территории России. С другой стороны, подвергнуть мелочной религиозной цензурной опеке любые тексты, включая светские, гражданские, научные, что негативно отразилось на организации, культуре обучения и научной деятельности университетов, в частности, Петербургского и Казанского.

Идейным вдохновителем концепции был министр духовных дел и народного просвещения князь А.Н. Голицын. Однако, её воплощение, выраженное в распространение евангельской литературы преимущественно немецких авторов, встретило конфронтацию среди сотрудников министерства духовных дел и народного просвещения (попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого), ряда вы-

сокопоставленных церковных православных деятелей. Они использовали просчеты и небрежности при осуществлении цензуры текста немецкого проповедника Госснера с целью дискредитации неугодного им министра и смены политического курса. Интрига завершилась успешно: дознание, следствие над виновными цензорами был осуществлен, министр был снят. Это означало, что любой уклонившийся от исполнения установлений цензуры, несмотря на высочайшее покровительство и высокий занимаемый пост, будет наказан. Дело Госснера фактически стало делом о снятии министра духовных дел и народного просвещения, в назидание другим министрам, цензорам за несоблюдение цензурного законодательства.

Часть 4.

Поворот в политике в 1819– 1825 годах: от концепции евангельского государства к православно-самодержавному консерватизму

Ошибочно полагать, что консервативно-охранительный поворот во внутренней политике верховной власти был осуществлен после выступления декабристов 14 декабря 1825 года¹. Действительно, решительные меры, направленные на консолидацию государственного аппарата, усиление его полицейских функций (создание Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в ее составе – III Отделения, занимавшегося политическим сыском, создание корпуса жандармов – военизированной его части, шефом которых был назначен

¹ В качестве иллюстрации к четвертой части монографии использовалась работа: Доре, Гюстав. Апостол Павел сжигает книги в Эфесе. Гравюра. Вторая половина XIX века. URL: <http://www.rod-vzv.net/NL-star/JPG-17/03.jpg> (дата обращения: 11.11.2017).

А.Х. Бенкендорф) были осуществлены Николаем I. Но поворот в политике наметился еще при Александре I.

Поводом послужили проведение студенческого конгресса или «общенационального студенческого праздника в Вартбурге» недалеко от Йены (1817 году), а также последующее в 1817-1819 годах участие студентов германских университетов в преследовании российских публицистов (Людвига фон Коцебу и Александра Стурдза)¹.

Сюжету о публицистических баталиях вокруг послевоенного устройства Германии по окончании последней антинаполеоновской компании, плачевному результату этого противостояния посвящена статья немецкого исследователя Р. Хаазера². Автор на основе широкого круга разнообразных источников: архивных документов, публицистики, исследований других авторов - скрупулёзно восстановил хронологию событий, роли отдельных сообществ и личностей в событиях 1817-1819 года в Германии. Факты, изложенные Р. Хаазером, имеют непреходящее значение для отечественного дискурса, поскольку помогают преодолеть фактографический дефицит за счет введения в научный оборот документов, отложившихся в архивах Германии, а также публикаций, рецензий, изданных современниками в малотиражных, а потому редких периодических изданиях немецких земель того времени³. Поэтому автор не смог отказать себе в удовольствии, следуя логике уважаемого господина Р. Хаазера и собственным исследовательским задачам, рассказать о событиях, которые по резкой и довольно распространённой оценке отечественной историографии получили название «студенческие беспорядки»⁴.

¹ Хаазер Р. От братства по оружию к идеологической вражде: политизация университетской жизни в Германии и образ России в национальном движении 1813-1819 годов / пер. с нем. П.В. Резвых // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6. Саратов, 2012. С.36.

² Хаазер Р. Указ. соч. С.36-62.

³ Об этом см.: Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань: Изд-во Казан.гос.ун-та, 1997; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011; Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России в первой четверти XIX века. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та, 2005; Парсамов В.С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 2004.

⁴ Хаазер Р. Указ. соч. С. 31.

Хаазер, оценивая идеологический патриотизм, который был сформирован немецкими публицистами в форме «свободной немецкости», пришел к мнению, что рано или поздно он должен был войти в конфликт со сложившейся политической ситуацией. На смену духу братства и солидарности с Россией – союзницей германских земель в борьбе в Наполеоном – должно было прийти и пришло отчуждение и призывы к завершению военного присутствия России в немецких землях, в частности, в Саксонском королевстве, которое после Лейпцигского сражения больше года находилось под управлением генерал-губернатора Н.Г. Репнина – Волконского (1813-1814).¹ В 1813-1814 годах в ходе заключительного этапа антинаполеоновской кампании немецкие земли фактически были оккупированы французскими и русскими войсками. Вполне понятным представляется, что среди немецких профессоров, писателей, публицистов появились сторонники как пророссийского, так и профранцузского союзов.

Так, в университетском городе Гиссен профессор камералистики А.-Ф.-В. Кроме сотрудничал с французскими властями, им было опубликовано сочинение «Кризис Германии и спасение в апреле и мае 1813 года»². В нем автор дал довольно радикальную, русофобскую оценку битвы при Гросс-Гершене как «решающей войне между “северно-азиатским” и “южно-европейским” культурными мирами», с одновременным призывом немцев присоединиться к “южно-европейскому альянсу”». По мнению Р. Хаазера, А.-Ф.-В.Кроме использовал все свои профессиональные навыки, знания истории, географии, статистики, чтобы убедить читательскую аудиторию в том, что «[...]Россия не щадит ни своих соседей, ни своих сторонников там, где речь идет о её преимуществах и её расширении»³. В скором времени – в 1814 году - французы были изгнаны из Гиссена. Опасаясь расправы, Кроме бежал, однако, его брошюра не была изъята и уничтожена (в общем, университет не ставил такой задачи, поскольку дискредитации подверглась российская официальная сторона, а не гер-

¹ Хаазер Р. Указ. соч. С. 31.

² Crome A.F.W. Deutschlands Crise und Rettung im April und May 1813. Leipzig, 1813. (Digitalisat BSB)

³ Цитируется по: Хаазер Р. Указ. соч. С.36

манские власти), продолжала переходить из рук в руки, главным образом среди части преподавателей и студентов – главной читательской аудитории университетских корпораций. Была и другая часть гиссенских студентов - франкофобов, которые приветствовали присутствие русской армии в немецких землях¹. Однако реальность послевоенного устройства Германии, которая сопровождалась реставрацией монархических режимов, фактически проходившая при военном присутствии русских войск, повлекла за собой радикализацию не только студенческих настроений, но и профессоров, редакторов и публицистов.

17 октября 1817 года по всей Германии прошел сбор подписей в пользу конституции. Одним из организаторов этой акции был редактор либерального журнала «Рейнский Меркурий» Йозеф Гёррес, кроме того, он был одним из инициаторов студенческого конгресса в Вартбурге, и хотя антирусских настроений отмечено не было, его проведение не могло не насторожить российское правительство. Факельное шествие немецких студентов завершилось сожжением акта Венского конгресса, определившего основы послевоенного устройства Европы, а также сатирических символов Священного союза: русского кнута, австрийской розги, прусского корсета и гессенской косяцы². Примечателен тот факт, что сожжению подверглись сочинения публицистов, принадлежащих к разным лагерям сторонников послевоенного развития Германии: упоминавшаяся брошюра профессора русофоба Кроме и двухтомная «История Германской империи» русофила Августа фон Коцебу³. Этот факт не мог пройти незамеченным, поскольку автор – немец по происхождению, российский подданный, остезейский помещик, обласканный при дворе Павла I и Александра I, драматург и публицист, восхищавший своим творчеством тогда еще великого князя Николая Павловича. Коцебу пользовался солидным кредитом доверия со стороны российского правительства: по окончании войны он поселился в родном Веймарском княжестве, по-

¹ Хаазер Р. Указ. соч. С. 31.С. 38.

² Там же. С. 39, 41.

³ Von Kotzebue A. Geschichte des Deutschen Reiches von dessen Ursprunge bis zu dessen Untergange. 2 Bde. Leipzig, 1814–1815 (Digitalisat BSB).

лучил возможность публиковать собственный «Литературный листок» и сообщал в Петербург свои наблюдения о происходивших событиях, коим был свидетель. Его адресатами были официальные лица, в том числе и министр духовных дел и народного просвещения князь Голицын. Это была обычная практика: профессора, литераторы того времени нередко «подрабатывали» путем составления и передачи сообщений, наблюдений, записок, адресованных частным лицам, изданиям, университетам, государственным структурам, в том числе иностранных государств. Коцебу, будучи уроженцем Веймара, принял российское подданство еще в 1780-х – начале 1790-х годов: служил при Павле I и при дворе Александра I, слыл неплохим литератором среди зарубежных и русских писателей: о нем положительно отзывались Гёте, Джейн Остин, А.С. Пушкин. Коцебу писал пьесы, которые пользовались популярностью у членов императорской фамилии, в частности, у императора Павла I и великого князя Николая Павловича. Доход литераторов был непостоянным, он зависел от успеха, спроса сочинений, публиковаться и писать пьесы в России Коцебу было сложно, поэтому по окончании заграничных походов русской армии он возвратился в Веймар. Здесь Коцебу не отказался от возможности зарабатывать, отправляя в Россию письменные наблюдения об общественной жизни в немецких землях¹. Он не скрывал этого, как литератор и публицист, не считал свое занятие зазорным. Но «злые языки» в Германии использовали эту ситуацию, в своих публикациях называя его «российским шпионом».

Интересен тот факт, что в 1811 году сочинение Коцебу, представленное университетской цензуре в Германии, было запрещено к публикации за критику правления Карла Великого, поскольку Наполеон позиционировал себя как продолжатель традиций императора. В 1815 году первое издание «Истории Карла Великого» было опубликовано с посвящением Александру I.

Именно это издание было подвергнуто студенческой инквизиции. Коцебу, оскорбленный фактом сожжения сочинения, которое он считал

¹ Яцук Н.А. «Смерть немца Коцебу» и другие происшествия: политика или литература // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 169. С. 21-27.

вершиной собственного творчества, написал хоть и сдержанно, но отрицательную рецензию на восторженное описание студенческого конгресса в Вартбурге Массманна. Реакция радикально настроенных студентов университета Йены – наиболее многочисленной и радикально настроенной части студентов Германии не замедлила себя ждать. Рецензента стали преследовать, ему стали угрожать и даже применять в отношении него силу¹. И, тем не менее, это не остановило автора злых и ироничных публикаций: ощущая поддержку российского и веймарского правительства, он продолжал критику студенческих союзов на страницах своего «Литературного еженедельного листка».

Между тем в 1818 году Австрия, Германия и Россия, государства участники Священного союза, готовились к проведению очередного Аахенского конгресса. По поручению императора Александра I А.С. Стурдза – чиновник русского дипломатического корпуса и одновременно Министерства духовных дел и народного просвещения – подготовил на французском языке «Memoire sur l'etat actuel de l'Allemagne» («Записку о современном состоянии Германии»)². Надо отметить, что с февраля 1818 года Стурдза по настоятельной рекомендации министра «сугубого министерства» князя А.Н. Голицына стал членом Главного правления училищ, был избран членом Ученого комитета, занимался составлением проектов в области народного просвещения и пересмотром учебных книг³. В частности, им было составлено «Наставление для руководства Ученого комитета, учрежденного при Главном правлении училищ» от 5 августа 1818 года, – документ, который направлял деятельность Министерства духовных дел и народного просвещения в России⁴.

«Записка о современном состоянии Германии» была опубликована небольшим тиражом (всего 50 экземпляров) для чтения узким кругом участников Аахенского конгресса, который должен был со-

¹ Хаазер Р. Указ. соч. С. 44-45.

² С переводом записки можно ознакомиться: Стурдза А. С. Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818 // Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII – начало XX века. М.: Венеция, 1999. С. 145–157.

³ Диктиадис. Краткие сведения о Стурдзе // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1864. Кн. 2. С. 297-310.

⁴ Стурдза А. С. Наставление для руководства Ученого Комитета // Журнал Министерства народного просвещения. 1821. Ч. 1, № 2. С. 187–206.

стояться в 1919 году. Участники конгресса со стороны Австрии и Пруссии успели познакомиться с ее содержанием, и даже одобрить ряд ее положений, но вскоре благодаря действиям одного ловкого репортера она стала известна широкому кругу общественности. Репортер сумел раздобыть один экземпляр записки Стурдзы и не преминул распространить среди авторитетных печатных изданий Англии (в частности, в многотиражной «Times»), Германии и Франции¹. Появление записки Стурдзы в газетах и журналах Европы было «на руку» правительствам этих стран, желавших уличить Россию во вмешательстве во внутренние дела одной из старейших держав Европы, посягательстве на национальное образование и культуру. Как было уже сказано, записка являлась концептуальным документом, отражавшем, прежде всего, принципиальную позицию России в связи с проявлениями инакомыслия и атеизма в университетах Германии.

Поскольку содержание данной записки было объектом рассмотрения и комментирования многих исследователей, в частности М.И. Сухомлинова², ограничимся тем, что в ее основе были записки, статьи ряда авторов, в частности, Коцебу, консультировал его В. фон Баадер. Стурдза в довольно открытой форме выступил с критикой протестантской модели немецких университетов, которые, по мнению Стурдзы, и стали средой для распространения идей евангельского мистицизма, соответственно, породили рост революционных идей среди студентов германских университетов. Мистицизму немецких университетов Стурдза противопоставил мистицизм российских университетов – православную веру, благодаря которой ростки революционных идей не получили всходы в среде российских студентов. Выход из сложившейся ситуации виделся автору в закрытии протестантских университетов в Германии.

Понятно, что Стурдза оценивал происходившие в университетах Германии и России процессы с точки зрения не исторического процесса и развития, а с точки зрения политика, который отражал интересы части российского правительства, в частности, Министерства

¹ Хаазер Р. Указ. соч. С. 50, 52-53; см. также: Парсамов В.С. Указ. соч. С. 163.

² Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по истории русского просвещения. Т. 1. С.183-184.

духовных дел и народного просвещения и его главы – князя А.Н. Голицына.

Отрицательный резонанс вокруг записки Стурдзы в Германии охватил не только студентов, но и профессоров и преподавателей, прежде всего, Германии. Многим было даже невдомек, что ни российское правительство, ни сам Стурдза не планировали публиковать записку, что она вообще не предназначалась для публикации. Соответственно, факт публикации вызвал еще больший гнев со стороны общественности и резкие отклики. Так, профессор университета Лейпцига В.Трауготт Круг в своем сочинении «Немецкий Анти-Стурдза или немецкие буршеншафты и немецкий народ» заявил о необходимости изоляции Германии от России¹. Вскоре последовала коллективная жалоба студенческого союза Йены на автора «злостной клеветы». Далее, как и в отношении Коцебу, последовал вызов на дуэль автора записки². Только в отличие от Коцебу Стурдза предусмотрительно ретировался из Веймара в более спокойные Дрезден и Пирну «поправить здоровье», тем самым сохранив себе жизнь.

Публикация записки Стурдзы катализировала и без того острую ситуацию вокруг Коцебу. Но, если Стурдза предусмотрительно отошел в тень, то Коцебу продолжил публиковать в 1818 и 1819 годах критические заметки, которые были восприняты радикально настроенными студентами Йены как еще более откровенный вызов. Заметим, университетские уставы Германии и России ограничивали доступ к печатным изданиям студентов: полемика в печати не допускалась, ответить «словом» на «слово» студенты не имели возможности; университетская цензура этого не допускала, студенты могли публиковать только свои научные трактаты и только с разрешения Советов университетов. И хотя в ряде немецких изданий появлялись ответные заметки и статьи преподавателей и профессоров университетских профессоров в адрес Коцебу, его откровенно язвительный тон спровоцировал агрессивно настроенных студентов: в их среде вызрела идея физической расправы над обидчиком - его убийства. Исполнителем вызвался студент университета Йены Карл Людвиг Занд. 23

¹ Хаазер Р. Указ. соч. С. 54.

² Там же. С.55.

марта 1819 года Август Коцебу был заколот в своем доме в Маннгейме (герцогство Баденское)¹. А в апреле студентами был вызван на дуэль и Стурдза².

Как было отмечено, убийство Коцебу отразило кризис реализации концепции евангельского мистицизма, как в университетах Германии, так и в университетах России. В 1818 году на Карлсбадском совещании министров германских государств по инициативе К. Меттерниха была разработана целая программа мер по ограничению университетской автономии, как институционально, так и функционально: ограничены полномочия органов университетского самоуправления, запрещены студенческие общества и любые другие тайные общества, усилен контроль за университетской корпорацией. Подозрение в неблагонадежности преподавателя или студента вело к запрещению принимать в другие университеты. Отныне все периодические издания, в том числе и университетские, подвергались цензуре³. Консервативный поворот в Германии сказался и на политике в области просвещения и цензуры в России⁴.

Не случайными в контексте происходивших событий в университетах Германии выглядят ревизии двух университетов: Казанского, проводимыми под руководством М.Л. Магницкого, Санкт-Петербургского – под руководством Д.П. Рунича. Наиболее значимой и симптоматичной, по мнению большинства историков, является ревизия Казанского университета.

По мнению Е.А. Вишленковой, ревизия в Казанском университете была вызвана двумя обстоятельствами: состоянием дел в Казанском университете и студенческими волнениями в университетах Германии. Беспорядки в немецких университетах, по образцу которых были учреждены российские университеты, не могли не тревожить их создателя – императора Александра I. На фоне событий в Германии объяснения

¹ Хаазер Р. Указ. соч. С. 57.

² Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. С.236.

³ Феоктистов Е.М. Магницкий: Материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. №6. С.467; Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по истории русского просвещения. Т. 1. С.179.

⁴ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. С.235.

причин беспорядков тем, что они были порождены деятельностью университетов, казались наиболее достоверными¹.

В Казань был направлен сановник Министерства духовных дел и народного просвещения, который уже имел опыт проверок учебных заведений – М.Л. Магницкий: в 1805 году он инспектирован Виленский университет. Более того, Магницкий имел богатый опыт службы: в армии (имел звание капитана); в Коллегии иностранных дел при посольствах в Вене и Париже; при Экспедиции государственного благоустройства Министерства внутренних дел (с 1803 года); в качестве редактора официального издания Министерства внутренних дел - «Санкт-Петербургского журнала» (с 1804 года). Магницкому довелось принять участие в проведении военной реформы (1810-1812), пережить опалу, наступившую сразу после удаления М.М. Сперанского, а в 1816 году быть назначенным сначала воронежским вице-губернатором, а затем - в июне 1817 года в качестве симбирского гражданского губернатора².

Именно в годы службы губернатором он попал под влияние мистических идей, сблизился с главным идеологом евангельского государства - князем А.Н. Голицыным, благодаря протекции которого был назначен членом Главного правления училищ (25 января 1819 года) и, менее чем через месяц – 10 февраля 1819 года, получил от своего начальника предписание ревизовать состояние Казанского университета. Тем временем преследования Коцебу вступали в заключительную фазу. 9 апреля - уже после гибели Коцебу, ревизия была окончена и Магницкий представил результаты в виде отчета³.

Результат проверки Казанского университета был predetermined не только объективными обстоятельствами – реальным состояни-

¹ Вишленкова Е.А. Ревизор, или Случай университетской проверки 1819 года // Отечественная история. 2002. №4. С.22-35.

² Шильдер Н.К. Император Александр I: его жизнь и царствование: [4 т.]. Т.4. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1897–1898. С.54; Минаков А.Ю. Вице-губернатор Магницкий Михаил Леонтьевич. 1816-1817 // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710-1917: историко-биографические очерки. Воронеж, 2000. С.147-150; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. С.240.

³ [Магницкий М. Л.] Отчет по обозрению Казанского университета // Консерватизм в России и мире: [в 3 ч.]. Ч. 3. Воронеж, 2004. С. 137-152.

ем дел учебного заведения, но и мировоззренческими предпочтениями и личными установками самого проверяющего.

По мнению исследователя А.Ю. Минакова, М.Л. Магницкий (с 1819 года), так же как адмирал А.С. Шишков (с 1803 года), впоследствии министр народного просвещения, являлись наиболее яркими представителями светского, православно-самодержавного консерватизма. Проблемы веры приобретали во взглядах представителей этого течения ярко выраженный политизированный характер, как следствие — политическое противопоставление своих взглядов взглядам высокопоставленных мистиков и масонов, в том числе и весьма влиятельного и авторитетного в глазах императора министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына¹. В отличие от церковных консерваторов, в частности архимандрита Фотия, Магницкий и Шишков выходили за пределы рассмотрения места религии в жизни государства и общества. Помимо этого они ставили вопросы об отношениях русской православной церкви и государства, о роли и значении национального образования, культуры и национальных традициях (в частности, языка, или по выражению А.С. Шишкова, «отечественной словесности»), поднимали вопросы цензуры и прочее. Для сторонников православно-самодержавного консерватизма было характерно полное отрицание конституционных и либеральных идей. Этим объясняется вполне осознанное третирование таких областей знаний, как философия и естественное право, соответственно, и одноименных, а также смежных учебных дисциплин, как посягающих на основы самодержавия и православия. Наглядным примером являются «мнения» Магницкого и Шишкова, высказанные ими по поводу дела профессоров Санкт-Петербургского университета, инициированные в 1821 году попечителем Санкт-Петербургского учебного округа Д.П. Руничем: адъюнкт-профессора по кафедре географии и статистики К.И. Арсеньева, профессора кафедры философии А.И.

¹ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Изд-во Воронеж.гос.ун-та, 2011. С.267-330.

Галича, профессора по кафедре статистики К.Ф. Германа, профессора кафедры истории Э.-Б.-С. Раупаха¹.

И Магницкий, и Шишков настаивали не просто на увольнении двух из четырех обвиненных попечителем Д.П. Руничем в безбожии профессоров, а на их высылке из России (имелись ввиду немецкие профессора Э.-Б.-С. Раупах и К.Ф. Герман). Консерваторами не принимались во внимание значительные заслуги немецких профессоров перед Россией. В частности, К.Ф. Германа перед Министерством внутренних дел и Министерством полиции. Считаю уместным остановиться более подробно на этом важном моменте, поскольку научная и издательская деятельность Германа была тесно связана с этими ведомствами.

С 1806 по 1808 годы по инициативе и на средства Германа издавался первый русскоязычный «Статистический журнал». Издатель ставил перед собой цель обработки и презентации сведений Министерства внутренних дел. Для столичного журнала тираж был незначительным – всего 175 экземпляров, из них 50 экземпляров получало Главное правление училищ для распространения в учебных заведениях. В марте 1811 года министр полиции генерал-адъютант А.Д. Балашов поручил статскому советнику А.Н. Астафьеву и профессору К.Ф. Герману пополнить имевшиеся в Министерстве полиции статистические сведения и составить план устройства статистической службы. Вскоре, в августе 1811 года, при Министерстве полиции было образовано специальное Статистическое отделение, состоявшее из ученой и исполнительной частей. В составе Министерства полиции оно просуществовало недолго и в 1819 году по предложению В.П. Кочубея перешло в состав Министерства внутренних дел.

Чиновники Статистического отделения составляли сводные таблицы с информацией о территории, населении, отраслях хозяйства России, ее губерний. Герман выступил с инициативой обнародовать полицейскую статистику, публиковать сводные данные об убийствах

¹ См. например: [Магницкий М.Л.] Мнение Казанского попечителя по делу профессоров Германа и Раупаха (28 ноября 1821 года) // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. С. 373-377; Мнение [А.С.] Шишкова по делу о профессорах (14 февраля 1822) // Там же. С.386-390.

и самоубийствах, однако его предложение не было поддержано Министерством полиции¹.

Очевидно, что обвинения, выдвинутые Руничем и поддержанные членами Государственного совета: управляющим Канцелярией Его Императорского Величества графом А.А. Аракчеевым, князем Я.И. Лобанов-Ростовским, президентом Российской Академии наук А.С. Шишковым, председателем департамента экономии бароном Б.Б. Кампенгаузенем и начальником морского штаба бароном фон А.Ф. Моллером - были весомыми. Но за опальных профессоров, в том числе и за Германа, вступились пять членов Комитета министров: министр внутренних дел граф В.П. Кочубей, министр финансов граф Д.А. Гурьев, министр юстиции князь Д.И. Лобанов-Ростовский, генерал-губернатор Санкт-Петербурга граф М.А. Милорадович и управляющий иностранной коллегией граф К.В. Нессельроде (кстати, именно он сопровождал государя на конгрессы Священного союза в Аахен, Троппау, Лайбах и Верону). Они аргументировали свою позицию тем, что «достаточным будет удаление только из университета, поскольку по другим ведомствам, при бдительном надзоре, которого в университете вовсе не было, не будет допущено никакое вредное учение»². Точка зрения министров оказала влияние на позицию императора: А через шесть лет - в феврале 1827 года все обвинения, выдвинутые в отношении Германа попечителем Д.П. Руничем и поддержанные М.Л. Магницким и А.С. Шишковым, были сняты, а сведения об увольнении из Петербургского университета изъяты из формулярного списка³.

Итак, казус Германа показателен тем, что он демонстрирует: с одной стороны, нарастание влияния представителей православно-самодержавного консерватизма на императора и проводимую им политику в области образования; с другой стороны, пределы этого влияния, определенные прагматическим подходом других государ-

¹ Афанасьев В.К. К 150-летию выхода в свет первого тома Статистического журнала в России // Вопросы статистики. 1996. № 8. С. 69-71; Кауфман А.А. Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806-1917. М.: Центр. стат. управл., 1922. С. 6.

² Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. С. 264-265.

³ Там же. С. 266.

ственных структур, их заинтересованностью в символическом капитале ряда профессоров и преподавателей, имевших непреходящее значение для их ведомств. В частности, Министерство внутренних дел и его глава В.П. Кочубей были заинтересованы в научной деятельности профессора К.Ф. Германа, в его участии в организации статистической службы, статистических изданий, подготовке кадров в Статистическом отделении Министерства внутренних дел.

Надо отметить, что идеология православно-самодержавного консерватизма, в отличие от идеологии евангельского государства, была определенным образом рационализирована, ориентирована не на отвлеченные цели и идеалы мирового христианства, а привязана к конкретной объективной реальности государственной и общественной жизни России того времени. Магницкий и Шишков сумели создать своеобразную систему взглядов об особой православной культуре как синтезе истин веры с истинами науки в формате единой государственной политики, «попутно решив проблему воспитания в национальном духе»¹.

На рубеже первой и второй четверти XIX века усиление влияния представителей православно-самодержавного консерватизма оценивалось неоднозначно. Прогрессивные литераторы того времени (П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин), сравнивая цензурные порядки при Голицыне и оценивая усилия Шишкова по ее модернизации, склонялись поддерживать позицию второго. Проанализировав эпистолярное наследие известных литераторов, казусы, которые привели в своих сочинениях историки цензуры В.М. Живов², А.М. Скабический³, современный исследователь А.С. Бодрова пришла к наблюдению, что «на фоне процветшего в 1821-1823 годах благочестивого буквализма цензоров голицынской эпохи, когда поводом к за-

¹ Эта идея прозвучала в работе А.Ю. Минакова, с оговоркой, что произошло это в царствование Николая I, в результате деятельности министров народного просвещения А.С. Шишкова и С.С. Уварова. См.: Минаков А.Ю. М.Л. Магницкий: к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских православных консерваторов XIX века // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж. 2001. Вып.1. С. 178.

² Живов В.М. Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века // Живов В.М. Разыскания в области и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 664-671.

³ Скабический А.М. Очерки истории русской цензуры. С.162-166, 177-180, 203-204.

прещению текста или его фрагментов мог быть сам факт употребления сакрального слова в секулярном контексте, а оскорбительные для нравственности или религии смыслы цензоры отыскивали, не принимая в расчет ни жанровые конвенции, ни авторский замысел», позиция Шишкова с его рационалистическим подходом к использованию лексики, была понятной и приемлемой, в отличие от позиции А.Н. Голицына¹. Обратив на это внимание, автор статьи обратила и на другую особенность: если литераторы современники относили Шишкова к прогрессивно мыслящим государственным деятелям, то историки цензуры, в частности, А.М. Скабический, напротив, вменив в вину Шишкову издание в 1826 году «чугунного» цензурного устава, оценивали его как ретрограда и душителя русской литературы. И, тем не менее, непосредственным проектированием нового устава о цензуре с начала 1820-х годов занимался не А.С. Шишков, а М.Л. Магницкий.

Его назначению в Особый комитет по разработке устава о цензуре предшествовала ревизия Казанского университета, которая началась в феврале 1819 года и продолжалась 2 месяца.

На время проверки Магницкому были вверены полномочия попечителя, он получил доступ ко всей документации, в том числе и по цензурному комитету. В свете прошедших событий в Германии изучить состояние дел в цензурном комитете так же представлялось архиважным.

Претензии к ведению делопроизводства цензурным комитетом наблюдались еще со времени министра народного просвещения А.К. Разумовского. 23 апреля 1814 года Разумовский обратил внимание вновь назначенного казанского попечителя М.А. Салтыкова, что не все документы комитета ведутся согласно Манифесту «Об учреждении министерств», согласно которому «каждое место обязано посылать к своему министру еженедельные мемории о всех текущих делах [...]». Министр настоятельно рекомендовал попечителю сделать рас-

¹ Бодрова А.С. Поэт Языков, цензор Красовский и министр Шишков: к истории цензурной политики 1824-1825 годов // Русская литература: историко-литературный журнал. 2018. №1. С.38.

поряжение, чтобы при Казанском университете «доставляемы были ко мне обыкновенные мемории по истечении каждого месяца»¹.

Ситуация мало изменилась и при министре духовных дел и народного просвещения князе А.Н. Голицыне. Незадолго до трагических событий в Германии, 8 июня 1818 года попечитель Казанского учебного округа М.А. Салтыков представил Совету университета отношение министра князя А.Н. Голицына о том, чтобы цензурный комитет дал объяснения, в связи с чем «прекратил доставлять ведомости о рассмотренных книгах и сочинениях ежемесячно, кои следует доставлять к сведению министерства полиции [...]»². Объяснения по этому вопросу Совету университета дал секретарь цензурного комитета И.И. Дунаев.

Со слов И.И. Дунаева, при вступлении в должность секретаря среди бумаг цензурного комитета им было обнаружено предписание покойного попечителя С.Я. Румовского от 1811 года, в котором он уведомил о необходимости предоставления «ежемесячно» «меморий», на основании которых делался годовой отчет цензурного комитета. Что же касается собственно «ведомостей», то по словам Дунаева: «во время исправления мною секретарской должности в цензурном комитете и не были уже заготавливаемы требуемые ныне оные ведомости о сочинениях и переводах, и о заготовлении оных и отсылки к высшему начальству. Я от г[оспод] присутствующих в комитете не получал особенных резолюций; да и из исходящих бумаг комитета усмотреть можно, что оные ведомости не были составляемы и представляемы ежемесячно к высшему начальству до принятия мною оной должности»³.

Доказательством служила шнуровая книга исходящих бумаг за 1815-1819 годы, с записью на листе 30 ректора университета И.О. Брауна «В сей книге по переметке нумерованных листов тридцать»⁴. Книга стала единственным свидетельством, которое освободило от ответственности секретаря за отсутствие надлежащих доку-

¹ ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед.хр.4164. № 2. 1814. Л.2-2 об.

² ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед.хр.4169. № 4. 1818. Л.5.

³ Там же. Л.7-7 об.

⁴ ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед.хр.4166. 1815-1819. 30 л.

ментов в делопроизводстве цензурного комитета Казанского университета. Внутренняя проверка показала, что протоколы имеют произвольную форму, весьма далекую от той, которая была установлена для цензурного комитета Московского университета. И с 1819 года запись протоколов цензурного комитета Казанского университета стала вестись не ежемесячно, как это сложилось здесь, а по заседаниям, с указанием чисел, а заседания стали проводиться с регулярной периодичностью: два раза в месяц¹.

19 апреля 1819 года ревизором был представлен отчет. Материалы дела по состоянию на момент проверки (то есть апрель 1819 год) были подшиты в четыре объемных тома². Анализ ревизии М.Л. Магницкого и последствий, как для самого ревизора, так и для Казанского университета, был предметом самостоятельного рассмотрения в трудах историков, как дореволюционных, так и современных³. Отчет сигнализировал власти, что бесконтрольность жизни университетской корпорации (преподавателей и студентов, органов самоуправления, структурных подразделений, в том числе и цензурного комитета) являлась существенным функциональным нарушением деятельности университета. Магницкий сумел выявить недостатки, но подошел к разработке плана преодоления этих недостатков не как администратор – своеобразный «кризисный управляющий», а как политический функционер и карьерист: поскольку убийство Коцебу «доказало» обоснованность утверждений Стурдзы в отношении немецких университетов, то надобно и университеты России, которые не оправдали вложенных инвестиций, закрыть, в частности, Казанский. Как точно было подмечено Е.А. Вишленковой, Магницкий ловил веяние времени, пытался угадать очередной поворот политики, вписаться в него и улучшить свое служебное положение. Но Александр I не имел намерения закрывать университеты, на него велико было влия-

¹ ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед.хр.4170. 1819-1821. 12 л.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 259. 1819-1822. 10 л.

³ См. например: Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805-1819): [в 2 ч.]. Ч. 2. Рассказы по архивным документам / Н.Н. Булич. Казань: Тип. Казан. имп. унта, 1891. С. 727; Феокистов Е.М. Магницкий: Материалы для истории просвещения в России. СПб.: Тип-фия Кесневиля, 1865. Т.1; Вишленкова Е.А. Ревизор, или Случай университетской проверки 1819 года // Отечественная история. 2002. №4. С.22-35.

ние сановников, которые считали, что необходимо улучшить состояние университетов и подразделений в них входящих. Так, хорошо подготовленный отчет Магницкого о ревизии Казанского университета стал основой для его же деятельности в качестве попечителя Казанского учебного округа, а красной нитью деятельности стала концепция христианского православного благочестия¹. Магницкий, со свойственным ему энтузиазмом и жаром, стал претворять эту концепцию в Казанском университете, впоследствии стяжав себе славу мистика и обскуранта в самом средневековом значении.

И, тем не менее, на ревизии Казанского университета и попечительстве Магницкому удалось заработать политические очки. Он сумел продемонстрировать свое умение в относительно короткие сроки выявлять недостатки, определить их причины, искать и находить выход из сложившейся ситуации и, самое главное, не побояться взять на себя ответственность за принятое решение. Это качество Магницкого по достоинству оценил министр духовных дел и народного просвещения князь А.Н. Голицын. Глядя, как деловито и рьяно вновь назначенный попечитель Казанского учебного округа наводит порядок во вверенном ему университете, находясь в Санкт-Петербурге и продолжая активно заседать в Главном правлении училищ, Голицын в 1820 году рекомендует его в качестве ключевой фигуры в Особый комитет по разработке нового цензурного устава. Свое мнение о том, что необходимо разработать новый цензурный устав, он высказал, ревизуя состояние Казанского университета, во всеподданнейшем отчете².

Историографический дискурс по вопросу участия адмирала А.С. Шишкова и М.Л. Магницкого в разработке цензурного устава, снискавшего себе славу «чугунного» не имеет четко оформленной позиции: кому из них отдать пальму первенства за включение негибких положений цензурного устава 1826 года – адмиралу А.С. Шишкову – президенту Российской Академии наук (с 1813 года), создателю

¹ О взглядах М.Л. Магницкого см.: Феоктистов Е.М. Указ.соч.

² Шишков А.С. 1) Мнение мое о рассматривании книг или цензуре / Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова: [в 2 т.]. Т.2. / А.С. Шишков; изд. Н. Киселева, Ю. Самарина. Berlin: B. Behr's Buchhandlung, 1870. С.43-52 (представлено Государственному совету 17 июня 1815 года); 2) Мнение мое по делу о профессорах [Петербургского университета] / Там же. С. 141-145.

и признанному лидеру «Беседы любителей русской словесности», министру народного просвещения (с 1824 года) или М.Л. Магницкому – попечителю Казанского учебного округа, члену Главного правления училищ (с 1819 года)?

Исследователи отмечали, что с конца 1810-х – начала 1820-х годов А.С. Шишков неоднократно поднимал вопрос о либеральном характере устава о цензуре 1804 года, о необходимости решения вопроса о подведомственности светских и духовных сочинений общей единой светской цензуре. Он подавал в высшие государственные инстанции записки с предложениями: в Государственный совет – «Мнение мое о рассматривании книг или цензуре» (1815 год), Комитет министров – «Мнение мое по делу о профессорах [Петербургского университета]» (1822 год)¹. При этом исходил он из своей практики цензурирования рукописей в качестве автора и как «Беседы любителей русской словесности», споспешествующего публикации трудов своих членов.

«Мнение» Шишкова за 1822 год наиболее приближенно к описываемым событиям и наметившемуся повороту в политике после беспорядков в немецких университетах. Заметим, что второй год работал Особый комитет по разработке нового цензурного устава. Шишков не являлся его членом, но возглавлял Российскую Академию наук, его суждения складывались независимо от комитета, но в то же время являлись авторитетными, как в глазах общественности, так и верховной власти.

В своем «Мнении» от 1822 года Шишков настаивал на необходимости реформировать цензуру «на лучшем и обширнейшем основании, нежели как она издавна была и ныне существует [...] чтобы время от времени в издаваемых книгах не появлялись иногда неумышленные, а иногда умышленные худости, служащие к воспламенению умов и распространению заблуждений»². Особая роль при этом возлагалась на цензоров: «необходимо нужно, чтобы она [то есть

¹ [Шишков А.С.] Мнение мое по делу о профессорах [Петербургского университета] // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т.1. С.386-390.

² Там же. С.386.

цензура – Р.Х.Г.] составлена была из немалого круга людей ученых, честных, благорассудительных, умеющих различать позволительную и непозволительную свободу мыслей [...]. Надобно, чтобы книги разделены были по роду содержаний их и ни одна из них не осталась без прочтения цензором от доски до доски; надобно, чтобы цензоры, строго ответствовали за пропускаемые им книги, а дабы обязанность их не была чрез меру для них тягостна, то надлежит им дать позволение в сомнительных случаях относиться к особо для сего учрежденному не из одного, а из нескольких государственных лиц, комитету, который бы разрешал их сомнения»¹.

Одним из существенных недостатков устава о цензуре, по его мнению, было личное усмотрение цензора как критерий экспертного заключения. Мнение цензора было руководящим при отборе рукописей к печати; всякие двусмысленности, использование неудачных оборотов трактовалось не в пользу автора. Если оценивать позицию Шишкова, то он склонен был решать цензурный вопрос путем подробной полицейской регламентации процесса цензурирования всей печатной продукции в России, как ввозимой из-за рубежа, так и публикуемой на территории отечества. Подробная регламентация должна была предупредить произвол цензора при проведении экспертизы; сделать более понятными критерии оценивания рукописей для авторов; создать эффективную фильтрационную систему «отделения зерен от плевел» – главное предназначение цензуры. Создание всеобъемлющей, универсальной системы контроля за печатным словом – квинтэссенция подхода консерватора Шишкова².

Что касается М.Л. Магницкого, то его видение обновленной цензуры складывалось из непосредственной деятельности цензурного комитета Казанского университета, с делопроизводством которого он весьма подробно ознакомился и даже попытался его систематизировать с целью удобства работы с ним и дальнейшего хранения.

¹ Шишков А.С.] Мнение мое по делу о профессорах [Петербургского университета] // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т.1. С. 389.

² [Шишков А. С.] Мнения адмирала и президента Российской Академии (впоследствии министра народного просвещения) А. С. Шишкова о рассматривании книг или о цензуре // Рус. арх. 1865. № 1–12 ; М., 1866. Стлб. 1097–1116.

М.Л. Магницкий, являясь попечителем Казанского учебного округа, имел, как и остальные попечители и члены Главного правления училищ, место постоянной резиденции в Санкт-Петербурге. Здесь, совместно с другими членами Особого комитета по подготовке устава о цензуре, он работал над проектом с 1820 по 1823 годы. Шишков не оставлял своего интереса к положению цензуры, об этом свидетельствуют его «мнения» во власть. Если взгляд Магницкого на устав складывался из практики работы в министерстве духовных дел и народного просвещения, лично с министром князем Голицыным, непосредственного руководства Казанским университетом и лично директором Б.Л. Никольским, то за плечами Шишкова был немалый самостоятельный литературный опыт и практика работы в Российской академии наук. На заключительном этапе работы над уставом цензуры в качестве законопроекта был взят проект Особого комитета, но право окончить и представить проект на рассмотрение публики было передано А.С. Шишкову, его правой рукой был назначен не М.Л.Магницкий, а директор канцелярии Министерства народного просвещения князь П.А. Ширинский-Шихматов.

Итак, связывать консервативно-охранительный характер политики Николая I с его личностью, политическими предпочтениями или с его личной реакцией на выступление декабристов 14 декабря 1825 года было бы неверным. Поворот в политике произошел еще при предшественнике Николая I – Александре I. Организованные выступления студентов германских университетов в 1818-1819 годах, сопровождавшиеся преследованием литераторов и публицистов в Германии, логическим завершением которых стала трагическая гибель одного из них (Коцебу), кроме того, просчеты и ошибки цензоров в самой России (Красовский, Бируков), критика апологетов евангельского государства со стороны части православных и государственных деятелей подтолкнули правительство Александра I к ревизии политики в области образования и цензуры. Доверенными лицами в этой ревизии стали член Главного правления училищ, попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий, президент Российской Академии наук А.С. Шишков.

Магницкий и Шишков независимо друг от друга формировали представление о цели и задачах цензуры в новых условиях (распространение «тлетворных влияний» в обществе, прежде всего в университетах, неэффективность цензурных положений и работы цензоров (например, случай с публикацией книги Госснера). Магницкому было доверено составление проекта нового устава о цензуре. Работа над проектом длилась с 1820-1823 годы. Пока велась работа над созданием основ нового цензурного устава, публикация книги Госснера стала тем громким скандалом, который дискредитировал положение не только главы Министерства духовных дел и народного просвещения князя Голицына, но и все министерство. В результате оно было реформировано, приведено в первоначальное состояние.

Министром народного просвещения был назначен авторитетный сановник, имя которого не связывалось ни с деятельностью министерства духовных дел и народного просвещения, ни с громкими ревизиями университетов. Имя А.С. Шишкова воспринималось либо с симпатией, либо нейтрально и вызывало наибольшее доверие со стороны как литераторов, так и университетариев. Этими обстоятельствами и объясняется то, почему над созданием проекта устава о цензуре занимался М.Л. Магницкий, а написание окончательной редакции устава и его прохождение через Государственный совет было возложено на вновь назначенного министра Шишкова.

Часть 5.
«Чугунный» устав 1826 года
и устав о цензуре 1828 года
как часть политики православно-
самодержавного консерватизма

10 июня 1826 года был принят второй устав о цензуре, который получил название «чугунного», за свой откровенно бюрократический характер положений и негибкий характер требований¹.

¹ В качестве иллюстрации к пятой части монографии используется работа:
Доре, Гюстав. Всеобщая подозрительность. Карикатура. 1826-1828.

URL:

http://artofwar.ru/k/kamenew_anatolij_iwanowich/rawnyjsrediwoennyhdialektikow.shtml
(дата обращения: 11.11.2017).

Устав о цензуре 1826 года рассматривался в качестве общих цензурных правил, действующих на всей территории Российской империи. Ведомственная цензура сохранилась. Анализ делопроизводства цензурных комитетов Казанского и Московского университетов первой четверти XIX века показал, что ведомства при возникновении вопросов определения цензуры того или иного произведения обращались друг к другу для уточнения подведомственности. В результате этой переписки стало складываться подзаконное нормативное законодательство, которое уточняло вопросы принадлежности того или иного типа литературы к определенному ведомству. Устав 1826 года фактически аккумулировал эти подзаконные нормативные акты в своем содержании, отведя специальную главу X «Об исключениях из общих цензурных правил» (§§102-126).

Весьма непростой была подведомственность книг «духовного и духовно-нравственного содержания»: Россия являлась многонациональным, поликонфессиональным и полиязычным государством, вместе с тем книги духовного содержания являлись в то время наиболее затребованной и часто публикуемой литературой. Эта специфика нашла отражение в практической работе цензурных комитетов, соответственно, в делопроизводстве и законодательстве.

И если все относительно понятно было с подведомственностью книг и рукописей Комиссии духовных училищ и Святейшего Синода русской православной церкви, которые рассматривали «книги Священного писания, Догматические, церковные [...] на славянском и русском языках» (§102), а также «книги, относящиеся к греко-российскому исповеданию [...] на иностранных языках» (§103), изображения (§106); а также содержащиеся в светской литературе отрывки из книг духовного содержания, или выражения или общие рассуждения о божестве, о христианской вере, то в данном случае произведение подлежало, в том числе, и духовной цензуре русской православной церкви (§104, 105), то сложнее обстояло дело с определением подведомственности книг и отрывков других конфессий. И здесь устав 1826 года прибег к заимствованию постановлений Министерства народного просвещения.

В подтверждение уместно привести пример появления секретного циркуляра министра А.С. Шишкова от 31 декабря 1825 года. В его основу лег случай из практики Санкт-Петербургского цензурного комитета, куда на экспертизу были присланы три рукописи супер-интенданта Евангелических церквей в Южной России Бёттигера (две на немецком языке, одна на французском). Министерству предстояло утвердить порядок рассмотрения иностранной рукописи духовного содержания, что и было сделано сначала для Санкт-Петербургского цензурного комитета: «катехизисы, молитвенники и прочие книги духовного содержания других христианских исповеданий, равно как отдельные такового же содержания статьи или изречения, помещаемы в книгах, подлежащих рассмотрению гражданской цензуры» должны были доставлены «на предварительное рассмотрение духовных начальств тех вероисповеданий, как то: книги духовные Римско-католического исповедания к г[осподину] митрополиту Римско-католических церквей в России, а книги Евангелического и реформаторского исповеданий, в их консистории, и ежели начальства сии не найдут ничего в них противного учению своей церкви, в таком случае цензурный комитет дает позволение к напечатанию оных, основываясь на письменных свидетельствах духовных особ и скреп по листам каждой рукописи или перепечатываемой книги [...]»¹. И, далее министр продолжил: «впрочем сие наблюдается токмо в рассуждение иноверческих духовных книг на иностранных языках, на российском же языке оные не должны быть дозволены к напечатанию без предварительного сношения с духовным начальством господствующей Православной церкви и без особенного моего разрешения; на сем основании Санкт-Петербургский цензурный комитет поступил бы и с вышеозначенными рукописями, присланными от супер-интенданта Бёттингера»².

Как результат – появление положений в уставе о цензуре 1826 года, которые устанавливали порядок рассмотрения не православных конфессий. Сочинения римско-католического духовного содержания не имели предварительный порядок рассмотрения в Санкт-

¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.2016. 1826. Л. 2.

² Там же. Л.3.

Петербурге – митрополитом римско-католических в России церквей, а в других городах – местными архиереями, после положительной рекомендации – общими цензурными комитетами (§118, 119). Схожий порядок рассмотрения применялся в отношении сочинений протестантского духовного содержания, с той только разницей, что предварительной цензурой занимался богословский факультет Дерптского университета (§121-123). Сочинения униатского духовного содержания подлежали рассмотрению митрополитом или архиереем униатской церкви, даже если они были написаны на русском языке (§120). Обратная логика присутствовала в регламентации цензуры книг на армянском языке: вне зависимости от того, какого содержания была книга – духовного или светского, она подлежала цензуре армянских архиереев и духовных властей (§110).

Научные, просветительские учреждения – Академия наук, российские университеты - сохраняли право на цензуру сочинений на все области знаний, кроме медицины и в том случае, если их авторами были члены корпораций: профессора, адъюнкты, магистры, кандидаты, студенты (§111,125). Это положение было закреплено уставом о цензуре 1807 года (§4). И, тем не менее, за год до издания устава 1826 года министр народного просвещения А.С. Шишков в своем циркулярном письме попечителям учебных округов от 20 июня 1825 года пояснял:

«По 4 пункту [...] устава о цензуре каждый из цензурных комитетов обязан рассматривать книги и сочинения, печатаемые в типографиях, состоящих в округах того университета, при которых оный комитет находится.

Как в последнее время сделаны от сего правила отступления, подавшие ныне повод одной из здешних типографий к вопросу может ли она принимать к печатанию книги, рассмотренные цензурою другого округа, [...] то я нужным считаю подтвердить, дабы все книги и сочинения, [...] рассматривались в цензурном комитете того университета, в округе коего будут печататься, если же сочинитель или издатель, рассмотренную уже одним из цензурных комитетов рукопись или книгу, по каким-либо причинам, найдет нужным напечатать в типографии другого округа, [...] в таковом случае, не приступая к печа-

танию, должен он вновь представить рукопись свою или книгу местной цензуре на рассмотрение, дабы, таким образом, с одной стороны сохранено было без всякого нарушения выше изъяснённое правило устава о цензуре; а с другой, в случае могущей открыться какой-либо ответственности за пропуском предосудительной книги, важно было с точностью определить соприкосновенные к тому лица»¹.

Книги и рукописи такой узкой области знаний, как медицина, имели особый порядок цензурирования: им полагалось пройти предварительную цензуру медицинских научных центров, и только потом пройти общегражданскую цензуру. Медицина являлась особой областью внимания и попечения Министерства внутренних дел и полиции, поскольку речь шла о здоровье населения, общественном порядке и государственном благоустройстве. Практика Московского цензурного комитета первой четверти XIX века в отношении экспертизы медицинских сочинений была довольно показательной, поскольку порой на цензурирование подавались сочинения с явно антинаучным и (или) вредным содержанием. Помощь цензорам оказывали профессора и адъюнкты медицинского факультета, которые составляли «предварительное суждение» о сочинении. И, тем не менее, Министерство внутренних дел беспокоилось, что вредные по своему содержанию медицинские сочинения или переводы могут быть опубликованы и получить распространение в России.

Обращает на себя внимание, что вопрос о подведомственности цензуры медицинских сочинений довольно остро встал при князе А.Н.Голицыне – главе министерства, которое заслужило славу «мракобесного». И, тем не менее, министр проявил рациональный подход, обосновывая необходимость цензурирования медицинских сочинений и переводов в своем циркулярном письме от 10 апреля 1820 года попечителям учебных округов. В нем он, в частности, писал: «Медицинскому Совету, яко состоящему непосредственно при Министерстве духовных дел и народного просвещения для медицинских дел, поручено испытание и распространение новых теоретических и практических открытий во всех частях врачебной науки. Но как трудно и почти невозможно определить, содержатся ли в представленных для

¹ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.1798. 1824. Л. 1-2.

цензуры медицинских сочинениях новые открытия, исследования коих исключительно принадлежат Медицинскому Совету [...]». Вследствие этого Голицын предлагал цензурование медицинских книг оставить на следующих правилах: «1) чтобы [...] Медико-хирургическая Академия, на основании Устава своего, по-прежнему, имела также цензуру всех медицинских сочинений, какие ей будут представлены на рассмотрение; 2) рассмотрение и одобрение к печатанию книг Медицинского содержания, представляемых [...] медицинским факультетам, при университетах существующих, остается при них во всем на прежних основаниях». Пункт 4 правил возлагал обязанность на академиков и профессоров прежде всего «наблюдать, чтобы не были предлагаемы такие положения, как явно противны общеизвестным практическим и теоретическим началам врачебной науки [...]».

Литература, поступающая в Россию из-за границы, являлась предметом ведения Министерства внутренних дел, порядок ее цензуры был определен Временным положением 1827 года¹.

Вопрос с контролем министерства внутренних дел и полиции решался с использованием уведомительного порядка. Пункт 6 устанавливал, что Совет должен был доставлять сведения министру духовных дел и народного просвещения о рассмотренных им медицинского содержания книгах в двух экземплярах, из коих один «на основании учреждения Министерства полиции § 84, имеет быть сообщаем мною Министерству внутренних дел, а другой будет оставаться в Департамент народного просвещения»².

Устав 1826 года закрепил сложившуюся практику, определил места цензуры медицинским сочинениям: в Санкт-Петербурге – Медико-хирургическая академия или Медицинский совет при Министерстве внутренних дел; в Москве – отделение Медико-хирургической академии или медицинский факультет университета; в других местах – медицинские факультеты университетов. Рекомендация академиков считалась более весомой и авторитетной – достаточно

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 558. 1827. Л. 233.

² НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1204. 1820. Л. 1-1 об.

было подписи трех членов Академии или Совета, в других случаях должны были подписать все члены корпорации (§124).

Особое место занимали статьи, которые касались подведомственности государственных и местных органов власти, отдельных министерств и ведомств. Акты, издаваемые Правительствующим Сенатом и Святейшим Синодом, акты министерств и губернских начальств, акты военного ведомства подлежали изъятию из ведения общегражданской цензуры (§114).

Накануне издания устава о цензуре (10 июня 1826 года) министр народного просвещения А.С. Шишков известил циркулярным письмом попечителей учебных округов, что 22 февраля сего года император Николай I высочайшее соизволил, чтобы собрания и своды законов, частными людьми предполагаемые к изданию в свет, были представляемы в Собственную Его Императорского Величества Канцелярию для предварительного рассмотрения¹.

Не только верховная власть, но и министерства и ведомства уточняли, какая информация подлежала изъятию из общегражданской цензуры. Так, министр А.С. Шишков в своем секретном предписании попечителям учебных округов от 30 июля 1825 года сообщал, что главнокомандующий над военными поселениями генерал от артиллерии граф А.А. Аракчеев довел до его сведения, что император Александр I указал за правило: не помещать в журналах ничего касающегося до военных поселений кроме иных статей, которые будут сообщены именно от графа Аракчеева².

Устав 1826 года допускал издание сводов и собраний Российских законов, но только с представления Главного цензурного комитета и разрешения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, о чем должна была быть сделана отметка на титульном листе издания (§117).

Как и в уставе 1804 года, устав 1826 года рассмотрение афишей, объявлений закрепил за местной полицией и надзором Министерства внутренних дел (§115).

¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.2009. 1826. Л.1-1 об.

² НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.1903.1825. 2 л.

Таким образом, определение подведомственности уставом о цензуре лишь обобщало ту практику, которая сложилась в процессе коммуникации верховной власти, министерств и ведомств по возникавшим вопросам и спорам.

Основной характеристикой устава 1826 года, в отличие от устава 1804 года, можно считать подробную регламентацию задач цензуры (этому были посвящены одиннадцать глав устава), действий цензоров (характер, способы и методы цензуры в отношении разных типов произведений печати – в восьми главах)¹.

Глава I «О цензуре вообще» восприняла большую часть положений, которые имелись и в уставе 1804 года. Цель была изложена в несколько иной интерпретации, но суть не изменилась: «[...] чтобы произведениям словесности, наук и искусств [...] дать полезное, или, по крайней мере, безвредное для блага отечества направление» (§1). Разница заключалась в определении подведомственности: цензуре подлежали *все* объекты интеллектуальной собственности, издаваемые внутри государства (выделено курсивом мной – Р.Х.Г.). Учреждение единой цензуры предоставляло ей и неограниченный объект надзора: «обязанность цензуры [...] в ограждении Святости, Престола, поставленных от него властей, законов отечественных, нравов и чести народной и личной от всякого, не только злонамеренного, но и неумышленного на них покушения». (§3)

Сообразно цели в устав были встроены и три объекта попечения цензуры: «а) о науках и воспитании юношества, б) о нравах и внутренней безопасности, и в) о направлении общественного мнения [...]» (Глава II. Управление и состав цензуры, §6).

Расширение подведомственности цензуры изменило и систему управления в сторону увеличения контролирующих органов и расширения их полномочий. Так, был учрежден Верховный цензурный комитет в составе министров народного просвещения, внутренних дел и иностранных дел или лиц, исправляющих их должности. Верховный цензурный комитет задумывался как чрезвычайный орган и должен был собираться по инициативе министра народного просвещения, очевидно, для принятия срочного, коллегиального решения или про-

¹ ПСЗ РИ. Собрание 2. СПб., 1830-1884. Т. 1. № 403.

ведения консультаций¹. В уставе было закреплено, что данная структура «ни с кем не имеет никаких сношений» и дела могли быть переданы по указанию императора и он по назначению министра народного просвещения (§28). Компетенция «верховных цензоров» распространялась на дела государственной важности «как по отношению к внутреннему устройству, так и внешних ее сношений» (§29). И, тем не менее, не смотря на то, что Верховному цензурному комитету доверялось рассмотрение дел, связанных с государственной безопасностью, тем не менее, главная обязанность состояла в общем направлении действий цензурных комитетов «к полезной и согласной с намерениями правительства цели» (§33), в связи с чем предполагалось составлять ежегодные наставления цензорам, обсужденные в Собрании Верховного цензурного комитета и представленные на утверждение императору (§35).

По-прежнему непосредственно министру народного просвещения подчинялся Главный цензурный комитет, местоположением которого был определен Санкт-Петербург (§12). В его состав входили председатель, «который наблюдает за точным исполнением всего, что постановлено ценсурными учреждениями», шесть цензоров, «между которыми разделяется рассматривание книг на разных языках» (§12), «по родам словесности, наук и искусств», «по содержанию книг, рукописей, сочинений и проч.» (§13). Цензоры Главного цензурного комитета осуществляли свою деятельность не коллегиально, а, можно сказать, на профессиональной основе, согласно распределенных между ними областей знаний и знания того или иного языка². Такой подход был новеллой законодательства о цензуре.

В трех городах: Вильно, Дерпте, Москве по-прежнему должны были продолжить свою работу цензурные комитеты, но впервые за четверть века их местоположение было определено не при университетах, они были переданы под юрисдикцию попечителей, соответственно, подчинялись министру народного просвещения (§8, 18). Уста-

¹ Более подробно о регламентации деятельности см.: глава V «Порядок производства дел в Верховном цензурном комитете, и обязанности оного», §38- 81;

² Более подробно структура и полномочия Главного цензурного комитет рассмотрены в главе IV «Порядок определения и увольнения», §20- 26; главе VI «Порядок производства дел в Главном и прочих ценсурных комитетах и обязанности оных», §38- 81.

вом определялось, что поступающие от цензурных комитетов через попечителей представления к министру должны были разрешаться двояко: самим министром либо Главным цензурным комитетом

Состав цензурных комитетов был обозначен скромным числом в три человека, включая председателя, назначаемого по представлению попечителя учебного округа или лично министром (§14, 23)¹.

Распорядительным органом при цензурных комитетах всех уровней было определено Общее собрание². Периодичность созыва Общего собрания не была определена уставом, право созыва принадлежало председателю. Устав точно определил круг вопросов, подвластных этому органу. На первое место законодатель поставил вынесение решения об окончательном запрещении произведения словесности, науки и искусства (§83). Распоряжения начальства, объяснения цензоров по жалобам сочинителей, издателей, книгопродавцев и других лиц, имеющих отношение к цензурным комитетам, вынесение решений о разрешении и запрете повременных изданий, наконец, вопросы финансовой отчётности – подлежали рассмотрению цензурным комитетом (§85-89).

Что касается ключевой должности, на которой и держалась вся цензурная система контроля за словом – «цензора», то новый устав исходил из того, что, поскольку должность характеризовалась как «требующая постоянного внимания, [...] многотрудная и важная, не может быть соединена [...] с другою должностию». Таким образом, должность цензора переходила из разряда общественных поручений в разряд чиновных должностей. Исключение допускалось для тех лиц, которые были *допущены* к выполнению этой должности «по уважению особых способностей и учености [...] необходимых для цензуры» (§25). Другими словами, устав 1826 года расставил иной приоритет перед попечителями при подборе на цензорскую должность: преимущество отдавать чиновникам, а не «ученым особам».

¹ Более подробно состав и полномочия цензурных комитетов см.: глава III «Состав Главного и других цензурных комитетов», 9- 26; глава VI «Порядок производства дел в Главном и прочих ценсурных комитетах и обязанности оных», §38- 81.

² См.: глава VII «Порядок производства дел в Общих собраниях ценсурных комитетов, и случаи, подлежащие рассмотрению сих собраний», §82- 89.

Другим новшеством цензурного устава стала оптимизация ее системы на местах. «Чугунный» устав фактически закрыл два цензурных комитета: Казанский и Харьковский. Тому есть рациональное объяснение: участие этих цензурных комитетов в экспертизе текстов было незначительным, об этом позволяет судить сохранившееся делопроизводство цензурного комитета в Казанском университете (делопроизводство Харьковского университета утрачено в период Отечественной войны 1941-1945 годов, сгорело в пожаре бомбежек)¹. В Казанском университете осталась только цензура татарских книг. Подробной регламентации ее деятельности составлено не было (§109).

Глава VI была посвящена порядку производства дел в Главном и прочих цензурных комитетах и являлась одной из самых объемных (§38-81). Если предшествующий устав определил периодичность заседаний цензурного комитета один раз в неделю, то отныне вся структура цензурных комитетов переходила на регулярную службу и должна была иметь ежедневные присутствия, «исключая табельные дни», то есть выходные (§38).

О том, что цензура становится самостоятельным учреждением, свидетельствовала норма о производстве по всем цензурным комитетам. Оно должно было в себя включать: «переписку с разными местами и лицами; отчетность в суммах; третье и главнейшее, рассмотрение предполагаемых к изданию внутри империи книг, сочинений, рукописей и проч.» (§39). Обращало на себя внимание положение, которое ранее отсутствовало: отчетность о суммах. Ранее финансовая отчетность цензурных комитетов находилась в ведении университетов, теперь каждый цензурный комитет являлся самостоятельной хозяйственной единицей, с выделенной на его содержание суммой: на жа-

¹ См. о делопроизводстве цензурного комитета при Казанском университете: Галиуллина Р.Х. Документы цензурных комитетов первой четверти XIX в.: формы, комплектация и организация хранения // История и историческая память: межвуз. сб-к. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2015. Вып. 11. С.224-243; о делопроизводстве Казанского университета: Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Архив как средство управления российскими университетами: Биографии университетских архивов / Н.С. Алмазова и др.; пер. с фр. П.Ю. Уварова; пер. с итал. Ю.В. Ивановой; пер. с польск. Д.А. Добровольского; под ред. Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной, В.С. Парсамова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом. Высшей школы экономики, 2017. С.83-102.

лование сотрудникам (цензорам, секретарю, сторожам, другим лицам), отопление помещения, уборку, бумагу, чернила, шпагат, сургуч и прочее. Цензоры служили на постоянной основе, им выделялось жалование, которое значительно превосходило то, которое было определено уставом 1804 года: оклады цензоров Главного цензурного комитета выросли с 1200 рублей в год до 4000, цензоров комитетов – до 3000 рублей. Постоянный характер службы цензоров, требование финансовой отчетности комитетов перед казной свидетельствовали о процессе их институализации, о новом выдвинутом законодателем требовании перед цензорами: службе на постоянной профессиональной основе. Впервые уставом была предусмотрена глава о пенсионном обеспечении цензоров.

Устав обязывал все цензурные комитеты придерживаться правил писмоводства, установленных в общем учреждении министерств (§41). Особое значение придавалось ведению делопроизводства именно цензурными комитетами, занятыми экспертизой текстов. Цензурные комитеты обязывались ежемесячно предоставлять попечителю мемории об одобренных к напечатанию и выпущенных из типографии книгах и рукописях, который передавал эти сведения министру, а тот, в свою очередь Главному цензурному комитету (§44). Аналогичное действие выполнял и Главный цензурный комитет «из сих и собственных своих по сему же предмету сведений» - мемория предоставлялась министру народного просвещения в двух экземплярах, один из которых направлялся министру внутренних дел (§45).

Предметом регулирования параграфов 46, 47, 48 устава была запрещенная литература. Процессуальные действия, которые должны были совершать цензоры при работе с запрещенными рукописями, отражали ту практику, которая сложилась к этому времени. Делопроизводственные документы цензурных комитетов подтверждают это¹. Создание канала циркулярного оповещения всех цензурных комитетов о запрещении книги или рукописи было не ново, его механизм

¹ Например, циркулярное письмо министра князя А.Н.Голицына попечителю Казанского учебного округа М.Л. Магницкому «О доставлении сведений о книгах не одобренных к напечатанию или к продаже» от 16 февраля 1821 года. См.: НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.1427. 1821. Л. 1-1 об.

был прописан уставом 1804 года. Сводится он к тому, что каждый цензурный комитет обязывался при запрещении книги или рукописи к изданию делать представление попечителю, тот, в свою очередь, – министру, министр – Главному цензурному комитету, который циркулярно уведомлял через попечителей другие цензурные комитеты о запрещенном произведении, его авторе (§46).

Такая информация сообщалась не только действующим экспертам в лице цензоров, но и полиции через министра внутренних дел и «объявления всем книгопродавцам и содержателям библиотек» (§48). Система контроля за запрещенной литературой законодательно принимала форму тотальной, всеобъемлющей, как на местном, локальном уровне, так и на центральном уровне – уровне организации всей системы цензуры Министерства народного просвещения и Министерства внутренних дел и подчиненной ей полиции.

Так, практика свидетельствует, что ежегодно министр народного просвещения и министр внутренних дел (с момента создания при министерстве внутренних дел цензурного комитета) обменивались сведениями. Министр народного просвещения пересылал списки запрещенной литературы попечителям учебных округов в двух экземплярах с грифом «секретно», один из которых передавался в цензурный комитет¹.

Нормы параграфов 46 и 48 были дополнены положением, которое «выросло» из наблюдений цензоров за авторами запрещенных книг, пытавшихся обойти запреты незамысловатым путем изменения заглавия книги или изменения имени автора. Устав обязывал в донесении о запрещенной книге указывать не только заглавие, количество страниц, имя сочинителя или издателя, но и содержание сочинения – хотя бы «в главных статьях» (§47). Можно ли говорить о том, что краткое содержание рукописи, излагаемое в донесениях цензоров, стало основой для возникновения аннотации, предстоит выяснить исследователям.

Так же как и в уставе 1804 года, в уставе 1826 года было уделено внимание защите авторского права. Устав 1826 года обязал издателей предоставлять письменное удостоверение, что право собственно-

¹ НАРТ. Ф. 92. Оп.1. Д.1762. 1824. 83 л.

сти на рукопись или книгу, представленные к публикации, приобретено законным образом (§52). Существенным дополнением к правам «сочинителей, переводчиков и издателей» стало право работы с корректурой листов после одобрения цензуры – для перестановки слов и изменений выражений, «под строгою однако отвественностию, чтобы таковые сделанные ими изменения отнюдь не превращали смысла» (§74). О внесении таких правок в цензурный комитет сообщал содержатель типографии (§75).

Предшествующая цензорская практика показала, что нередко были случаи, когда представленное сочинение в целом удовлетворяло требованиям цензуры, и только отдельные слова или части подлежали перемене или исключению. Новый устав узаконил сложившуюся практику: отныне за цензором закреплялось право по своему усмотрению, во-первых, убирать «некоторые места» (§59), «заменяв точками» (§63), «заменить одни слова другими» (§60). Все внесенные цензором изменения, исключения должны были иметь обоснованный характер в виде «письменного мнения, выписками и примечаниями, за верность коих он сам и ответствен» (§64).

В русле положений предшествующего законодательства, согласно уставу 1826 года, цензор решение об исключении запрещенных мест или о запрещении рукописи единолично не принимал: это решение принималось коллегиальным порядком, с обязательным представлением соответствующих отметок в описи дел, с указанием нарушения «таких-то именно параграфов устава», что придавало решению цензора обоснованный и законченный характер (§65).

Устав допускал, что при рассмотрении книги в цензурном комитете могли возникнуть разногласия, если они были непреодолимы. В этом случае дело о запрещении рукописи из Главного цензурного комитета передавалось на рассмотрение министра, из цензурных комитетов – через попечителя к министру (§67).

Особые правила вводились для цензуры повременных изданий, «выходящих в известные сроки». Для их цензурирования устанавливался сокращенный срок рассмотрения, цензоры составляли еженедельные записки в цензурный комитет, который на основании их составлял одно общее дело (§57).

Порядку получения права на издание «повременных» или периодических изданий посвящена была глава XI устава 1826 года (§127-138).

Регулируя вопросы рассмотрения цензурой периодических изданий, законодатель утвердил разрешительный (концессионный) порядок их учреждения. Устав отличал два вида периодических изданий: государственные и частные («под наблюдением оных», то есть органов государственного управления (§127). Первые должны были получать Высочайшее разрешение на публикацию, вторые – министра народного просвещения (§128). Устав 1826 года учитывал требования, которые сложились в российском законодательстве к лицу, претендующему издавать журнал или газету. Безусловно, это должен был быть «человек добрых нравов», «известный на поприще отечественной словесности», «с хорошим образом мыслей и благонамеренностью своей», «способному направлять общественное мнение к полезной цели» (§129). В главе довольно подробно регламентировался порядок подачи документов частным лицом (§130), гарантии подписчикам в случае смерти издателя (§131), порядок рассмотрения и утверждения (§128).

Контроль за периодическим изданием осуществлял цензурный комитет. В том случае, если цензурный комитет «по немалому числу запрещенных им статей, удостоверится, что издатель не имеет хорошего образа мыслей и намерен давать своему изданию вредное для читателей направление», цензор обязывался представить выписку из статей, которая должна была быть подана министру народного просвещения (§136). Министр, в свою очередь, наделялся правом запрета всякого периодического издания (§137). В отличие от устава о цензуре 1804 года устав 1826 года впервые ввел карательные меры для издателей, «подвергшихся единожды помянутому пред сим запрещению», такие издатели раз и навсегда лишались права принимать участие в издании повременных изданий как единолично, так и «в товариществе с другими» (§138).

Устав определил отдельную главу XII «для руководства при рассматривании разного рода произведений» (§139-158). Большинство императивных норм данной главы было ничем иным, как закреп-

лением уже изданных постановлений Министерства народного просвещения, Министерства духовных дел и народного просвещения, а также распоряжений министра, разосланных попечителям учебных округов циркулярных писем, по поводу осуществления цензуры в предшествующий период. Отсюда казуалистичный характер данной главы. Проанализируем некоторые из них, сравнив с уставом о цензуре 1807 года и обратив внимание на то, встречались ли эти запреты в практике министерства народного просвещения в предшествующий период.

Открывал главу запрет на помещение официальных статей, известий о важных событиях, относящихся к России, Высочайших рескриптов в частных изданиях прежде, чем они будут обнародованы в официальных изданиях (§139).

Близким был императив на помещение неопубликованных рескриптов покойных государей России лишь с особого на то разрешения (§140). К примеру, такое разрешение в свое время было выдано Н.М. Карамзину при публикации его «Истории государства Российского», несмотря на то, что у историка был официальный статус придворного историографа и, казалось бы, у него могли быть дополнительные привилегии.

Статьи, касающиеся государственного управления, разрешалось помещать в изданиях лишь с разрешения компетентного министерства (§141).

Запрет, содержащийся в §142, на помещение стихов, посвященных и сочинений в честь императора и членов императорской фамилии, лишь с особого разрешения, был нормой, весьма схожей с распоряжением военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга графа П.В. Голенищева - Кутузова, который уведомил о ее действии министра Шишкова незадолго до публикации цензурного устава, то есть до 10 июня 1826 года. По повелению Николая I военным генерал-губернатором графом П.В. Голенищевым - Кутузовым было предписано полиции «объявить всем журналистам, чтобы в своих изданиях или газетах сами собой не писали ничего о государе императоре и о

высочайшей императорской фамилии, а только помещали бы то, что в отношении сего будет напечатано в “Русском инвалиде”»¹.

Запрещалось публиковать сочинения, которые заключали в себе «учения каких-либо тайных обществ, обнаруживающихся обыкновенно эмблемами и преданиями, нередко в Библии и учению Евангельскому примешиваемыми» (§144);

Устав устанавливал, что сочинение, которое «под предлогом защиты или оправдания одного из иноверных христианских исповеданий, порицается другое» должно подлежать запрету (§149).

Наибольшее возмущение у литераторов вызвало появление ограничения пропускать к напечатанию места в сочинениях и переводах, имеющие двоякий смысл, если один из них противоречит цензурным правилам (§151). Данная мера была отходом от либерального устава 1804 года (§21), который не допускал возможности «двоякого смысла» текста, но и рекомендовавшего истолковывать спорное место в пользу автора. Со слов московского цензора С.Н. Глинки, руководствуясь подобным положением, и «”Отче наш” можно перетолковывать якобинским наречием»².

Запрет на обозначение целых мест точками или иными знаками, с целью, чтобы читатели угадывали сами содержание пропущенных повествований ли выражений, противных нравственности, благопристойности, или общественному порядку (§152), также имел в своей основе компетентное решение руководящего органа по цензуре.

7 января 1822 года министр духовных дел и народного просвещения князь А.Н. Голицын разослал по учебным округам циркулярное письмо, в котором была проанализирована практика публикации текстов, в которых присутствовали строчки, отрывки, замененные точками. Это дало повод полагать министру, что, с одной стороны, «при выпуске одних слов производит между образовавшимися странный и противный смысл»; с другой, «замена в исключенных цензурю мест точками служит доказательством и тому, что книги [...] периодические издания печатаются прежде цензурного просмотра [...] Сие совершенно противно цензурным узаконениям, и может

¹ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.2011. 1826. 2 л.

² Глинка С.Н. Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб.: Русская старина, 1895.С.349.

иметь [...] следствием то, что замечания цензора останутся [...] неуваженными». Министр обращал внимание цензурных комитетов не допускать пропуска сомнительных мест и самовольной замены владельцами изданий и типографий точками, кроме того, он просил содействия Министерства внутренних дел и лично министра В.П. Кочубея о привлечении владельцев таких изданий и типографий к ответственности¹.

В основе нормы §153 («статьи, под названием критик и антикритик, предполагаемые к напечатанию в повременных изданиях или отдельно, должны быть основаны на беспристрастных суждениях; и в таком случае, хотя бы содержали в себе неприятные, но справедливые возражения и нужные для пользы языка и словесности обличения в погрешностях, беспрепятственно одобряются к напечатанию») также лежало циркулярное письмо министра А.С. Шишкова от 2 июля 1824 года «О непомещении в журналах оскорбительных критик». Шишков, в письме попечителям, в частности, писал: «примечается, что в повременных сочинениях, издаваемых разными журналистами, выходит под названием: Критик и Антикритик, не только полезные о словесности суждения, сколько бранные одного с другим переписка, часто имеющие целью одно только несообразное с благонравием публичное оскорбление друг друга [...] Почитаю однакож за должное поставить цензорам в обязанность, чтобы они пропускали подобные статьи с рассмотрением, дабы оные заключались в пределах благопристойной критики, отнюдь непохожей на так называемые пасквили, содержащие в себе одни порывы колкими и не принадлежащими к делу возражениями повреждать честь своего противника [...] Рассмотрение книг без всякого сомнения полезно и нужно для успехов словесности; но для сего потребны немалые познания в языке, кто рассматривает, иначе одна крикливая похвала или хула есть только свидетельство недостаточных по сей части сведений»².

Устав устанавливал запрет на пропуск сочинений и рукописей, «в коих явно нарушаются правила и чистота русского языка» (§155).

¹ НАРТ. Ф. 92. Оп.1. Д.1561. 1822. Л.1-3 л.

² НАРТ. Ф. 92. Оп.1. Д.1761. 1824. 3 л.; цитата приводится по документу: ЦГАМ. Ф.31. Оп.1. Д.53. 1824. Л.83-84.

Аналогичное правило предусматривалось и в отношении сочинений, переводов на иностранных языках, публикуемых в России (§156).

Наконец, особое внимание обращалось на цензуру периодических и «мелких сочинений»: «не нарушая общей строгости надзора за всеми в цензуру поступающими книгами, цензоры должны обращать особенное внимание на повременные и мелкие сочинения, кои быстрее других расходятся [...] могут производить гораздо опаснейшие последствия» (§158).

Особое внимание цензоров должна была привлечь глава XIII «Правила для руководства цензоров» (§159-182). Глава была составлена в полном соответствии с нормами предшествующих глав, направленных на защиту греко-российской православной церкви, ее основ (§159-163), самодержавной власти, императорской фамилии и ее членов, государственного управления и законов (§165-169). Устав требовал уважительного отношения «для держав, находящихся в дружественных с Россией отношениях, и в особенности для Священного Союза и державных членов одного» (§170), запрещал всякие рассуждения, в которых говорится «без надлежащего уважения о государях, правительствах и политических властях вообще» и в которых давались неуместные рекомендации правительствам (§171).

Условно особенную часть устава о цензуре 1826 года составляли: глава XIV «О книгах и сочинениях по части словесности, истории, географии и статистики и, с включением правил, касательно изображений, предполагаемых к гравированию и литографированию» (§73-185), глава XV «О сочинениях логических, философических, юридических, а также по части естественных наук и медицины» (§186-193), глава XVI «О книгах еврейских» (§194-200), глава XVII «Об адвокатских голосах, позывах, манифестах и других статьях по тяжёлым делам, в присоединённых от Польши губерниям» (§201-202). Здесь были прописаны нормы как императивного, так и диспозитивного характера, которые задавали рамки допустимого при цензуре сочинений, принадлежащих к разным областям знаний.

Так, например, при цензуре так называемых классических книг цензор должен был учитывать целевую аудиторию, для кого публиковалась книга: для юношества - «полные книги», здесь текст «если он

только сохранен в точности не подлежит его разбору», проверке подлежали предисловие и примечание; для училищ – «ручные книги», здесь цензор обязан назначать к исключению в подлиннике все места, несоответствующие ценсурным правилам (§173).

Монархически ангажированный характер устава особенно ярко продемонстрировали требования к историческим сочинениям (§177-181). Параграф 177, который носил общий характер, требовал от цензоров «преимущественно [...] обращать внимание на нравственную и политическую цель оных, и на дух, в котором целое сочинение сего рода написано», при этом «история не должна заключать в себе произвольных умствований», дополнял §181 устава.

Наибольшим ограничениям подвергались сочинения по философии: кроме учебников, «прочие сочинения сего рода, наполненные бесплодными и пагубными мудрованиями новейших времен, вовсе печатаемы быть не должны». Исключение предоставлялось только для классических произведений греческих и римских философов (§186).

Не забыли разработчики устава и требования к медицинским сочинениям. Цензоров наставляли: «[...] в особенности наблюдать следует, чтобы вольнодумство и неверие не употребило некоторые из них орудиями [...] к ослаблению, в умах людей неопытных, достоверности священнейших для человека истин, таковых, как духовность души, внутреннюю его свободу и высшее определение в будущей профессии [...]» (§193).

Субъектами правового регулирования главы XVIII «Порядок и мера ответственности лиц, употребленных по цензуре, или имеющих к ней отношение» являлись авторы и все лица, сопричастные цензуре книг и сочинений (должностные лица: председатели цензурных комитетов, цензоры), но и публикации книг, то есть владельцы типографий, издатели, переводчики, корректоры (§203-227).

Основанием для освобождения от ответственности должностных лиц могло быть только «письменное разрешение начальства» (§204). Материалы на должностных лиц цензуры подлежали рассмотрению в дисциплинарном порядке, но окончательное решение выносилось Главным правлением училищ и утверждалось министром (§209). Для привлечения к ответственности необходимо было устано-

вить вину цензора, которая выражалась в допуске к печати «крамольной рукописи». Трехкратное замечание вышестоящего лица могло стать основанием для увольнения цензора (§210). Для цензоров Главного цензурного комитета таким лицом являлся император, а для цензоров цензурных комитетов – министр (§208).

Была предусмотрена ответственность за отпечатанное произведение, если при продаже обнаруживалось «вредное» содержание хотя бы отдельной части сочинения (§212).

Схожий механизм привлечения к ответственности действовал и в отношении авторов и переводчиков. Основанием к привлечению являлось наличие умысла: «гораздо виновнее тот, кто обдумывает в тишине кабинета что-либо вредное для общественной безопасности и нравов, а потом издает в свет, нежели цензор, рассматривавший сочинение по обязанности своей» (§213). При обнаружении в уже изданном произведении предосудительного содержания, «противного устава», полиция конфисковывала весь тираж у автора, издателя или книгопродавца, автор или переводчик подвергался ответственности согласно законодательству (§214).

Так же как и устав 1804 года, устав 1826 года устанавливал ответственность «содержателей» типографий, книжных лавок и библиотек, мера наказания для которых предусматривалась от административной до уголовной (§224).

Таким образом, анализ устава 1826 года наглядно показывает, что в основе его содержания - переработанная редакция устава 1804 года, измененная и дополненная подзаконными нормативными актами министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына и министра народного просвещения А.С. Шишкова, а также откорректированная в значительной степени под влиянием судебных процессов и громких скандалов в области печати (не только внутренних, но и внешних) первой четверти XIX века, в частности, дела Госснера, дела Бёттингера, убийства Коцебу, публикации Стурдзы. Поэтому мнение исследователей, в частности Скабичевского, о том, что в основе устава 1826 года лежал законопроект, подготовленный Особым комитетом под руководством М.Л. Магницкого, является не вполне достоверным утверждением.

В уставе 1826 года сохранялась преемственность идей устава о цензуре 1807 года (предварительная цензура, вхождение органов цензуры в структуру Министерства народного просвещения, которое означало образовательно-просветительское направление цензуры в целом). Тем не менее устав о цензуре более четко обозначил полицейско-охранительные тенденции контроля над печатью¹.

Была предпринята попытка учредить обособленную систему управления цензурой. Главный цензурный комитет в Санкт-Петербурге был поставлен в один ряд с провинциальными цензурными комитетами. В действительности он представлял собой промежуточное звено между Верховым комитетом и комитетами в Москве, Дерпте и Вильно, выполняя роль арбитра в спорах о запрещении или одобрении изданий и высказывая последнее слово по этим вопросам.

В течение двух лет действия устава о цензуре 1826 года существенных изменений в законодательство о цензурном контроле не вносилось. Десять нормативно-правовых актов, изданных за это время и содержащихся в официальном сборнике постановлений и распоряжений, касались частных вопросов применения устава².

Практика применения «чугунного» устава показала «неудобства» данного нормативного правового акта своей казуистичностью. Логика кодификации цензурного законодательства требовала того, чтобы вслед за работой над нормами внутренней общегражданской цензуры были рассмотрены основы правового регулирования норм цензуры иностранной литературы, которая по подведомственности подчинялась цензуре Министерству внутренних дел.

19 марта 1826 года министр народного просвещения А.С. Шишков выступил с докладной запиской перед императором Николаем I «за № 1 по делам Временного Комитета о правилах для цензуры иностранных книг». Николай I «изъявил свою высочайшую волю, что оный Комитет может иметь суждение не стесняясь Цензурным уставом 10 июня сего 1826 года, для печатаемых внутри государства

¹ Горбачев И.Г., Печников В.И. Институт цензуры в российском законодательстве XVI - XIX вв.: историко-правовое исследование. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 88.

² Сборник постановлений и распоряжений по цензуре (1700-1867). СПб., 1862. С. 199-212.

книг изданным и оному Комитету, в тоже время изложить свои замечания, если нужны будут на сей цензурный устав 10 июня [1826 года – Р.Х.Г.]»¹.

Ответственность за проведение кодификации была возложена на министра внутренних дел В.С. Ланского. В состав Комитета вошли: начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорф, особо доверенное лицо Николая I, член Государственного совета И.В. Васильчиков, министр внутренних дел В.С.Ланской, товарищ министра внутренних дел Д.В. Дашков, президент Императорской Академии наук С.С. Уваров, а также известный писатель, цензор Петербургского цензурного комитета В.Ф. Одоевский. Вскоре Ланской подал доклад на имя императора Николая I, в котором просил «не держаться в точности правил действовавшего Узаконения [то есть устава о цензуре 1826 года – Р.Х.Г.]». Император, выслушав доводы, принял решение: «не только не держаться устава 1826 года, но и самый этот устав подвергнуть подробному рассмотрению», о чем попросил уведомить министра Шишкова².

21 ноября 1826 статс - секретарь Н.Н. Муравьев сообщил министру народного просвещения адмиралу А.С. Шишкову о том, что император предписывал ему присутствовать в качестве постоянного члена временного комитета для рассмотрения правил цензуры иностранных книг под председательством управляющего Министерства внутренних дел³. Предполагалось, что заседания этого комитета должны были проходить «по четвергам во Дворце в комнате, где бывает заседание Комитета Г[оспод]. Министров»⁴. Соответственно, посещать эти заседания мог и лично император.

23 ноября 1826 Шишков сообщал статс - секретарю императора Н.Муравьеву, «приключаящиеся мне нередко болезненные припадки могут представлять к тому значительные препятствия, то я осмеливаюсь испрашивать соизволения [...] о назначении кроме меня в члены

¹ РГИА. Ф.735. Оп.1. Д. 216. 1826-1827. Л.2.

² Скабичевский А.М. Указ. соч. С.220.

³ РГИА. Ф.735. Оп.1. Д. 216. 1826-1827. Л.1.

⁴ Там же. Л. 3.

вышеупомянутого Временного комитета инженера - генерал-лейтенанта Карбоньера, как председателя Главного Цензурного Комитета, который может выполнить все означенные пред сим условия»¹. Император согласился².

Определение Л.Л. Карбоньер д'Арсита³, доверенного лица министра народного просвещения во Временный комитет, учрежденного для рассмотрения проекта Министерства внутренних дел. Председателем был назначен действительный тайный советник В.С. Ланской, факт в истории цензуры малоизвестный, но он примечателен тем, что престарелый адмирал Шишков фактически самоустранился от дальнейшего участия в определении основ цензурного законодательства. Интересы Шишкова представлял председатель Главного цензурного комитета Карбоньер. В заседания комитета появлялся спорадически, правда, свои замечания и суждения оставлял в журнале позже других членов комитета, о чем В.С. Ланской, как председатель данного комитета, сообщал Шишкову⁴, вяло и беспомощно, и оказался фигурой проходящей как в системе цензурного контроля, так и в ее истории.

К концу 1827 года комитет закончил свою работу, изложив ее в специально подготовленном «Мнении Государственного Совета». Члены Комитета констатировали, что задачей цензурного контроля является наложение запрета на издание, продажу произведений, которые могут принести вред самодержавной власти, церкви, чести и достоинству подданных. Документ оговаривал, что цензура не ставит пе-

¹ РГИА. Ф.735. Оп.1. Д. 216. Л. 4-4 об.

² Там же. Л. 5-6.

³ Карбоньер д'Арсит Лев Львович – российский подданный французского происхождения, военный инженер, в 1801 году зачислен в свиту Его Императорского Величества. С 1809 года директор гидравлических работ на Кронштадтском рейде. С 1810 года – генерал-майор при Адмиралтействе, инспектор Института корпуса инженеров путей сообщения. С 1825-1826 годы при министре народного просвещения адмирале А.С.Шишкове - член Главного правления училищ. С 1 августа 1826 по 1 декабря 1828 годы – председатель Главного цензурного комитета. С 1827 – директор Строительного департамента по морской части Инженерного департамента военного министерства. См.: Цензоры Российской империи. Конец XVIII – начало XX века. Библиографический справочник. СПб., 2013. С.194.

⁴ Например, об этом В.С. Ланской сообщал А.С. Шишкову 5 августа 1827 года. См.: РГИА. Ф.735. Оп.1. Д. 216. 1826-1827. Л. 86 - 86 об.

ред собой обязанности влиять на общественное мнение и направление словесности¹.

В то же время в документе имелся один важный момент: указание на двоякий подход к формированию цензурных предписаний: одни из них должны были иметь форму закона, характеризовались своим постоянным характером; а другие, напротив, имели форму «частных наставлений», являлись временными, предназначались исключительно цензорам, а потому не подлежали огласке, для рассмотрения политических сочинений. Наставления и циркулярные письма министра с грифом «секретно» являлись, по сути, подзаконными нормативными актами и дополняли положения устава о цензуре, коррелировали его содержание в соответствии с политической ситуацией.

Официальная публикация устава о цензуре от 22 апреля 1828 года 17 мая этого же года прекратила действие «чугунного» устава². Начальник III Отделения и шеф жандармов А.Х. Бенкендорф отметил благоприятное впечатление, которое оказала публикация нового цензурного установления на университетскую и академическую публику, литераторов, издателей³.

В именном указе, данному Сенату, говорилось о том, что практика по цензуре доказала целесообразность соединить внутреннюю цензуру и цензуру иностранных книг «ныне в ведении двух разных Министерств состоящие, в одно управление и дать оному в руководство правила общие».

Устав 1828 года имел четкую структуру. Он делился на части, части – подчасти, подчасти – на параграфы.

Во введении устава были сформулированы общие задачи, возложенные на цензуру, перечислены условия, при которых запрещалось то или иное произведение (было заимствовано из устава 1826 года), обрисовывалась в самых общих чертах структура управления цензурой. Цензура по-прежнему оставалась в ведении Министерства народного просвещения, но была разделена на внутреннюю и внешнюю (§4). Верховный цензурный комитет в структуре управления не

¹ Рождественский С.В. Указ. соч. С. 217-218.

² ПСЗ РИ. Собрание 2. СПб., 1830-1884. Т.3. №1979.

³ Граф А.Х. Бенкендорф. О России в 1827 году // Красный архив. 1929. Т.6. С. 149.

был предусмотрен. Распорядительная и контролирующая власти были определены председателями цензурных комитетов (§30). Таким образом, новый устав оптимизировал систему управления цензурой, отказавшись от лишних управленческих структур.

Часть I «О цензуре внутренней» (§6-22) соединила как общие принципы, которыми должны были руководствоваться цензоры при экспертизе текстов, так и требования к отдельным видам литературы и периодики.

Данная часть устава 1828 года снимала самый неудобный параграф «чугунного» устава – о толковании двоякого смысла не в пользу автора. Устав обязывал цензоров «обращать внимание на цель и намерение автора, а в суждениях своих принимать всегда за основание явный смысл речи» (§6). Уважение к мнению автора, «[...] если только оные не противны общим правилам цензуры; не может входить в суждение о том, полезно или бесполезно рассматриваемое сочинение, буде оно не вредно [...]» (§15).

Менее суровыми были требования к претендующим на публикацию отдельным видам сочинений, например, по истории или близким по жанру истории сочинениям: «не подвергаются запрещению ни описания происшествий и дел, ни собственные рассуждения автора, если только сии описания и рассуждения не противны общим правилам» (§11). Перечень оснований запрещений к публикации по сравнению с уставом 1826 года не содержал новых норм, но был более лаконично сформулирован. Перечень не был исчерпывающим, запреты могли быть закреплены и в наставлениях цензорам. Специальные требования предъявлялись для иностранных печатных изданий. Как при экспертизе отечественной литературы цензорам рекомендовалось обращать внимание на цель, дух, намерение зарубежного автора, не принимая во внимание «всех его выражений в тесном смысле» (§76). Рекомендовалось не запрещать иностранную книгу, содержащую «предосудительные» высказывания последним автором. Тем не менее, о разрешении продажи следовало докладывать Главному управлению цензуры (§77). Особое внимание цензоры должны были уделять общедоступным иностранным литературным произведениям,

их следовало рассматривать с «большой строгостью против иных книг в отношении к нравственности их содержания» (§18).

Подведомственность подлежащей цензуре литературы с небольшой корректировкой положений устава 1826 года оставалась прежней (§23-25). Существенной была оговорка, что всякое изъятие из общей цензуры может последовать только по Высочайшему повелению (§25).

Подраздел III части III «О составе внутренней цензуры» в значительной степени вернулся к порядкам, установленным уставом о цензуре 1804 года: внутренняя цензура вновь была возложена на университеты и учреждаемые при них цензурные комитеты (Санкт-Петербурге, Москве, Вильно, Дерпте), с оговоркой в уставе – «по усмотрению надобности, в Харькове и в Казани» или на отдельных цензорах (Риге, Ревеле, Митаве, Одессе). При решении вопроса об открытии при университетах цензурных комитетов 22 мая 1828 года министр народного просвещения князь К.А. Ливен циркулярным письмом затребовал мнение попечителей учебных округов¹.

2 июня 1828 года попечитель Харьковского учебного округа А.А.Перовский мотивировал необходимость учреждения цензурного комитета тем, что «[...]на всем пространстве Харьковского учебного округа нигде более такого комитета не предполагается и, Харьковский цензурный комитет будет служить единственным центральным местом для рассмотрения сочинений тамошнего края [...]»²

Исправляющий должность попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин в своем донесении от 10 июня 1828 года докладывал министру: «[...] полагаю учреждение при Казанском университете цензурного комитета полезным, 1) потому что здесь нужна цензура для книг татарских и восточных, 2) [...] мера сия, доставляя авторам и переводчикам возможность скорее получать решательные ответы от цензуры возбуждают во многих желание трудиться, теперь часто сочинения, посылаемые отсюда в цензуру Московскую или Санкт-Петербургскую, остаются там год и более»³.

¹ РГИА. Ф.772. Оп.1. Д.23. 1828. Л.1-1 об.

² РГИА. Ф.772. Оп.1. Д. 22. 1828. Л.3.

³ РГИА. Ф.772. Оп.1. Д.23. 1828. Л.3.

Предписание министра попечителю Московского учебного округа генерал-лейтенанту А.А. Писареву, хранящееся в схожем деле, несколько отличалось.

Положение §27 о том, что членами цензурного комитета определяются университетские ординарные и экстраординарные профессора и адъюнкты, было дополнено фразой, что в «С[анкт] - Петербургский и Московский цензурный комитет по уважению большого числа поступающих на рассмотрение книг, определяются еще по одному или по два цензора из сторонних особ, не имеющих ни какой другой должности»¹.

Содержание §29 было дополнено фразой: «число цензоров полагается в С[анкт] - Петербургский цензурный комитет с включением двух сторонних пять, в Московском со включением одного стороннего, четыре. В Дерптском и Виленском – до трех, в Харьковском и Казанском по случаю надобности по два»². Таким образом, наибольшее количество мест цензоров было отведено в столицах (в Санкт-Петербурге – 5, Москве – 4). В Вильно было определено три цензора, в Казани и Харькове – по два (§27).

Комплектование цензурных комитетов возлагалось на попечителей учебных округов, которые по согласованию с министром народного просвещения, Главным управлением цензуры представляли на утверждение императора кандидатуры на цензорские должности. Устав 1828 года вернулся к идее назначения на должности цензоров из числа университетских преподавателей: ординарных и экстраординарных профессоров и адъюнктов, «а в отдельные цензоры назначаются преимущественно директоры важнейших из находящихся в упомянутых городах учебных заведений, подведомственных университетам» (§27).

Для рассмотрения привозимой из-за границы литературы в Санкт-Петербурге был создан Комитет цензуры иностранной³. Его состав был представлен председателем, четырьмя цензорами (двумя

¹ РГИА. Ф.772. Оп.1. Д. 25. 1828. Л. 1.

² Там же.

³ Полянская Л.И. Обзор фонда Центрального комитета цензуры иностранной // Архивное дело. 1938. №1/45. С.63-74.

старшими и 2 младшими), двумя помощниками цензоров (§82, 83). Исследователи отмечают особенность организации цензуры на местах во второй четверти XIX века: чиновники совмещали обязанности по внутренней и иностранной литературе. В Вильно, Одессе, Риге, наряду с цензорами внутренней цензуры, назначались отдельные цензоры, входившие в ведомство Комитета по иностранной цензуре¹. Надзор за печатью осуществлялся в двух формах: сохранялась предварительная цензура в отношении отечественных произведений, и устанавливалась последующая для заграничных изданий.

Юридическая техника выгодно отличала устав о цензуре 1828 года от устава 1826 года, прежде всего тем, что был преодолен казуистический характер содержания, благодаря чему сократилось количество норм (158 параграфов против 281), содержание приобрело более лаконичный характер, юридическая конструкция норм приобрела более четкий характер.

Устав 1828 года вернул систему управления цензурой устава 1804 года: Верховный цензурный комитет был упразднен и восстановлено Главное управление цензурой при Министерстве народного просвещения², куда вошли: товарищ министра народного просвещения, министр внутренних дел, министр иностранных дел, управляющий III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, президенты Академий наук и художеств, представители духовного ведомства, попечитель Петербургского учебного округа (§115-116). 19 июля 1850 года согласно высочайшей воле Императора в Главное управление цензуры могли быть введены и другие должностные лица³. По сути, был создан межведомственный орган, который координировал деятельность всей цензурной системы – не только общегражданской, но и Министерства внутренних дел, III Отделения (§23), Министерства двора (§9), Министерства иностранных дел, цензуры Генерального штаба, духовной, отдельной цензуры, учрежденной при Почтовом ведомстве (§81), который просуществовал вплоть до указа 10

¹ Полянская Л.И. Указ.соч. С. 108.

² Стасов В.В. Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. Т.116. №10. С.174-175.

³ ПСЗ РИ. Собрание 2. СПб., 1830-1884. Т. 25. Отд. 1. №.24342.

марта 1862 года¹. Таким образом, высший орган управления общегражданской цензурой представлял собой коллегиальный орган представителей министерств и ведомств во главе с министром народного просвещения. Безусловно, дело Госснера показало, насколько условно соблюдается правило подведомственности в отношении текстов, имеющих религиозное и теологическое содержание.

Назначение межведомственной подведомственности виделось в том, что создание объективной экспертной системы оценки рукописей или переводов. Объективной – в смысле вынесения достоверного суждения о содержании, относящейся к подведомственной сфере информации, знаний, литературы, искусства.

Дальнейшая практика показала, что состав Главного управления цензуры не только расширялся, но и сокращался: ряд мест был ликвидирован по причине регулярного отсутствия непременных членов. Так, в присутствии цензуры не являлись: президент Российской Академии, инициатор и идейный вдохновитель «чугунного устава» 1826 года А.С.Шишков, президент Академии Художеств А.Н. Оленин. После их смерти места не замещались и были упразднены (октябрь 1841 года, апрель 1843 года)².

Пока продолжалась работа над уставами 1826 и 1828 года, с 17 ноября 1824 года статья французского посла при дворе Екатерины II графа Луи-Филиппа де Сеггюра «Путешествие Екатерины II в Тавриду», поданная для публикации в журнал «Отечественные записки» безуспешно ждала решения о допуске в печать по причине неясности определения подведомственности цензуры. Пикантность ситуации заключалась в том, что в подлиннике статья Сеггюра не была допущена цензурой Министерства внутренних дел к публикации в России. Спустя время, статья была переведена на русский язык (документ умалчивает, кто был автором перевода, когда был переведен, насколько перевод был аутентичен подлиннику). Скорее всего, был осуществлен перевод отрывка из оригинального сочинения графа Сеггюра, который был помещен Почтовой цензурой в журнале «Vib-

¹ Соловьев П. К. Ведомственная цензура в России при Николае I // Вопросы истории. 2004. №7. С. 139-145.

² Рейфман П.С. Указ. соч. С. 119.

liotheque universelle»¹. В этом периодическом издании размещались статьи, которые не были допущены к публикации. Журнал был доступен журналистам и они, руководствуясь уставом о цензуре, могли осуществить перевод и передать в цензуру Министерства народного просвещения. Уставы о цензуре не прописывали четких критериев, по которым можно было определить границы дозволенного в подлинном тексте и в переводе. Главный цензурный комитет – коллегиальный орган Министерства народного просвещения, стремясь избежать спора по данной рукописи, обратился за разъяснением в Министерство внутренних дел².

Наконец, 12 января 1828 (еще при «чугунном уставе» и до введения в действие устава о цензуре 1828 года) управляющий Министерством внутренних дел В.С. Ланской в своем отношении министру народного просвещения А.С. Шишкову высказал свое понимание границ подведомственности двух ведомств: «[...] В цензуру внутреннюю поступают на рассмотрение рукописи, в коих не только выражения, но и целые места могут быть смягчены, исправлены или отсечены; цензура же иностранных книг, не имея сей возможности, запрещает книгу за одно находящееся в ней предосудительное выражение [...]; с другой стороны нередко позволяет книгу на иностранном языке, перевод которой на отечественный язык должен быть запрещен [...]³.

И далее В.С. Ланской указывал на специфику цензуры для иностранных книг: «[...] цензуры иностранных книг, не имея надобности заниматься всеми без изъятия местами и выражениями по правилам ценсурным подлежащими запрещению, главнейшее обращает

¹ РГИА. Ф.777. Оп.1. Д.713. 1824-1826. Л.7. Представляет интерес казус с публикацией сочинений о пребывании в России в 1836-1837 годах британских подданных лорда и леди Лондондерри и его супруги, которые были разрешены к публикации с некоторыми изъятиями в 1839 году цензором Центрального Комитета цензуры иностранной А.О. Рочфортом. См.: Кулакова Е.И. Сочинение о путешествии четы Лондондерри в Россию в 1836-1837 гг.: к вопросу о распространении иностранных книг в николаевскую эпоху / Е.И. Кулакова // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996) / сост. Т.Н. Жуковская; отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор – История, 2012. С. 373-380.

² РГИА. Ф.777. Оп.1. Д. 713. 1824-1826. Л. 1.

³ Там же. Л. 7 об.

внимание на дух сочинения [...] ¹. В таком отношении сочинение графа Сегюра запрещены ценсурю иностранных книг не столько за какие-либо особенные места, сколько вообще за либеральный и не благоприятствующий России дух [...] ².

Управляющий Министерством внутренних дел приходит к очень важному заключению: [...] решение цензурного комитета министерства мне вверенного ни в каком случае не может служить руководством для Цензуры книг отечественных. В следствии чего всякое такого рода сношение между обеими цензурами, по моему мнению, неудобно» ³.

Замкнуть цензуру исключительно на Министерстве народного просвещения не получалось. Подведомственность в организации цензуры как принцип организации имел место в XVIII веке и был закреплён университетским законодательством и законодательством о цензуре в начале и во второй четверти XIX века. Предметная подведомственность именно *министерств* (курсив – Р.Х.Г.) была четко определенной, практика конца первой четверти XIX века, в частности, по нашумевшему делу Госснера, определила границы светской и духовной цензуры. Сложнее дело обстояло с определением подведомственности министерств и III Отделения. Правовой статус органа политического сыска носил вневедомственный характер, позволял ему вмешиваться во все сферы общественной жизни, если вмешательство требовалось для защиты интересов верховной власти, в том числе в дела печати. Каким образом происходило это вмешательство, с чьими интересами сталкивались интересы III Отделения, будет рассказано в следующей части монографии.

Итак, логическим продолжением сворачивания курса евангельского государства стал пересмотр устава о цензуре 1804 года. Справедливости надо заметить, что устав выполнил поставленные перед ним задачи: была создана централизованная система цензурных комитетов при российских университетах, экспертами выступали квалифицированные специалисты из числа профессорско-

¹ РГИА. Ф.777. Оп.1. Д. 713. 1824-1826. Л. 7 об.-8.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 8 об.

преподавательского состава, которые составляли в большинстве случаев разумные заключения по содержанию рукописей. У издателей и авторов особых вопросов к требованиям цензуры (ее изложению в уставе и правоприменению) возникали редко. Обжалование решений цензурных комитетов случалось, но не имела постоянный характер.

Тем не менее, по мнению ряда высокопоставленных сановников Министерства народного просвещения (А.С.Шишкова, М.Л. Магницкого) и Министерства внутренних дел (В.С. Ланского), цензурный устав не соответствовал веяниям времени, он был лишен подробной регламентации как в части определения подведомственности сданных на проверку рукописей, так и в части требований к самому тексту. Кроме того, университетская культура взаимоотношений профессоров определяла и систему взаимоотношений цензоров из числа профессоров с присущими ей принципами патриархальности, доверительности и корпоративной солидарности. Новый устав о цензуре, по мнению кодификаторов, должен был предложить новый образ цензора – образованного, благонадежного чиновника. Совет университета должен был уступить место попечителю учебного округа для осуществления более эффективного контроля за цензорами со стороны Министерства народного просвещения. Однако полностью отказаться от участия профессорско-преподавательского состава в цензуре книг система не смогла, профессор по-прежнему остался ключевой фигурой при экспертизе текстов.

Часть 6.
*Устав о цензуре 1828 года:
практика Министерства народного
просвещения и III Отделения
во второй четверти XIX века*

События на Сенатской площади 14 декабря 1825 года стали очередным откровением для российской самодержавной власти и воспринимались не в прошедшем, а в угрожающем, настоящем времени: тайные общества в России существуют, они охватили образованную часть дворянства, которая имеет свое мнение, более того, имеет смелость ее выражать печатным словом¹. Напомним, что декабристы издавали свой литературный альманах «Полярная звезда» («Полярная звезда. Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности», 1822-1825), имевший успех в салонах Санкт-

¹ В качестве иллюстрации к шестой части монографии используется работа:

Ваксель Л.Н. Сжигание «Записок охотника». Карикатура. 1852.

На карикатуре изображен попечитель Санкт-Петербургского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин и писатель Н.И. Тургенев. За спиной Тургенева жандармы III Отделения, сжигающие рукописи автора. URL: http://wp.wiki-wiki.ru/wp/index.php/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Caricature_by_Vaxel.jpg (дата обращения: 01.11.2017).

Петербурга. Очевидно, что третий номер альманах был передан в дар вдовствующей императрице Марии Федоровне и императрице Елизавете Алексеевне через министра народного просвещения и известного покровителя отечественной словесности А.С. Шишкова. 16 апреля 1825 года редакторы издания А.А. Бестужев-Марлинский и К.Ф. Рылеев за литературные успехи были щедро вознаграждены высочайшими особами: первый – бриллиантовым перстнем, второй – золотой табакеркой¹. В недалеком будущем – через семь месяцев – обласканные вниманием царской семьи литераторы станут: Рылеев – организатором мятежа, Бестужев-Марлинский участником событий на Сенатской площади.

Сигналы во власть о том, что одним из следствий участия русской армии, русского офицерства в заграничных походах стало появление тайных обществ, имели место еще при Александре I. Записку на высочайшее имя подавал участник этих походов генерал-адъютант А.Х. Бенкендорф². Его словам император не придал серьезного значения. После событий на Сенатской площади Бенкендорф был услышан. Рассуждая о причинах появления тайных обществ в России, он пришел к глубокому убеждению, что «при бдительном надзоре и кротких, но постоянных мерах, сие может быть постепенно отвращено»³. Бенкендорф выступил перед Николаем I с инициативой создания в России тайной политической полиции, которая бы опиралась на военизированный жандармский корпус. Император, недавно переживший реальную угрозу дворцового переворота, согласился на создание III Отделения в составе Собственной Его Императорского Величества канцелярии (первоначально в числе других четырех) – органа *личной* власти императора, *личной* – значит вневедомственной, *надведомственной* (курсив – Р.Х.Г.). Управляющие отделениями назначались императором и занимались теми сферами государствен-

¹ РГИА. Ф.735. Оп.1. Д. 70. 1825. Л. 2, 6, 9.

² Шубинский П.П. Император Николай Павлович и граф Бенкендорф // Исторический вестник. 1890. Т.39. №2. С. 479-481.

³ Записка [А.Х.] Бенкендорфа о тайных обществах в России // Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения Собств[енного Е[го] И[мператорского] Величества к[анцелярии]. СПб.: Издание второе С.В. Бунина, 1909. С. 579.

ной и социальной жизни, которые, по мнению императора, нуждались в его личном внимании и контроле.

Ещё не окончено было следствие и суд над декабристами, а Николай I подписал указ об основании Корпуса жандармов от 25 июня 1826 года, указ «О присоединении Особенной Канцелярии Министерства Внутренних дел к Собственной Его Величества канцелярии» от 3 июля 1826 года, то есть о создании III Отделения¹. Главным начальником был определён А.Х.Бенкендорф (занимал этот пост с 1826 по 1839; в 1832 году удостоен титул графа), он же – шефом Корпуса жандармов, а управляющим III Отделением – М.Я. фон Фок (1826-1831). Отделение имело простую структуру, его составляли четыре экспедиции. Первая занималась политическими делами; вторая – сектантами, фальшивомонетчиками, убийствами, местами заключения; третья – иностранцами; четвёртая – кадрами и информацией о происшествиях в империи². И хотя только 23 октября 1842 года вышел указ об учреждении пятой (цензурной) экспедиции, на которую был возложен широкий круг цензурных полномочий (цензура драматических постановок, надзор за книгопродавцами, типографиями; изъятие запрещенных книг; надзор за афишами; составление пропущенных из-за границы книг; разрешение издания новых сочинений, переводов; наблюдение за периодическими изданиями и проч.), в действительности III Отделение этим занималось с момента основания. Изучение общественного мнения, сбор сведений о положении дел в различных сферах общественной жизни стало приоритетным направлением в деятельности органа «политического сыска» или, как его называют некоторые зарубежные исследователи, «разведки» (П. Сквайер «Третье отделение»)³.

¹ Столетие Собственной Его Императорского Величества Канцелярии / сост. В.Н. Строев. СПб.: Гос.тип-фия, 1912. С. 152-153.

² Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. Первая половина XIX века. М.: Мысль, 1981. С. 176-177; Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. СПб.: Издание второе С.В. Бунина, 1909. С.19; Троцкий И.М. Третье отделение при Николае I. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. С. 222; Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826-1880 гг.). М.: Мысль, 1982. С.4.

³ Squire P.S. The Third Department. Cambridge, P.284.

По мнению исследователя цензуры А.И. Рейтблат, «информационный обмен власти и общества имел несимметричный характер [...]. Путь [...] от подданных к самодержцу не носил публичного характера: в прессе были запрещены любые суждения о власти, не только отрицательные, но даже положительные [...]»¹. Одним из инструментов ознакомления с общественным мнением было III Отделение, его сотрудники и сеть осведомителей – агентов, подателей секретных агентурных записок, обзоров. Причем среди агентов было немало литераторов, их число уступало только числу литераторов, сотрудничавших с Министерством народного просвещения². Поэтому точка зрения о карательной функции III Отделения в отношении литераторов, выразителем которой был М.К. Лемке, представляется неверной³. Об ее упрощенном характере сообщил А.И. Рейтблат в ряде своих работ, которые были изданы в издательстве «Новое литературное обозрение» и одноименном журнале⁴. Его аргументация построена на изучении делопроизводственных документов по кадровому составу, докладных записок, доносов и обзоров, а также критическом анализе исследований по данной теме.

Общий штат III Отделения был невелик – при М.Я. Фоке едва составлял 20 человек⁵. Среди чиновников числились литераторы: А.А.Ивановский – секретарь А.Х. Бенкендорфа, издатель альманаха «Альбом северных муз»; Б.А. Врасский – переводчик и издатель детских книг, один из учредителей журнала «Отечественные записки»; В.А.Владиславлев – одно время адъютант начальника штаба корпуса жандармов Л.В. Дубельта (с1836); издавал альманах «Утренняя звез-

¹ Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 133.

² Там же. С. 138.

³ Лемке М.Н. Указ. соч. С. XII-X.

⁴ Видок Фиглярин: Письма и агентурные заметки Ф.В. Булгарина / публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998; Рейтблат А.И. Русские писатели и III отделение (1826—1855) // Новое литературное обозрение. 1999. №6 (40). С.158-186. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/40/reitbl.html> (дата обращения: 01.11.2017); Его же. Как Пушкин вышел в гении. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Его же. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

⁵ Оржеховский И.В. Указ. соч. С.29-30.

да», в составлении номеров которого личное участие принимал А.Х. Бенкендорф; а также Н.А.Кашинцов, П.П. Каменский, Е.И. Ольдекоп (занимался переводами на немецкий язык произведения русских писателей, издавал газеты «St.-Petersburgische Zeitschrift» (1822-1825), «St.-Petersburgische Zeitung»), поэт и переводчик В.Е. Вердеревский, печатался в таких изданиях, как «Северная пчела», «Вестник Европы», «Благонамеренный», «Сын Отечества».

Литературная деятельность также не была чуждой управляющим III Отделения: М.Я. Фок (с 1826 по 1831) являлся членом Вольного общества любителей российской словесности (с 1816 года), Л.В. Дубельт (с 1839 по 1856) занимался литературной деятельностью, публиковал свои произведения анонимно¹.

Важное место в изучении общественного мнения, выявлении «тлетворных влияний» играла агентурная сеть, как внутри самой России, так и за рубежом. Среди агентов были российские подданные. Исследователи упоминают Я.Н. Толстого – главу литературного общества «Зеленая лампа» (1818-1820), созданного при «Союзе благоденствия». Я.Н. Толстой, получил неоднозначную оценку: по выражению О. Абакумова, был «декабристом и шпионом»². Во время выступления декабристов, суда и следствия над ними проживал во Франции и не вернулся вопреки указаниям императора Николая I, выпросил себе прощение и через некоторое время стал сотрудничать с III Отделением³.

Агентами были подданные и граждане других стран, которые в лучших традициях известного Коцебу, продавали свое перо на благо интересов Российской империи. В частности, французский журналист Шарль Дюран издавал во Франкфурте пророссийскую газету

¹ Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. С. 136- 138.

² Абакумов О.Ю. «Все знает, бывает всюду, принимает всех...»: Новые штрихи к портрету Якова Толстого, шпиона и декабриста // Родина. 1994. №7. С. 93-95.

³ Булгакова Л.А. От декабризма к осведомительству: заметки к биографии Якова Николаевича Толстого // 14 декабря 1825 года: Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.: Кишинев, 2000. Вып. 3. С. 170-200; Модзалевский Б.Л. Я.Н. Толстой // Русская старина. 1899. №9. С.587-614; №10. С.175-179; Тарле Е.В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III Отделение // Тарле Е.В. Сочинения в 12 томах. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 6. С.563-644.

«Journal de Francfort» (1833-1839)¹. А.И. Рейтблат отмечал, что работа агентов заключалась не только в выявлении антироссийских противоправительственных публикаций, но и в «контрпропаганде»², в том, что сейчас называется информационными сбросами.

Агентами III Отделения становились по разным мотивам. Одним из наиболее распространенных мотивов была корысть, многие агенты за свой труд получали денежное вознаграждение или иные блага нематериального характера, создающие определенные преимущества. Например, среди публики утвердилось мнение, что издание «Северная пчела» (1825-1864) является негласным печатным органом III Отделения. Одно из расхожих объяснений состояло в том, что «Северная пчела» относилась, пожалуй, к одному из немногих печатных органов, которые не подвергались гонениям со стороны власти.

Безусловно, среди агентов III Отделения яркой личностью считался издатель и редактор газеты «Северная пчела» Ф.В. Булгарин. В историографии нет однозначной оценки его деятельности в III Отделении, сложно определить и мотивы его сотрудничества. Так, исследователи Н.Н.Львова и М.Салупере сомневаются в том, что Булгарин был агентом тайной полиции, поскольку особых выгод не имел³. И современники, и ученые обращали внимание еще на один факт его биографии. Несмотря на постоянное длительное проживание в Российской империи, он имел негативное значение: в 1812 году в чине капитана принимал участие в походе Наполеона на Россию, за боевые заслуги был награжден орденом Почетного легиона⁴.

После известных событий 14 декабря 1825 года ему, уже признанному журналисту с десятилетней литературной и издательской практикой, книги и журналы которого подносились императорской фамилии⁵, по указанию Николая I пришлось дать объяснения отно-

¹ Мильчина В.А. Шарль Дюран – французский журналист в немецком городе на службе у России // Лотмановский сборник. М.:О.Г.И., 1997. Вып. 2. С.306.

² Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. С. 139.

³ Львова Н.Н. Неизвестный Фаддей // Радуга. 1991. №4. С.30-41; Салупере М. Тайный надзор и доносы на журналистов в конце 1820-х гг. // Тезисы докладов научной конференции «Великая французская революция и пути русского освобождения» 15-17 декабря 1989, г. Тарту. Тарту, 1989. С.45.

⁴ Видок Фиглярин. С. 8.

⁵ РГИА. Ф.735. Оп.1. Д.10. 1825. 5 л.

сительно своего участия в походах Наполеона. В своем письме на имя генерала Главного штаба А.Н.Потапова от 12 мая 1826 года он писал: «[...] звание благонамеренного русского писателя и смиренного верноподданного столь несовместно с несчастным моим званием французского офицера, что это мучит меня и терзает»¹. Вскоре, приблизительно в середине мая 1826 года, через начальника Главного штаба барона И.И. Дибича Булгарин представил другую записку «О цензуре в России и книгопечатании вообще»². Записка поступила на рассмотрение императора и была передана министру народного просвещения А.С.Шишкову. На позицию министра – фактического составителя «чугунного устава» – записка не оказала существенного влияния, устав 1826 года был составлен в окончательной редакции и уже был подан на рассмотрение императору, а 10 июня был подписан. Тем не менее, записка Булгарина изменила судьбу ее подателя, поскольку была прочитана сторонниками усиления верховной власти в тот самый момент, когда они сами формулировали направления политики и были в поиске средств и способов ее реализации. Идеи Булгарина, изложенные в ней, были довольно смелыми и касались тонкой и слабо поддающейся контролю и надзору сфере, названной Булгариным «общим мнением», иными словами – общественным мнением.

Записка была составлена ёмко и конструктивно, имела четкую логику, суждения не были схожи с мнениями других лиц, аргументация была построена на основе личного издательского опыта Булгарина. Автор исходил из того, что общественное мнение существует объективно и не зависит от желания властей иметь или не иметь его. Власти придется считаться с ним и научиться управлять. По своей структуре общественное мнение не являлось однородным, его составляли мнения четырех сословий, и для того чтобы воздействовать на каждое из них и в целом, следовало применять определенные практики общения. Булгарин не просто предположил, он был уверен, что «общим мнением» можно манипулировать, менять и даже формировать. Такой подход в тех исторических условиях казался трудновыполнимым, если выполнимым вообще.

¹ Булгарин Ф.В. Письмо А.Н. Потапову от 12 мая 1826 // Видок Фиглярин. С. 43-44.

² Булгарин Ф.В. О цензуре в России и книгопечатании вообще // Там же. С. 45-53.

Итак, по мнению Булгарина, для «знатных и богатых людей» свойственно «[...] проповедовать правила вредные для них самих и для правительства. [...] Правительству весьма легко истребить влияние сих людей на общее мнение и даже подчинить их господствующему мнению действием приверженных к правительству писателей»¹.

Среднее сословие – наиболее разнородное – это «*русская публика*». Булгарин предположил, что «нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать к трону одною тенью свободы в мнениях насчет некоторых мер и проектов правительства [...]. Повторяю, что восстановление суждений о том, *что угодно будет правительству передать на суждение публики*, произведется благодетельное влияние на умы [...]. Совершенное безмолвие порождает недоверчивость и заставляет предполагать слабость; неограниченная гласность производит своеволие; гласность же, вдохновленная самим правительством, примиряет обе стороны и для обеих полезна. Составив общее мнение, весьма легко управлять им, как собственным делом [...]

Нижнее сословие состояло преимущественно из крестьян, мещан, церковников и раскольников и «нет другой возможности совершенно овладеть их умами, как силою убеждений»³.

Ученые и литераторы составляли четвертую группу публики – самую малочисленную и образованную. Тем не менее, в управлении ею «главное дело состоит в том, чтобы дать деятельность их уму и обращать деятельность истинно просвещенных людей на предметы, избранные самим правительством, а для всех вообще иметь какую-нибудь одну общую маловажную цель, например, театр, который у нас должен заменить суждения о камерах и министрах»⁴.

Подвергнув анализу мнение четырех групп «русской публики», Булгарин вывел предназначение цензуры, которое виделось ему в том, чтобы «[...] препятствовать распространению идей, вредных вере, нравственности, существующему образу правления, и пресекать личности»⁵.

¹ Булгарин Ф.В. О цензуре в России и книгопечатании вообще // Видок Фиглярин. С. 46.

² Там же. С. 46-47.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 47-48.

⁵ Там же. С. 46-47.

Идеи, которые лежали в основе проспекта Булгарина, быстро распространились в верхах. В предыдущей части монографии анализировалось письмо управляющего Министерством внутренних дел В.С. Ланского от 12 января 1828, адресованное министру народного просвещения А.С. Шишкову, о подведомственности цензуры вверенных им ведомств¹. Ряд положений этого письма, в частности, о духе произведения, о недопустимости изъятия из контекста отдельных фраз при проведении цензуры, вторят положениям записки Булгарина.

Письма Булгарина, адресованные Бенкендорфу, позволяют исследователям полагать, что одним из направлений деятельности III Отделения явилось «выстраиванием оптимальной линии взаимодействия с журналистами и литераторами»². Это направление было призвано помогать решению первостепенной задачи тайной полиции: контроль и надзор или выявление всего того, что связано с неблагонадежностью. Наблюдение за литераторами через агентов, уголовное их преследование или «репрессии» - так же одно из направлений, но уже не единственное, как это было в предыдущий период. III Отделение озаботилось изучением мнения авторов и издателей, поощрением тех из них, деятельность которых расценивалась как положительная, полезная. Этот вид деятельности стал свидетельством того, что возникло новое коммуникативное пространство, основанное на взаимодействии власти и литераторов.

Анализ записки о цензуре Булгарина со всей очевидностью показал возникшую потребность в смене ориентиров цензуры. Смена ориентиров требовалась верховной власти, в том числе и потому, что на исходе первой четверти XIX века ею были пропущены распространение революционных идей среди представителей первого сословия. Смена ориентиров требовалась издателям, для того чтобы иметь представление о требованиях власть предержащих улавливать политическую конъюнктуру и быть способными оградить свои издания от вероятности закрытия в виду неблагонадежности. Наконец, ориентиры требовались и авторам, многие из которых занимались литературой профессионально и нуждались в доходах от продажи своих про-

¹ РГИА. Ф.777. Оп.1. Д. 713. 1827. Л. 7 - 8 об.

² Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. С.134.

изведений. Как верховной власти, чиновничеству, так и не политизированной части общества не было принципиальным определить, кто сможет сформулировать новые критерии цензуры. Главными требованиями к критериям была их доступность для понимания, соразмерность для применения. Очевидно, что участие в формировании критериев стали неофициально принимать литераторы, которые отличались своей благонамеренностью, обладали опытом издательской деятельности, имели представление об авторах, издателях, изданиях, цензорах — одним словом, были компетентны не по ряду вопросов, а по всей коммуникативной сфере в целом. Поскольку общегражданская цензура находилась в ведении Министерства народного просвещения, то и ее первые лица находились в поиске новых ориентиров, но они были связаны, как и в первой четверти XIX века, с концепцией роли самобытности российского сознания в процессе нравственного воспитания.

В 1832 году товарищ министра народного просвещения С.С. Уваров в стройной формулировке «теории официальной народности» создал этико-идеологическую концепцию воспитания на основе русской православной религии, признании самобытности российского самосознания и признания монархического режима гарантом истинного нравственного просвещения¹. В интерпретации исследователя А.Л. Зорина Уваров считал, что в сложное для Европы время революций и смут Россия могла рассчитывать на политическое исцеление, так как религиозные политические и нравственные идеалы, распространения которых желала верховная власть, сами по себе сохранили силу в России. От верховной власти требовалось осознание того, что проблемы, которые имели место в Европе, были на пороге России, вся мера ответственности за их предотвращение ложилась на ее плечи².

Уваров — государственный деятель, мировоззренческие предпочтения которого формировались под значительным влиянием ев-

¹Всепопданнейший доклад министра народного просвещения С. С. Уварова от 19 ноября 1833 г. / Десятилетие министерства народного просвещения. 1833-1843. СПб., 1864. С.1-4.

² Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII- первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С.344.

ропейских и российских концепций первой четверти XIX века¹. Блестяще образованный, антиковед-любитель, большой поклонник востоковедения, начал службу в коллегии иностранных дел (1801), служил в русском посольстве в Вене (с 1806), затем в Париже (с 1809), в 1810 – оставил дипломатическое поприще и перешел на службу в Министерство народного просвещения: попечитель Санкт-Петербургского учебного округа (1811-1822), президент Императорской Академии наук (с 1818), один из директоров Библейского общества (1819), товарищ министра народного просвещения (21 апреля 1832 – 20 марта 1833), министр народного просвещения (21 марта 1833 – 20 октября 1849)².

В своем исследовании А.Л. Зорин выявил идеологические истоки уваровской триады, которая с легкой руки историка А.Н. Пыпина получила название «теории официальной народности»³. По мнению А.Л. Зорина, на мировоззрение Уварова влияние оказали: концепция цивилизации французского историка Франсуа-Пьера-Гийома Гизо⁴; политическая теория немецкого романтизма, в частности, Фридриха Шлегеля⁵ и его патриотическая триада «общность происхождения (раса), обычаи, язык»; триада А.С. Шишкова – «вера, воспитание, язык»⁶. Как верно заметил Зорин, Уваров в отличие от Шишкова был лишен миссионерского запала и был против коренного изменения основ воспитания. Он стремился «[...] взять от просвещения лишь то, что необходимо для существования великого государства [...]», одно-

¹ Зорин А.Л. Указ. соч. С.352.

² Уваров С. С. Избранные труды / сост., авт. вступ. статьи и коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов; авт. пер. В.С. Парсамов. М.: РОССПЭН; О нем: Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время / пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб.: Акад. проект, 1999; Дегтярева М. И. «Лучше быть якобинцом, чем фейяном»: Жозеф де Местр и Сергей Семенович Уваров // Вопросы философии. 2006. №7. С. 105-112; Парсамов В.С., Удалов С.В. Сергей Семенович Уваров // Уваров С.С. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С 5-54; Пайпс Р. Сергей Семенович Уваров: жизнеописание. М.: Посев, 2013.

³ Пыпин А.Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I: [3 т.]. Т.1.: Религиозные движения / предисл. и примеч. Н. К. Пиксанова. Пг : Огни, 1916. С.380.

⁴ Зорин А.Л. Указ. соч. С.346.

⁵ Там же. С. 352.

⁶ Там же. С. 363.

временно вменить подданным Российской империи православие и самодержавие в качестве предметов для обязательного почитания¹.

По мнению А.Л. Зорина, в сложившихся условиях 1830-х годов консервативно-охранительная концепция Уварова была приемлемой для Николая I, так как предлагала довериться постепенному развитию под контролем государства. Мерой ответственности верховной власти становилось поддержание необходимой устойчивости в обществе и государстве, сохранение фундаментальных основ политического порядка². Она должна была пронизывать все сферы общественной жизни, прежде всего связанных с репродукцией знаний в разных формах, а значит, и издательскую деятельность. И здесь поле деятельности и мера ответственности Министерства народного просвещения и лично министра С.С. Уварова параллельно двигалась, соприкасалась, перекрывалась другим ведомством - III Отделением.

Казалось бы, стратегические интересы Министерства народного просвещения и III Отделения в условиях консервативно-охранительной модернизации должны были, как никогда, дополнить друг друга, как с позиции формирования «общего мнения» в контексте официальной идеологии, так и с позиции предупреждения и пресечения распространения тлетворных влияний. Действительно, ряд идей, которые прозвучали в Записке Булгарина, других государственных и общественных деятелей, так или иначе были подхвачены, развиты, в том числе и Министерством народного просвещения. Так, оно предприняло серьезную попытку создать подконтрольное ему российское научное издание, которое должно было охватить профессоров и преподавателей императорских университетов.

8 апреля 1833 года министр С.С. Уваров вышел с предложением в Комитет министров об издании «Журнала Министерства народного просвещения» (далее – ЖМНП)³. 25 апреля Комитет министров утвердил план издания, согласился с предложением С.С. Уварова утвердить в должности редактора К.С. Сербиновича, передал докумен-

¹ Зорин А.Л. Указ. соч. С. 367.

² Там же. С.340.

³ РГИА. Ф.722. Оп. 2. Д. 87. 1833. Л.1-2.

ты на утверждение императору Николаю I¹. В сентябре разослал по- печителям циркулярное письмо с сообщением о начале издания ЖМНП².

В 1834 году опубликование ЖМНП³ по образцу издания французского историка Франсуа Гизо стало частью плана по реализации выработанной им «теории официальной народности». В предуведомлении к первому номеру Уваров писал: «Министерство вменяет себе в прямой и священной долг давать [...] полезное направление читателям своего Журнала, да удовлетворится истинных сынов Отечества справедливое желание знать, каким образом они могут лучше содействовать высоким намерениям Отца России»⁴.

От нового периодического издания в отличие от предшествовавших «Записок Департамента Министерства народного просвещения» требовались регулярность и глубина в освещении «действий правительства по учебной части, новейшие в области наук открытий и вообще разные и любопытная сведения»⁵.

Годовой комплект состоял из трех частей, каждая из которых делилась на четыре книжки. В каждом выпуске было шесть тематических разделов:

- 1) «действия правительства», то есть нормативные акты министерства народного просвещения;
- 2) «словесность, науки и художества»;

¹ РГИА. Ф.722. Оп. 2. Д. 87. 1833. Л. 9.

² Этот сюжет подробно рассмотрен в статье: Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Журналы о себе и для себя: университетские издания первой половины века // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 143-158.

³ До «Журнала Министерства народного просвещения» публиковались следующие официальные периодические издания: 1803-1819 годы – «Периодические сочинения об успехах народного просвещения», в 1821-1824 годах – «Журнал Департамента народного просвещения»; в 1825, 1827, 1829 годах – «Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения». См.: Юрьев Б.И. Журнал Министерства народного просвещения // Отечественная история: энциклопедия: [в 5 т.]. Т. 2: Д-К / гл. ред. В.Л. Янин. М.: Больш. Росс. энцикл. 1996.

⁴ [Уваров С.С.] [От редакции] // Журнал министерства народного просвещения. 1834. Ч.1. №1. С. VII.

⁵ ЦГАМ. Ф.418. Оп.2. Д.268. 1833. Л.2; НАРТ. 92. Оп. 1. Д. 3946. 1833. Л. 1.

- 3) «известия об ученых и учебных заведениях в России»;
- 4) «известия об иностранных ученых и учебных заведениях»;
- 5) «история просвещения и гражданского образования», включая «биографии людей, на сем поприще знаменитых»;
- 6) раздел «новости и смесь», в том числе, «о разных происшествиях, имеющих отношение к ученой и учебной части»¹.

Уваров обязал попечителей учебных округов организовать подписку на ЖМНП²: каждый императорский университет был обязан выкупить четыре комплекта, гимназия – два, уездные и народные училища – по одному³. Кроме того, в Московском учебном округе приобретать ЖМНП обязывался Ярославский Демидовский лицей⁴.

В числе подписчиков Уваров желал видеть всех попечителей и почетных смотрителей училищ⁵. Циркулярным предписанием в список обязательных подписчиков были включены частные пансионы⁶.

Подписка на ЖМНП фактически была принудительной. Попечители стали получать разные по тональности и намерениям письма от директоров училищ и почетных смотрителей. Одни из них просили разрешить потратить на журнал экономические (хозяйственные) деньги учебного заведения⁷. Другие роптали о бедственном положении школы и неспособности оплатить подписку⁸. Встречались сообщения о том, что благотворители (местные общества, отдельные служащие или частные лица) приобрели для того или иного училища комплекты ЖМНП. В некоторых случаях попечитель заставлял учителей и учеников приобретать журнал в складчину⁹. И хотя вопрос о задолженности отдельных подписчиков периодически обсуждался в

¹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп.2. Д. 268. 1833. Л.4; НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.3946. 1833. Л. 9.

² ЦГАМ. Ф.459. Оп.2. Д.51. 1836. Л. 1об.

³ НАРТ. Ф.92. Оп. 1. Д.3946. 1833. Л. 2.

⁴ ЦГАМ. Ф.418. Оп.2. Д.268. 1833. Л. 3, 7.

⁵ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.3946. 1833. Л. 2.

⁶ ЦГАМ. Ф.459. Оп.2. Д.51.1836. Л. 1 об.

⁷ Например, директор училищ Пермской губернии в своем донесении казанскому попечителю от 26 октября 1833 года. См.: НАРТ. 92. Оп. 1. Д. 3946. 1833. Л. 12.

⁸ Директор Пензенских училищ 25 октября 1833 года сообщал казанскому попечителю Мусину-Пушкину: «[...] некоторые приходские училища, получающие от Приходских обществ на ежегодное содержание по 200 рублей, как то: Городищенское, Мокшанское и Нижнее-Ломовское, едва ли будут в состоянии выписывать оный журнал». См.: НАРТ. Ф.92. Оп. 1. Д.3946.1833. Л. 13.

⁹ НАРТ. Ф.92. Оп. 1. Д.3946. 1833. Л. 31 об.

министерстве¹, Уваров добился своего: жесткими административными мерами он объединил служащих своего ведомства чтением официального издания и тем самым наделил ЖМНП идеологическими функциями.

Кроме указов правительства и текстов самого министра, журнал должен был наполняться результатами исследований русских ученых по одной статье в год². «Таковые статьи, – обещал Уваров, – служа доказательством их талантов и знаний и свидетельством того, на какую ступень они поставили в университете или в лицее преподаваемую ими науку, будут предметом особенного моего внимания»³. Попечители обязывались составить и отправить в Санкт-Петербург список потенциальных авторов для ЖМНП: «на кого в особенности из гг. профессоров может Министерство надеяться в доставлении Журналу полезных любопытных статей»⁴. Напуганные Советы университетов составляли списки имен ученых, готовых представить на жесткий суд известного своими исследованиями министра плоды научных изысканий.

Новая ситуация потребовала пересмотра или более жестких соглашений о критериях научности и о процедуре экспертизы ученых трудов. Профессорские советы на всякий случай включили в списки потенциальных авторов ЖМНП практически весь штат своих университетов. Так, в 1833 году – первый же год подготовки издания Казани – намерение опубликоваться подписали ординарные профессора: физиологии В.Ф. Берви, российской истории, географии, статистики В.Я. Булыгин, химии и технологии И.И. Дунаев, ветеринарной медицины И.К. Ерохов, физики и физической географии Э.А. Кнорр, повивального искусства А.Е. Лентовский, греческой словесности С.А. Мистаки, прикладной математики

¹ НАРТ. Ф.92. Оп. 1. Д.3946. 1833. Л. 37.

² В ЖМНП было немало аналитических статей, которые касались системы образования за рубежом. См.: Орлова Н.Е. Российский «Журнал Министерства народного просвещения» в 30 - 60-х гг. XIX в.: интерес к проблемам становления государственной системы начального образования в Англии // Российские и славянские исследования: сб. науч. ст. Вып. 1 / редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2004. С. 100–104.

³ ЦГАМ. Ф.418. Оп.2. Д. 268. 1833. Л. 5; НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.3946. 1833. Л. 1.

⁴ НАРТ. Ф.92. Оп. 1. Д. 3946. 1833. Л. 2 об.

Г.Б. Никольский, философии П.С. Сергеев, астрономии И.М. Симонов, российского красноречия Г.С. Суровцов, врачевания, фармации и врачебной словесности Л.Л. Фогель, ботаники и зоологии Э.А. Эверсман, восточной словесности Ф.И. Эрдман; а также экстраординарные профессора греческой словесности М.Ф. Грацинский, политической экономии и дипломатики Я.М. Караблинов; и адъюнкты Н.Д. Брашман, И.И. Бюрно, П.М. Васильев, А.В. Кайсаров, А.К. Казембек, О.М. Ковалевский, естественной истории Н.Ф. Кулаков, М.С. Рыбушкин, М.В. Полиновский, А.В. Попов, А.Ф. Хламов, Г.Л. Фогель¹. И только уверенный в своем незыблемом положении ректор Н.И. Лобачевский не сделал этого, объяснив своё решение так: «что же касается до меня, то усматривая из объявления, что в состав журнала не входят предметы, которые относятся к математике, я не могу взять на себя обязанность доставлять статьи»².

Работа министерства с полученными списками показала новое направление в кадровой политике в университетах. Так, по желанию министра попечители вычеркнули из списков имена преподавателей, плохо владевших русским языком. Впрочем, это не было свидетельством национальной дискриминации. Изучение представительства на страницах ЖМНП и выявление этнического и конфессионального статуса авторов опубликованных текстов убеждает в том, что издательская политика министерства не была русофильской. Например, из Казани в Санкт-Петербург присылались и печатались в ЖМНП статьи немцев, поляков, иранцев³.

Решение о публикации принимала редакция министерского журнала. Бессменным её руководителем при Уварове был К.С. Сербинович (с 1834 по 1856). При отсеивании полученных текстов он руководствовался правилами, разработанными министром и в 1833 году разосланными по университетам⁴. На практике они корректиро-

¹ НАРТ. Ф. 92. Оп.1. Д. 3946. 1833. Л. 31.

² Там же. Л. 31-31 об.

³ НАРТ. Ф. 92. Оп.1. Д. 3946. 1833. Л. 32.

⁴ Там же. Л. 8.

вались личным мнением Уварова о прочитанной рукописи, и здесь он выступал в роли самого строгого цензора¹.

Качество исследовательского труда правительство оценивало с учетом его реальной или потенциальной государственной пользы, поэтому авторы прописывали ее в начале статьи². Вот откуда берут происхождение пресловутые «актуальность» и «практическая значимость» диссертаций, о которых до сих пор обязаны сообщать государству (в лице Высшей аттестационной комиссии) российские исследователи всех специальностей! С тематической точки зрения редакция ЖМНП предпочитала публиковать статьи, относящиеся к наукам, связанным с российскими культурами и «наречиями»: славяноведение, востоковедение, русская история, география, статистика и камералистика. Статьи по точным наукам встречаются крайне редко.

В работе с авторами принятых к публикации статей (то есть «настоящих ученых») редакция руководствовалась нормами западной академической культуры. Впервые в России научные исследования издавались с обязательным указанием подлинного имени ученого и занимаемой им должности. Автор получал гонорар «за всякую статью незаключающую в себе печатного листа 50 рублей (исключая статьи отменной важности), за печатный лист 100 р., за два листа 150, за три 200 и так далее. Нежелающие пользоваться сим вознаграждением должны заблаговременно уведомить о том редакцию журнала»³. Со своей стороны автор обязывался не «помещать сию статью где-либо на русском языке до истечения года»⁴. В течение года профессор или адъюнкт могли опубликовать в ЖМНП только одну статью. Если кто-то желал издать две, то за вторую публикацию гонорар не выплачивался. Автор получал только бесплатный экземпляр журнала со своей статьей⁵.

Такие ограничения не останавливали желающих публиковать результаты своих исследований. Свидетельства тому содержат архивы местных университетов. Так, в июне 1834 года казанский попечитель рекомендовал редакции ЖМНП статью профессора И.М. Симонова,

¹ НАРТ. Ф. 92. Оп.1. Д. 3946. 1833. Л. 50.

² НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.4536. 1837. Л. 7.

³ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.4536. 1837. Л. 7.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 50.

«содержащую в себе общий взгляд на историю механики и оптики», а в октябре того же года просил издать еще одну статью того же автора – «Древность астрономии»¹. Через два года подобный казус зафиксирован со статьями профессора Булыгина «Исторические воспоминания на пути из Саратова в Астрахань» и «О северно-восточных руссах»².

Работа с присланными текстами заставляла министерских чиновников быть в постоянном контакте с университетами и позволяла обретать осведомленность относительно научного ресурса каждого из них. Профессорские советы в своих административных решениях (например, во время баллотировок) отныне вынуждены были учитывать научную репутацию преподавателя в министерстве. А она имела вполне осязаемые формы и могла быть доказана посредством официального письма с благодарностью министра³ или указанием на опубликованный в ЖМНП список имен авторов, который ежегодно составляла редакция ЖМНП. Список рассылался по всем университетам и училищам⁴.

Эти неформальные знания, а также статистика из университетских ежегодных отчетов, сведенная министерскими чиновниками в единые таблицы, позволила правительству объявить локальные особенности университетов недостатком развития системы образования в империи. Высшая ступень российского образования виделась императору Николаю I и его министру С.С. Уварову не в качестве суммы локальных и очень разных университетских сообществ, а как система институций, в которой если и есть различия, то только намеренные, призванные удовлетворять региональные потребности.

Общая картина просветительской модернизации страны была объективирована в глазах читателя ЖМНП многочисленными цифровыми данными, ведомостями, таблицами: данные о штатах и воспитанниках высших школ разных регионов, издания учебных программ преподавателей одинаковых кафедр из разных городов. Но поскольку любое сравнение есть аналитическая процедура выявления различий

¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3946. 1833. Л. 50, 53.

² НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4517. 1837. Л. 3, 6.

³ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3946. 1833. Л. 1-2.

⁴ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3946. 1833. Л. 4.

(а это было не желательно), то с 1836 года издатели ЖМНП сравнивали уже не столько университеты Москвы, Санкт-Петербурга, Дерпта и Казани между собой, сколько «русские университеты» с такими же абстрактными «университетами Западной Европы и Северной Америки»¹. Типологизация, подразумевающая игнорирование отличий, позволяла чиновникам создать конструкт национальной университетской системы. Во всяком случае, со второй половины 1830-х годов министерские чиновники использовали в бюрократической переписке именно этот термин.

Во второй половине 1830-х годов ЖМНП стал органом довольно четко сформулированного государственного дискурса не только «русского университета», но и национальной науки. Множество «наук», о которых говорили люди Александровской эпохи², было сведено в единое понятие «наука», а дисциплинарное деление передавалось терминами «кафедра» и «специальность». В этом смысле появлению концепта «русская наука» мы обязаны целенаправленным усилиям министерства Уварова и его журнала.

Этот концепт удовлетворял не только идеологическим амбициям власти, но и было направлено на нормализацию исследовательской работы в империи. Публикации в ЖМНП статей авторов с одной научной специализацией сделали возможным сопоставление их текстов, что постепенно привело к выработке общих критериев оценки научной продукции, то есть стало основой для формирования в пространстве империи единых академических стандартов.

III Отделение являлось тайной полицией, задачи которой состояли не в выявлении достоинств, а наоборот – в предупреждении и пресечении правонарушений, в том числе допущенных по вине долж-

¹ Орлова Н.Е. Российский «Журнал Министерства народного просвещения» в 30 - 60-х годах XIX в: интерес к проблемам становления государственной системы начального образования в Англии // Российские и славянские исследования: сб. науч. ст. Вып. 1. Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 2004. С. 100–104.

² Поповский Н.Н. Речь, говоренная в начатии Философических лекций при Московском университете Гимназии ректором Николаем Поповским, 1755 года // Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного с краткими их жизнеописаниями. [в 4 ч.]. Ч. I. М.: Университетская типография, 1819. С. 9-17; Страхов П.И. Слово о влиянии наук в общее и каждого человека благоденствие, говоренное июня 30 дня 1788 года // Там же. С. 213-282.

ностных лиц других ведомств, а потому орган, который поставлен для охраны интересов государства, воспринимался другими ведомствами отнюдь не с симпатией, а в лучшем случае с настороженностью. Случалось, что нередко интересы III Отделения не совпадали с интересами других ведомств, даже вступали в конфронтацию, в частности, с интересами Министерства народного просвещения и лично С.С. Уваровым. Уварова задевало, что глава III Отделения Бенкендорф занимается не свойственной его ведомству задачей: покровительствует ряду издателям, журналистам и авторам. Действительно, Бенкендорф оказывал содействие журналам «ура – патриотического» содержания и их издателям. Например, Н.А. Полевому. 30 апреля 1832 году, стремясь поощрить Полевого, глава III Отделения обратился с отношением к министру народного просвещения К.А. Ливену с просьбой дать оценку и изыскать возможности преподнести императору Николаю I книгу Н.А. Полевого «Новый Живописец»¹.

Н.А. Полевой – разночинец, уроженец Иркутска, русский писатель, драматург, литературный и театральный критик, публиковавшийся под псевдонимом «Иван Балакирев», журналист, историк – автор «Истории Петра Великого» (1843), издавал популярный энциклопедический журнал «Московский телеграф» (1825-1834), в котором публиковались яркие представители романтического направления русской литературы, в частности: П.А. Вяземский, Е.А. Баратынский, А.С. Пушкин. Журнал имел огромное для того времени число подписчиков – накануне его закрытия оно составляло пять тысяч².

«Новый живописец общества и литературы» являлся ничем иным как сатирическим приложением к «Московскому телеграфу» – изданию Полевого, которое стало выходить с июля 1829 года. В центре этого издания – социальная сатира на мировоззрение, уклад жизни аристократов. По мнению В.Г. Белинского, «Новый живописец» – «лучшее произведение всей литературной деятельности», выполненное без таких привычных для сатиры средств литературной вырази-

¹ РГИА. Ф.735. Оп.1. Д. 418. 1832. Л.1.

² Цит.: Сухомлинов М.И. Исследования и статьи. Т.2. С. 368. О нем см. также: Его же. Н.А. Полевой и его журнал «Московский телеграф» // Исторический вестник. 1886. Т. 23. № 3. С. 503-528; Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. М.: Изд-во МГУ, 1981.

тельности, как преувеличение и гипербола, что, очевидно, импонировало литературному вкусу Бенкендорфа¹. Кроме того, Полевой, наряду с Н.В. Кукольниковым был автором многочисленных пьес для театральных постановок, а театры курировал Бенкендорф. Ввиду деликатности ситуации или по причине собственной некомпетентности министр народного просвещения Ливен передал «Новый живописец» для вынесения оценки своему заместителю – товарищу министра С.С. Уварову.

Уваров не потратил много времени для подготовки заключения, он в лаконичной форме отметил, что книга «составлена преимущественно из старых, давно напечатанных статей, помещаемых в журнале «Московский телеграф». [...] полагаю, что оно никакой пользы ни языку, ни словесности принести не может. [...] сию книгу нельзя почитать за сочинение новое, а более за спекуляцию книгопродавца»². Более того, Уваров выразил свое мнение относительно того, какие труды могут быть удостоены чести быть представленными императору: «Представление книги Его Императорскому Величеству должно уважено быть наравне с высшею наградою для каждого писателя, а посему должно служить поводом или важность предмета, или особенное достоинство сочинения, или имя сочинителя»³.

Ливен посчитал доводы Уварова обоснованными и, несмотря на то, что рекомендация Бенкендорфа была достойна уважения, он аргументированно отказал его просьбе: «по принятому в Министерстве народного просвещения правилу, никакая книга не может быть прежде поднесена Его Величеству, как по предварительному рассмотрению по одобрении лицом, вполне могущим судить о достоинстве оной»⁴.

Другой пример. 29 января 1830 года А.Х. Бенкендорф в своем отношении министру народного просвещения князю К.А. Ливену, о том, что им была обнаружена в первом номере журнала «Славянин» неблагонамеренная с его точки зрения басня «Цензор». «Вследствие сего не благоугодно ли будет Вашей Светлости приказать потребо-

¹ Березина В.Г. Русская журналистика первой четверти XIX века. Ленинград: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1965. С.34-35.

² РГИА. Ф.735. Оп.1. Д. 418. 1832. Л.3.

³ Там же. Л. 3-3 об.

⁴ Там же. Л.4.

вать объяснений: от цензора, почему он сию пиесу позволил? И от издателя, кто именно его просил сии стихи напечатать?»¹.

К.А. Ливен, взяв объяснения с цензора, петербургского попечителя, цензора, издателя, занял оборонительную позицию: «Получив отношение [...], я тотчас потребовал себе первый номер журнала «Славянин» и, прочитав помещенную в оном басню Цензор [...], не нашел в ней неблагонамеренного смысла, по которому бы можно было воспретить ее напечатать; равно не вижу никакого основания предполагать, чтобы в ней заключалась на чье-нибудь лицо критика; при том же по существующим цензурным постановлениям, запрещающим произвольные в дурную сторону толкования, цензор и не имел бы права не пропустить ее [...]»².

Тем не менее, отношения между А.Х. Бенкендорфом и К.А. Ливеном не набрали той остроты и напряжения, которые сложились между первым и С.С. Уваровым – тогда еще попечителем Санкт-Петербургского учебного округа и товарищем министра народного просвещения. Объяснение отчасти кроется в личных характеристиках этих людей: К.А. Ливен был человеком мягким, не амбициозным, в отличие от первых двух. Кроме того, объективность требует признать, что деятельность III Отделения в первые годы еще не была поставлена на тот уровень, который ослабил его как орган репрессий.

Противостояние Министерства народного просвещения и III Отделения не было абсолютным. Нередко они выступали единым фронтом, как, например, в истории с опубликованным в сентябре 1836 года одного из восьми «Философических писем» П.Я. Чаадаева в журнале «Телескоп». В ряде случаев их роль в судьбах писателей, издателей определялась не регламентами, а волей императора. В частности, личными цензорами А.С. Пушкина был император Николай I и глава III Отделения А.Х. Бенкендорф, а не министр народного просвещения, который возглавлял общегражданскую цензуру.

Историографический дискурс по этим сюжетам складывался на преимущественной отрицательной оценке действий власти и тайной

¹ РГИА. Ф.735. Оп.1. Д. 355.1830. 9 л.

² РГИА. Ф.735. Оп.1. Д. 355.1830. Л. 6-6 об.

полиции¹. Изъятие тиража номера 15 за 1836 год журнала «Телескоп» Н.И.Надеждина, где было напечатано второе философическое письмо Чаадаева, его наказание принудительным сумасшествием рассматривалось как откровенное преследование свободы мнения и акт средневековой расправы². И, тем не менее, факты, которые обнаруживали и обнаруживают исследователи в делопроизводственных документах, помогают дать объективную оценку событиям того времени.

М.О. Гершензон сделал важное наблюдение, что письма П.Я.Чаадаева, адресованные «Госпоже» Е.Д. Пановой, точнее – одно из восьми опубликованных писем – «было не литературным произведением в эпистолярной форме, как обыкновенно думают, а действительно и в самом точном смысле слова письмом [...] . Кто примет его не за то, что оно есть на самом деле, т.е. не за частное письмо на специальную тему, а за публичное [...] изложение цельной доктрины, тот неизбежно, во-первых, многого в нем не поймет, во-вторых, остальное поймет превратно [...] »³. Тем не менее, с момента обнародования второго письма в конце сентября 1836 года ему был придан характер публичного обращения с философической и не вполне патриотической программой, в связи с чем возник отрицательный общественный резонанс вокруг письма и то значение, которое было придано ему лично министром народного просвещения С.С.Уваровым. В исследовании М.К. Лемке есть подробности об истории писем. Написаны они были в 1829 году, попытки опубликовать отдельные письма имели место в 1831 году через посредничество А.С. Пушкина, в 1832 самим Чаадаевым, то есть публикация писем была не случайным, а сознательным намерением автора⁴.

Магия публикации состоит в том, что она сопровождалась превращением личного письма в публичное заявление, если не политических взглядов, то гражданской позиции. Она могла иметь далеко

¹ Родоначальником тенденциозного представления о деятельности III Отделения в области цензуры считается М.К. Лемке. См.: Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826 - 1855 гг.: По подлинным делам Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб.: Издание второе С.В. Бунина, 1909.

² Лемке М.К. Указ. соч. С. 414.

³ Гершензон М.О. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб.: Тип-фия М.М.Стасюлевича, 1908. С. 66, 68.

⁴ Лемке М.К. Указ. соч. С. 402.

идущие последствия, как и в деле А.Н. Радищева, послужить причиной возбуждения уголовного дела в отношении автора. Напомним, что при Екатерине II за социальную критику Радищев был лишен всех политических и социальных прав как дворянин и сослан в Сибирь. Николай I пытался отойти от практики уголовного преследования: объявление Чаадаева сумасшедшим рассматривалось и властью, и обществом как гуманный акт, который помог сохранить Чаадаеву статус, социальные связи, наконец, жизнь и здоровье, надежду на полную социальную реабилитацию. Через год принудительного домашнего заточения и наблюдения доктора было объявлено о выздоровлении, но был сохранен запрет публиковать его рукописи.

Другой пример устойчивой негативной оценки в историографии: об успехе литературной деятельности А.С. Пушкина не в связи, а вопреки действиям императора Николая I и главы III Отделения А.Х. Бенкендорфа¹. Ущемлением творческой свободы поэта, дополнительным фильтром экспертизы рассматривалась личная цензура императора. Аргументация не причинного, а преимущественно следственного характера, не охватывающая анализа всех фактов, которые сопровождали жизнь и творчество Пушкина, привела к появлению однобокой оценки его взаимоотношений с официальной властью и ее представителями².

Во-первых, возможность обращения лично к Николаю I и А.Х.Бенкендорфу с просьбой прочесть рукопись, стать экспертом, рассматривалась писателями как преимущество. М.И. Сухомлинов цитировал слова Бенкендорфа в письме к Пушкину от 30 сентября 1826 года, но только в отрицательном контексте, усматривая в этом не преимущество, а дополнительные сложности: «Сочинений ваших никто рассматривать не будет; на них нет никакой цензуры. Государь

¹ Там же. С. 467.

² В исследовании М.И. Сухомлинова в главе «Император Николай Павлович – критик и цензор сочинений Пушкина» последовательно отстаивается такая точка зрения. См.: Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб.: Тип-фия А.С. Суворина, 1889. Т. 2. С. 207-246; Алтунян А. Пушкин доносов не писал // Ex libris НГ. 1999. 18 февраля.

император сам будет первым ценителем произведений ваших и цензором»¹.

Разрешение императора и главы тайной полиции служило сигналом цензурным комитетам одобрить текст без правок, например, как это случилось при допуске к публикации архивных документов «Истории Пугачевского бунта»², изданной в 1834 году³. Только узкий круг писателей имел подобную привилегию, и она не была регламентирована уставами о цензуре: ни прежним, ни действующим. Тем не менее, покровительственное отношение власти не было гарантом от критических отзывов. Пушкин после публикации «Истории» жаловался на то, что ее «бранят», особенно С.С. Уваров, указывая на ее возмутительный характер⁴.

Во-вторых, покровительственное отношение Николая I было источником всевозможных благодеяний от чинов и должностей, кредитов до получения денежных средств, которых не чурался не только великий поэт, но и другие авторы⁵.

По мнению А.И. Рейтблат, в 1820 – 1830-х годах большинство литераторов не считали зазорным служить в III Отделении. Неофициальные идеологические течения были слабыми. «Все в конечном счете “замыкалось” на государство и царя, и многие литераторы, стремившиеся способствовать процветанию российского общества, вынуждены были в той или иной форме сотрудничать с III Отделением»⁶.

С момента учреждения III Отделения вся опубликованная продукция, одобренная общегражданской цензурой, находилась не только под контролем «ока государева», но и главы III Отделения, его агентов и осведомителей. Ответственность главы Министерства народного просвещения за пропуск «вредных», «неблагонадежных» публикаций и мест в них возросла. Особенно отчетливо это видно в

¹ Цит.: Сухомлинов М.И. Указ.соч. С. 207.

² Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина. Серия «Пушкин в XXI веке»: [в 3 т.]. Т. 2, кн. 2. 1833-1834 / сост. Г.И. Долдобанов, И.С. Сидоров. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 308-309, 409, 416.

³ Петрунина Н.Н. Вокруг «Истории Пугачёва» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. ИР ЛИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1969. Т. 6. С. 229-251.

⁴ Петрунина Н.Н. Указ. соч. С. 250.

⁵ Рейтблат А.И. Русские писатели и III Отделение. С.186.

⁶ Рейтблат А.И. Русские писатели и III Отделение. С.186.

действиях С.С. Уварова. Как министр и глава Главного цензурного комитета, он старался по мере сил своих и наличия свободного времени охватить своим вниманием те произведения, которые были допущены к печати подчиненными ему цензурными комитетами и отмечены вниманием читающей публики. Так, в мае 1844 года в поле его внимания попала книга под названием «Проделки на Кавказе», опубликованная неизвестным автором под псевдонимом Хамер-Дабанова. Никита Иванович Крылов - цензор, который разрешил опубликовать рукопись, личность не столь известная. По происхождению - разночинец, первоначальное и среднее образование получил духовное, в 1829 году был замечен М.М. Сперанским и определен в группу студентов для практических занятий по юриспруденции во II-е Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, с 1831-1834 годы изучал право в Берлинском университете, по возвращении защитил степень доктора права в Санкт-Петербургском университете, а с 1835 года – преподаватель кафедры римского права Московского университета, с 1837 года – ординарный профессор, декан юридического факультета (1839-1847), цензор (1839-1844)¹.

Версия об обстоятельствах публикации «Проделок на Кавказе», изложена М.К. Лемке. Если верить историку, она была осуществлена на основе изучения делопроизводственных документов III Отделения². Согласно реконструкции Лемке, факт незаконной публикации был обнаружен Л.В. Дубельтом – на тот момент начальником штаба Корпуса жандармов, управляющим III Отделением и особо доверенным лицом А.Х. Бенкендорфа³. Лемке утверждал, что именно Дубельт сообщил Уварову о факте незаконной публикации, немедленном ее изъятии, необходимости высылки под присмотром Н.И. Крылова в Санкт - Петербург.

В Центральном государственном архиве г. Москвы в фонде Московского цензурного комитета был обнаружен интересный делопро-

¹ Императорский Московский университет, 1755-1917: энциклопедический словарь / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, ист. фак.; сост. А.Ю. Андреев, Д.А.Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 364-365.

² Лемке М.К. Указ соч. С. 155-156.

³ Колпакиди А.И., Север А. Спецслужбы Российской империи. Уникальная энциклопедия. М.: Яуза Эксмо, 2010. С. 123 - 126.

изводственный документ: «Об истребовании от Цензора Крылова объяснения относительно пропуска книги: проделки на Кавказе, об отправлении г[осподина]. Крылова в С[анкт].- Петербург и об увольнении его от должности Цензора», который значительно расширил представление об обстоятельствах злополучной публикации.

29 мая 1844 года министр народного просвещения С.С.Уваров отнесся к попечителю Московского учебного округа графу С.Г. Строгонову о факте пропуска цензором Н.И. Крыловым книги «Прodelки на Кавказе», которое «[...]наполнено изображениями, представляющими в самом невыгодном свете действия начальственных лиц на Кавказе и заключает в себе подробности частной и служебной жизни, которые не должны быть передаваемы читающей публике»¹. Отношение Уварова пестрело подробным указанием крамольных страниц и мест. Обеспокоенность Уварова легко было понять, поскольку все рукописи, в которых так или иначе освещалось управление Кавказом, проходили цензуру III Отделения и лично А.Х. Бенкендорфа.

Изучив произведение самым обстоятельным образом, найдя немало нарушений со стороны цензора положений устава 1828 года (§ 3, 10 и 14), Уваров распорядился изъять из книжных лавок все экземпляры произведения, потребовал от попечителя взять объяснения с провинившегося цензора².

Объяснения Крылова пролили свет на ряд обстоятельств, которые предшествовали публикации. Выяснилось, что рукопись поступила на рассмотрение в Московский цензурный комитет двумя годами ранее – 3 апреля 1842 года, 30 июня того же года она получила одобрение к публикации. Но опубликована была не в Москве, а в Санкт-Петербурге и только через два года – в 1844 году, и хотя это не являлось грубым нарушением устава о цензуре, сам факт вызвал немало вопросов.

Согласно полученным от цензора объяснениям, он осознавал всю степень ответственности за пропуск сюжета о Кавказе к публикации и «[...] и немедленно [...] представил целому Комитету свои сомнения

¹ ЦГАМ. Ф.459. Оп.2. Д.654. 1844. Л.1.

² ЦГАМ. Ф.459. Оп.2. Д.654. 1844. Л. 1 об.

[...]»¹. Цензора также смутил тот факт, что автор пожелал остаться инкогнито, скрыв свое имя под псевдонимом, «чтобы избежать известности и не принимать на свой счет журн[альной] критики»². Крылов связался с доверенным лицом автора - московским мещанином Ефимом Мякишиным, который передал объяснения автора цензору. Копию с копии письма Крылов приложил к своему объяснению³.

Сочинителем оказалась «генерал-майорша Катерина Петровна Лачинова, урожденная Калашникова». По мнению цензора, злого умысла у автора не было: «Нет никакого пасквиля, никакого намека на лица того происшествия, а одни кавказские фантазии»⁴. Лачинова уверила Крылова, что несмотря на то, что является супругой генерала, не относится к разряду военных, «[...] которых сочинения о Кавказе должны рассматриваться графом Бенкендорфом. [...] Впрочем, если неизбежно Графу Бенкендорфу видеть ее [рукопись], пускай посылают с тем, чтобы ее возвратили к Вам, а Вы, при отсылке ее, если случится, так уведомяте меня, дабы я могла к нему написать письмо, я с ним довольно хорошо знакома»⁵. Крылов, очевидно, не был в курсе того, что Бенкендорф был тяжело болен и в апреле 1844 года выехал за границу лечиться на воды, его обязанности во время болезни и лечения выполнял генерал-адъютант граф А.Ф. Орлов.

Цензор Крылов осторожничал, читая рукопись и принимая решение о ее допуске: «[...]не довольствуясь таким удостоверением сочинительницы, я, из предосторожности, продолжил еще далее свои расспросы, или, по ее выражению, ценсурные придирки, и остановился в пропуске книги. Наконец, поверенный ее, мещанин Мякишев, представляет в Комитет новое письмо Г[оспожи] Лачиновой, которое здесь в копии прилагается. Принявши все меры предосторожности, и удостоверенный в отсутствии скрытых мыслей, я, по смыслу § 6 Ценсурн[ого] Устава, должен был обратить внимание на видимую цель сочинения, не позволяя себе произвольного толкования оною в дурную сторону. 1842, июня 30 рукопись, за исключением некоторых

¹ ЦГАМ. Ф.459. Оп.2. Д.654. 1844. Л. 3.

² Там же. Л.3.

³ Там же. Л. 6-6 об.

⁴ Там же. Л. 3 - 3 об.

⁵ ЦГАМ. Ф.459. Оп.2. Д.654. 1844. Л. 6-6 об.

мест, мною одобрена, и Августа 20 выдана поверенному. От 20 Августа 1842 до Апреля 17 1844-го года я не имел никаких известий о судьбе рукописи»¹.

Лачинова напомнила Крылову о себе позже – 17 апреля 1844 года, когда была проездом в Москве и пожелала увидеться с цензором, чтобы уверить его в том, что «ей было бы слишком тяжело и мучительно для совести подвергнуть меня какой-либо неприятности по поводу отпечатанной уже в С[анкт]-Петербурге ея книги, и поэтому предложила мне свое ходатайство пред Правительством. [...] я с достоинством присяжного чиновника отвергнул стороннее ходатайство, указавши на свое непосредственное начальство, которое, во всяком случае, уважит основания моих действий и не преминет оказать нужную защиту»².

Крылов, оправдываясь за принятое им решение, аргументировал тем, что «ценсура не должна препятствовать печатанию сочинений, в коих под общими чертами осмеиваются пороки и слабости [...]. Все описанные и юмористические сочинения такого свойства, что общие, безличные и бестелесные черты совпадают всегда с частными лицами или действиями; здесь ни долголетняя ценсурная опытность, ни внутренний такт не могут достаточно и ясно разграничить сферу общего и частного – прикладного»³.

Кроме того, Крылов обратил внимание попечителя Строганова на тот факт, что между одобрением рукописи и ее опубликованием прошло около двух лет: от 30 июня 1842 года до 18 марта 1844 и «что прежде могло быть дозволено, то не может быть допущено в другое время, вследствие новых предписаний Начальства. Момент суждения действий Ценсора относится ко времени одобрения [...]»⁴. Это был не единственный момент, на который ссылался провинившийся цензор, пытаясь оправдаться. «По документальной справке дела, – продолжал он, – оказалось недоразумение: 1) книга напечатана в С[анкт]-Петербурге в Типографии К. Жернакова сходно с прилагае-

¹ ЦГАМ. Ф.459. Оп.2. Д.654. 1844. Л. 3 об.

² Там же. Л. 4.

³ ЦГАМ. Ф.459. Оп.2. Д.654. 1844. Л.4.

⁴ Там же. Л.4 об.

мыми корректированными листами. Я не могу понять смысла слов. Рукопись одобрена мною; печатание должно быть по рукописи, а не по корректирным листам, имеющим особую форму и требующим особого разрешения». И далее цензор перекладывал вину с себя на издателя Санкт-Петербургской типографии: « [...] не будучи сам в состоянии объяснить эти недоразумения, я осмеливаюсь просить Начальство об отобрании от К.Жернакова [...] показания: на каком основании он поступил вопреки §§ 41 и 42 Устава о Ценсуре?»¹.

Не всякий цензор выдерживал проводимую проверку. Крылов не был исключением. Он просил попечителя об исходатайствовании перед министром «бесспорчного увольнения от должности Цензора, как по неспособности моей выполнить ожидания Начальства, так и по трудности и важности других занятий, возложенных на меня Правительством»². Строганов попытался выгородить своего подчиненного: 12 июля того же года он характеризовал Крылова как честного и благонамеренного чиновника³, а в качестве объяснения допущенного цензором досадного упущения объяснял незнанием «[...] современного состояния Кавказского края, тамошнего общественного быта; нравов и обычаев, [...] изображение которых может быть легко скрыто под формою обыкновенных вымыслов и сатирических намеков, встречаемых почти во всех нынешних романах и комедиях[...]»⁴.

Скандал вокруг «Проделок на Кавказе» дошел и до императора Николая I. 9 июня 1844 года министр народного просвещения довел до сведения попечителя Московского учебного округа указание императора выслать Крылова под присмотром в Санкт-Петербург для допроса в III Отделение⁵. У провинившегося цензора нашлись заступники и благовидный предлог не выезжать на допрос в тайную полицию: через две недели последовало новое указание, согласно которому Крылов ввиду беременности супруги получил высочайшее дозволение не покидать семейство до «особого повеления»⁶. Неприят-

¹ ЦГАМ. Ф.459. Оп.2. Д.654. 1844. Л. 5.

² Там же.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 7 об.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 10.

ный разговор с А.Ф. Орловым откладывался, заступничество высокопоставленных лиц за Крылова и печальные события, связанные со смертью А.Х. Бенкендорфа 11 сентября по пути из Амстердама в Россию на корабле «Геркулес», заставили «забыть» о допущенных к публикации «Кавказских проделках».

Дело окончилось благоприятным исходом для Крылова, как он того и желал: он был освобожден от многотрудной цензорской обязанности. И, тем не менее, его объяснения, данные в связи с допуском рукописи к публикации, показали зазоры в законодательной регламентации цензуры:

- как определить подведомственность произведений, в которых имеется привязка к объекту специальной подведомственности (например, к Кавказу), но основанных на литературном вымысле, а не достоверных фактах;

- имеет ли решение цензора о допуске рукописи к публикации пресекательный срок действия, если цензурное законодательство, имевшее преимущественно императивный характер, постоянно пополнялось ограничениями и запретами;

- какова правовая природа оценочного критерия «дух произведения», которым Главное управление цензуры настоятельно требовало пользоваться цензорам при экспертизе: имело ли оно более высокую юридическую силу, чем устав о цензуре 1828 года, граничило ли со злоупотреблением правом.

Эти вопросы, сформулированные Крыловым – цензором, правоведом и юристом, были обращены во власть, они отражали проблемы правоприменения, наличие пробелов в цензурном законодательстве, слабость, негибкость императивных норм цензуры и отсутствие единообразной практики в общегражданской цензуре. Безусловно, другому цензору на месте Крылова не избежать наказания, но весьма удачное стечение обстоятельств субъективного и объективного характера благоволили Крылову.

Заявка на серьезную ревизию устава о цензуре 1828 года была объявлена в 1848-1855 годах. Революционные события в европейских монархических государствах привели и к ревизии цензурных узаконений в России. Л.К. Старкова в своей статье «“Цензурный террор”

1848-1855 гг.» на основании разнообразных источников (делопроизводственных, донесений иностранных посланников, личного происхождения, материалов прессы, в том числе зарубежной), довольно подробно воссоздала настроение публики в отношении революционных событий, реакции на это настроение сановников и лично императора Николая I.

Опасаясь проникновения революционных идей в Россию, император поддержал тех сановников, которые высказались за подготовку нового цензурного устава¹. Среди них были: глава III Отделения А.Ф. Орлов, бывший попечитель Московского учебного округа граф С.Г. Строганов, бывший морской министр князь А. С. Меншиков, придворный историограф М.А. Корф. Последний в своей записке к цесаревичу Александру Николаевичу писал, что следует «обратить внимание на журналистику, которая может произвести самые гибельные последствия, так как русские газеты читаются и всеми мелкими чиновниками, и в трактирах, и в лакейских, рассыпаясь, таким образом, между сотнями тысяч читателей». Корф требовал «пересмотра всех ныне издающихся журналов, и, если которые либо из них окажутся подозрительными в своём направлении, то немедленно их запретить». Вскоре такую задачу получили негласный комитет – «Временный для рассмотрения действий цензуры и соблюдения журналами их программы», или так называемый – «Меншиковский комитет», а также «Комитет для постоянного надзора за духом и направлением книгопечатания» или «Бутурлинский»².

По мнению ряда исследователей, в частности А.М. Скабичевского, Николай I решился на создание комитетов под влиянием записки князя П.А.Вяземского³. Сановника беспокоила мысль о том, что «непонятливая и ненадежная цензура способна поколебать безопасность целого государства». Истинный бюрократ, «надежнейшим» средством он видел учреждение «особенного высшего управления

¹ Старкова Л.К. «Цензурный террор» 1848-1855. Саратов: Изд-во Саратов. пед ин-та, 2000. 27с. URL:<http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/THEME/STOP/STARKOVA.HTM> (дата обращения: 01.11.2017).

² [Корф М.А.]. Записка статс-секретаря М. А. Корфа наследнику цесаревичу. Материалы по истории цензуры // Голос минувшего. 1913. №3. С. 220.

³ Скабичевский А.М. Указ. соч. С. 345.

цензуры, самостоятельного не подведомственного никакому министерству и непосредственно и прямо подчиненного самой верховной власти»¹. По верному замечанию Л.К.Старковой, князь Вяземский наметил контуры «чрезвычайного цензурного Комитета», идеи которой в свое время придерживался А.С.Шишков².

Глава «Временного для рассмотрения действий цензуры и соблюдения журналами их программы» А.С. Меншиков записал в дневнике: «Получил от графа Орлова сообщение, что мне быть председателем комитета о проступках цензуры в пропуске недозволенных статей в журналах, то есть род следствия над министром просвещения графом Уваровым; поручение весьма неприятное»³.

Фактически перед «Меншиковским комитетом» была поставлена контрольно-ревизионная задача. Членами комитета были назначены: М.А. Корф, директор Публичной библиотеки Д.П. Бутурлин, управляющий III Отделения Л.В. Дубельт и статс-секретарь П.И. Дегай⁴. Комитет все предложения передавал через III Отделение императору Николаю I, затем высочайшую волю сообщали министру просвещения для точного и немедленного исполнения. Результатом деятельности Комитета стало преследование «неблагонадежных» журналов, которым покровительствовал министр народного просвещения С.С. Уваров: «Отечественных записок» (редактор А.А. Краевский) и «Современник» (редактор А.В. Никитенко).

Идея создания надцензурного комитета нашла воплощение в создании «Комитета 2 апреля 1848 года» или «Бутурлинского комитета». Помимо председателя Д.П. Бутурлина, в Комитет вошли М.А. Корф и П.И. Дегай. Николай I поручил Комитету читать все произведения отечественной литературы и сообщать о замечаниях ему лично. Реформа-

¹ Ледодаев В.Ю. Князь Петр Андреевич Вяземский о цензуре и литературной политике правительства // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1997. № 5. С. 50-65; Исторические сведения о цензуре в России. СПб.: В Тип. Морского Мин., 1862. С. 53.

² Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. СПб., 1862. С. 135-148.

³ Цит. по: Шильдер Н.К. Император Николай I: его жизнь и царствование: [в 2 т.]. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903. Т. 2. С. 634-635.

⁴ Шильдер Н.К. Император Николай I: его жизнь и царствование. Т.2. С.636.

торами от цензуры предполагалось создать Главное цензурное управление, наделенное ревизионными полномочиями¹.

III Отделение продолжало инспирировать напечатание статей в проправительственном духе. Общегражданская цензура, по просьбе министра народного просвещения, заранее оповещалась об информационных сбросах, чтобы они не попали под запрещение². Члены «Бутурлинского комитета» распределили для изучения периодические издания. Дегай просматривал журналы министерств, в том числе и народного просвещения³.

За время работы «Бутурлинского комитета» – со 2 апреля 1848 года по 1 января 1856 года – было просмотрено 10214 книг, 5573 номера журналов, 56112 номеров газет, 9116 литографированных записок⁴.

Тем временем Министерство народного просвещения выступало с очередными предложениями в области цензуры. В мае 1848 года Николай I одобрил устав о цензуре, одна из идей которого состояла в окончательном «устранении из цензорства ученых», тем не менее, проект был оценен «Бутурлинским комитетом» как излишне притеснительный, а потому не был принят. Деятельный Уваров не мог смириться со своим двойственным положением, в 1849 году он подал императору проект цензурного устава, в котором предлагал отделить цензуру от Министерства народного просвещения и передать её либо в III Отделение, либо Комитету Бутурлина⁵.

По мнению А.М. Скабичевского, прологом к увольнению послужила публикация статьи «О назначении русских университетов», которая была опубликована по поручению и при содействии С.С. Уварова в 1849 году в мартовской книжке «Современника». Статья была опубликована без подписи, ее автором был профессор И.И. Да-

¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1888-1899; Т. 9: 1895. С. 286-288.

² Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. С. 274.

³ Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. Первая половина XIX века. М.: Мысль, 1981. С. 198.

⁴ Там же. С. 200.

⁵ Проект Цензурного устава, внесенного в Государственный совет гр. Уваровым в 1849 г. и неодобренный советом. СПб., 1849; Скабичевский А.М. Указ.соч. С.353.

выдов. Статья была написана в благонамеренном духе¹. Однако, несмотря на усиленные попытки Уварова вернуть свое влияние на императора, его предложения не находили интереса и поддержки, вскоре он подал в отставку. На его место был назначен князь П.А. Ширинский-Шихматов (1850-1853).

В министерстве Ширинского-Шихматова практика назначения цензоров из числа чиновников стала преобладающей. Исследователи отмечают, что если в начале действия устава о цензуре 1828 года среди цензоров люди не из числа университетской корпорации были редкостью, то на исходе первой половины XIX века цензоры из числа чиновников преобладали². И тем не менее, ни «Меншиковский комитет», ни «Бутурлинский комитет», ни новый министр народного просвещения П.А. Ширинский-Шихматов не решились на кардинальные изменения как структуры «управления словом», так и принципов ее осуществления.

Итак, практика реализации устава о цензуре 1828 года второй четверти XIX века показала новые незнакомые тенденции в развитии общегражданской цензуры.

Во-первых, ключевую роль в системе контроля над словом стало играть III Отделение. Выполняя функцию тайной полиции и политического сыска, III Отделение занималось выявлением публикаций, имеющих «тлетворное влияние». Работа компетентных сотрудников III Отделения и образованных агентов – осведомителей, была деятельностью иного порядка, чем деятельность тех же управ благочиния в России XVIII века. Это была интеллектуальная работа, определяемая законом и пониманием, что может быть вредно для общественного мнения, а что нет.

Во-вторых, устав 1828 года стал восприниматься как общее наставление цензорам. В складывании критериев оценки рукописей и переводов большую роль стали играть мнения авторитетных государственных деятелей, должностных лиц и представителей общественности, как на уровне сформулированных концепций («теория официаль-

¹ Скабичевский А.М. Указ.соч. С.351.

² Данилов В.В. Аксаков, Глинка и Измайлов в Московском цензурном комитете // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. 1928. Т. 1. С. 519-521.

ной народности» С.С. Уварова), так и отдельных мнений (записок, объяснений, доносов), а также личная оценка эксперта о «духе» произведения, его характере.

В-третьих, в России стало складываться общее коммуникативное поле изданий. По сути, допуская или запрещая тот или иной продукт авторского права к печати цензурные комитеты, Министерство народного просвещения, III Отделение, другие ведомства формировали направление для совокупного российского контекста. В его подконтрольном состоянии были заинтересованы все структуры, приобщенные к цензуре. Сложнее всего обстояло с осуществлением контроля. Широкое использование получили такие средства как система поддержки проправительственных изданий, лояльных издателей, журналистов и авторов и открытие официальных изданий, в частности ЖМНП.

В-четвертых, поскольку наиболее обширной была подведомственность общегражданской цензуры, она перемежалась с подведомственностью других министерств и ведомств, это способствовало возникновению конфликтных ситуаций при реализации положений устава о цензуре 1828 года. Поскольку мера ответственности каждого ведомства в системе «управления словом» была определена цензурным законодательством весьма четко, найти виновных в пропуске злонамеренных публикаций не составляло труда. Целенаправленно занималось этим III Отделение. Корпоративный интерес ведомств вступал в конфликт с предназначением III Отделения выявлять правонарушения, что не способствовало сплочению интересов всех ведомств, в том числе и на цензурном поприще. Такая вертикаль отношений, нарушающая принципы цензурной подведомственности, иерархии и этики, обостряла отношения между III Отделением и Министерством народного просвещения и лично между их главами, умаляла авторитет власти в глазах авторов и цензоров, внушая страх и недоверие.

Часть 7.

Наука и цензура : экспертиза диссертаций в середине XIX века

Рутинная поисковая работа в архивах преподносит порой неожиданные и интересные находки¹. Близкий друг, коллега, соавтор по монографии «Русские профессора»², ряду статей³ – Кира Андреевна Ильина и я, занимаясь в центральных архивах и государственных региональных архивах, работая каждая над предметом своего исследования (Ильина – научной аттестацией университетариев, я – деятельно-

¹ В качестве иллюстрации к седьмой части монографии использовалась работа: Диспут Н.И. Костомарова с М.П. Погодиным в Петербургском университете 19 марта 1860 года. Карикатура. «Искра». 1860. № 52.
URL: http://www.azlib.ru/l/lemke_m_k/text_0020oldorfo.shtml (дата обращения: 01.11.2017).

² Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 656 с.

³ Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Журналы о себе и для себя: университетские издания первой половины века // Сословие русских профессоров. С. 135-168.

стью цензурных комитетов) обнаружили ряд интересных документов, которые демонстрировали, каким образом проходила цензура текстов на соискание научных степеней в университетах России первой половины XIX века.

Неопубликованные, малоизвестные документы послужили основой для научного открытия, что островок академической свободы в императорских университетах России первой половины XIX века, имевший место в отношении научных трудов университетариев, в том числе выдвинутых на соискание научной степени, имел иллюзорные границы от вторжения цензуры попечителей учебных округов, Министерства народного просвещения и лично императора. Найденные документы подвигли нас написать совместную статью «Университет vs Министерство народного просвещения: академическая экспертиза и цензура диссертаций в середине XIX века», материалы которой, с разрешения Киры, с некоторыми изменениями и дополнениями я привожу в своей монографии, с искренней благодарностью и самыми наилучшими воспоминаниями о совместной работе¹.

Во второй половине 1840 – начале 1850-х годов правила издания, экспертизы и цензуры научных трудов профессоров, адъюнктов и студентов были регламентированы Уставом о цензуре от 22 апреля 1828 года, Общим университетским уставом 1835 года², а также Положением о присуждении ученых степеней от 6 апреля 1844 года³.

Параграф 1 Устава о цензуре 1828 года устанавливал главную «обязанность» цензуры – «рассмотрение произведений словесности, наук и искусств, назначаемых к изданию в свет внутри государства [...]». Цензура должна была отличать «благонамеренные суждения и умозрения, основанные на познании Бога, человека и природы, от дерзких и буйственных мудрований, равно противных истинной Вере и истинному любомудрию» (§8). «Акты, речи, рассуждения, программы, отчеты и другие сочинения, издающиеся от имени Академии и Университетов, а не от лица кого-либо из их членов, печатаются

¹ Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Университет vs Министерство народного просвещения: академическая экспертиза и цензура диссертаций в середине XIX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. №4. С.15-24.

² ПСЗ РИ. Собрание 2. СПб., 1830-1884. Т. 10. Отд.1. №8337.

³ ПСЗ РИ. Собрание 2. СПб., 1830-1884. Т. 19. № 17806.

под надзором и ответственностью оных» были исключены из компетенции цензурных комитетов (п.5 §23). Тем самым верховная власть признавала академическую привилегию университетов – право обнародования результатов интеллектуальной деятельности. Привилегия давалась под условие ответственности университета за пропуск «неблагонамеренных суждений». Ученое сословие могло принять решение о публикации сочинения, если его содержание соответствовало установленным требованиям и если это соответствие было установлено в ходе обсуждения на совете факультета или совета университета или в порядке рецензирования. Ко всему прочему члены академической корпорации, как и другие свободные лица, имели право публиковать научные произведения не от имени университета, а частным порядком, минуя обсуждение совета факультета или университета. В этом случае рукопись (или повторно издаваемая книга) подлежала рассмотрению общегражданской цензурой в строго установленном процессуальном порядке (раздел IV «О порядке производства для внутренней цензуры», §34-54). Подлежащий цензурированию труд передавался конкретному цензору. Устав устанавливал определенные сроки для рассмотрения сочинений и статей для периодической печати, ответственность цензора за пропуск или, напротив, необоснованный отказ к печати. Мнение цензора заслушивалось на заседании цензурного комитета. В случае сомнений цензора решение о судьбе рукописи выносилось цензурным комитетом коллегиально либо передавалось на рассмотрение попечителю учебного округа или министру народного просвещения, возглавлявшего Главное управление цензуры (§44). Директор типографии мог приступить к набору тиража, как только ему был передан экземпляр рукописи (книги) с отметкой об одобрении цензором на обороте титульного листа (§41). Типография обязывалась напечатать сверх тиража два экземпляра сочинения, один из которых передавался цензору на сличение с корректурой. Билет на разрешение выпуска тиража в продажу выписывался цензором директору типографии и прикреплялся к одному из двух экземпляров, переданных в цензурный комитет, только после того, как цензор окончательно убеждался, что отпечатанный тираж соответствует откорректированному варианту рукописи (книги) (§42).

Уставу 1828 года не удалось уйти от практики назначения в цензоры представителей ученого сословия, регламентированной уставом о цензуре 1804 года. По представлению попечителя министром народного просвещения в цензоры назначались ординарные и экстраординарные профессора, адъюнкты университетов (§27). Вместе с тем в цензурные комитеты назначались так называемые отдельные цензоры из числа наиболее авторитетных директоров учебных заведений округа, а также так называемые сторонние цензоры – «не имеющие никакой другой должности» (§28). Таким образом, представители ученого сословия были задействованы в цензуре и могли отстаивать как корпоративные, так и научные интересы в цензурном комитете. Цензор из числа директоров мог давать оценку учебным пособиям и литературе для подрастающего поколения. «Сторонние цензоры» – должности, которые были учреждены только в Санкт-Петербургском и Московском цензурном комитетах, для отставных чиновников. Министр народного просвещения А.С. Шишков в ответ на представление попечителя Московского учебного округа А.А. Писарева сообщал: «Мне желательно, чтобы в сие звание поступали люди, приобретшие некоторое право на уважение не только литературными трудами, но и прежнею своею службою. При сих обстоятельствах я полагаю не определять в цензоры ни кого из чиновников ниже 9 класса [то есть не ниже чина титулярного советника по гражданской службе – Р.Х.Г.]»¹.

19 июля 1850 года был принят новый штат цензурного управления². Цензор по-прежнему находился в штате Министерства народного просвещения. Он должен был обладать довольно высоким образовательным цензом, но прежняя связь университетской корпорации и состава цензурных комитетов была разорвана: совмещение должностей профессора и цензора было запрещено³. Ученое сословие, привлекаемое в качестве экспертов, устранялось от цензурной деятельности, уступив место образованным, толерантным от научных пристрастий чиновникам.

¹ ЦГАМ. Ф.459. Оп.1. Д.3379. 1826-1827. Л.15.

² ПСЗ РИ. Собрание 2. СПб., 1830-1884. Т. 25. Отд.1. №24342.

³ Гринченко Н. А. Профессор в цензурном ведомстве России в первой половине XIX века // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Т. 201. С. 14.

Привилегию университетов осуществлять экспертизу издаваемой научной продукции фиксировал и Общий университетский устав 1835 года. Он предписывал факультетам цензурировать научные сочинения и переводы, издаваемые профессорами и адъюнктами (п. 20). Уставом отдельно оговаривалось право университетов иметь «собственную цензуру для тезисов, рассуждений и иных ученого содержания сочинений, ими или их профессорами издаваемых. Цензура сия руководствуется правилами общего цензурного устава» (п. 120). На практике диссертации экспертировались на нескольких уровнях. Научные рассуждения соискателей ученых степеней в обязательном порядке читались всеми членами отделения (факультета), а затем обсуждались на специальном заседании. В случае одобрения диссертации, она рекомендовалась к публичной защите, и ее рукопись отправлялась в Совет университета. После рассмотрения текста на заседании совета на титульном листе работы появлялась рекомендация к публикации: «Печатать, по определению Императорского [...] университета» с указанием даты определения и имени секретаря университетского Совета. Эта формулировка давала одно очень важное преимущество: свободу от общегражданской цензуры, поскольку рукопись проходила типографский набор на основании официального разрешения полномочного органа самоуправления университета, билет (разрешение) цензурного комитета на реализацию тиража в данном случае не требовался. При издании рукописи эта резолюция печаталась на обороте титульного листа диссертации. Отпечатанный текст представлялся в Совет, который с разрешения главы учебного округа назначал дату диспута. После защиты диссертация отправлялась попечителю вместе с необходимыми для представления министру документами (протоколами заседаний факультета, на которых проводились экзамены на степень, и тезисами диссертации).

Тут следует заметить, что в течение первой половины XIX века изменился научный статус диссертации: она превратилась из заключительного этапа письменного экзамена в самостоятельное научное сочинение. Магистрант писал ее после успешно сданных экзаменов. Соискатель степени доктора наук должен был предоставить текст на «предварительный искус», то есть обсуждение декана и двух профес-

соров. Утверждение самооценности диссертации отразилось на ее внешнем виде. Если в начале столетия это были короткие рукописные тексты на синей бумаге размером в четвертушку¹, то уже к середине 1830-х диссертации представляли собой отпечатанные или, по крайней мере, начисто переписанные объемные трактаты².

При этом законодатель, подразумевая гипотетическую возможность публикации диссертаций, не нормировал этот процесс и не объявлял это непереносимым условием защиты. Положение о производстве в ученые степени от 20 января 1819 года и Положение об испытании на ученые степени от 28 апреля 1837 года предоставляли соискателю право написать и защитить диссертацию, ничего не говоря об ее издании³, а Положение о производстве в ученые степени от 6 апреля 1844 давало соискателю право решать, публиковать диссертацию или нет⁴. Вследствие этого издание диссертации после предварительного рассмотрения и одобрения ее советами факультета (отделения) и университета осуществлялось, за редким исключением, по желанию соискателей и за их счет. На публичные защиты соискатели представляли несколько экземпляров или начисто переписанных, или отпечатанных тезисов и диссертаций. В источниках есть упоминание о посылке диссертаций не только в министерство, но и о практике рассылки их, в случае успешного диспута и присуждения соискателю ученой степени, в «ученые заведения, с которыми университет находится во взаимных сношениях»⁵.

Архивные документы позволяют зафиксировать бурные дебаты в университетских Советах Москвы и Казани, касающиеся необходимости издания диссертационных сочинений. К 1840-м годам, по крайней мере, в Московском университете, появилась практика обязательного издания диссертаций. И для того, чтобы добиться исклю-

¹ Например, диссертация К.Ф. Фукса "Prodromus Florae Cisuralensis auctore C.Fuchs,M.D.». См.: НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.100. 1805. Л. 1 А-7.

² Подробнее см.: Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4. С. 84–107.

³ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т.36. №27646; ПСЗ РИ. Собрание 2. СПб., 1830-1884. Т.12. Отд.1. № 10188.

⁴ ПСЗ РИ. Собрание 2. СПб., 1830-1884. Т. 19. № 17806.

⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 394. 1842. Л. 1.

чения из этого правила, соискателю требовалось разрешение Совета университета. Так, в апреле 1841 года профессора второго отделения философского факультета Московского университета предложили освободить соискателя Иосифа Сомова, защищавшего магистерскую диссертацию об интегралах алгебраических иррациональных дифференциалов от издания. «Поелику же, – объясняли они свое решение отойти от общего правила, – печатание оного по примеру прежних лет вовлекло бы автора не только в продолжительный труд, необходимый для надзора за корректурой весьма многосложных формул, входящих в оное, но и в значительные издержки, вообще худо вознаграждаемые продажей подобных сочинений, имеющих цену для весьма тесного круга читателей, то отделение имеет честь ходатайствовать пред советом о дозволении кандидату Сомову защищать свое рассуждение в рукописи, по одним печатным положениям»¹.

Инициатива не была поддержана советом университета. Попечитель одобрил мнение тех членов совета, кто опасался, что такое решение породит прецедент, а между тем результаты исследований должны быть апробированы. «Публичное защищение диссертаций, – утверждал ректор Московского университета, – назначается преимущественно для посторонних посетителей, которые не могут судить о достоинстве их по одним тезисам, и делают свои возражения [...]. Если же допустить защищение диссертаций по одним тезисам, то, во-первых это не могло удовлетворить условиям диспута; во-вторых, скроет от общества все труды молодых людей, получивших ученые степени, и также может произвести сомнение о достоинстве таковых диссертаций в лицах, не имеющих возможности читать и оценить оные»². Магистру-математику дали позволение частями выплатить необходимые для издания диссертации средства.

В отличие от Москвы, в Казани тексты диссертаций не печатали. Местные профессора считали, что для минимизации расходов и практической пользы достаточно издать тезисы. Видимо, такая практика утвердилась в 1830-е годы, о чем свидетельствует представление профессоров первого отделения философского факультета от 22 янва-

¹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 10. Д. 69.1841. Л. 1.

² Там же. Л. 3 об.- 4.

ря 1842 года. Они предлагали «возобновить обычай печатать диссертации ищущих степени магистра или доктора для раздачи их посетителям при публичном защищении»¹. Казанские словесники утверждали: «Не обнародовать диссертаций значило бы показать страх суда публики и желания скрыть свои недостатки [...] Молодым ученым, которых работы были бы печатаемы, открылся бы способ вступать достойным образом под покровительство одобрительных мнений факультета в мир литературы и не страшиться воплей критики [...]»².

Профессора аргументировали цифрами, подсчитав средний листаж диссертации и стоимость публикации. «Нет сомнения, – сообщали они, – что большую ученость и много ума можно показать на шестнадцати письменных листах: посему объем этот примем за такой, который весьма достаточен для того, чтоб сочинитель, помогающийся ученой степени, мог показать требуемую сумму познаний [...]»³. Публикация диссертации такого объема в Казани, по подсчетам профессоров, должна была обойтись в сумму от 80 до 100 рублей.

Авторы обращения считали, что эта сумма вполне доступна соискателям⁴. Однако члены Совета университета не поддержали предложения коллег. В определении сказано, что издание полного текста требовать нельзя, но можно сообщать соискателям, что это весьма желательно для защиты⁵.

Несмотря на то, что предпочтением пользовалась типография университета, соискатели печатали диссертации и в других местах. Так, в Москве пользовались услугами типографии Н.С. Степанова⁶, в Санкт-Петербурге – А.Ф. Смирдина и Л.Ф. Снегирева⁷. Возможно, на выбор влиял объем сочинения или требуемая скорость печати.

¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 394. 1841. Л. 1.

² НА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 394. 1841. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Шевырев С.П. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов: Соч., писан. на степ. д-ра Филос. фак. 1 Отд-ния, адъюнктом Моск. ун-та Степаном Шевыревым. М.: Тип. Н. Степанова, 1836; Бодянский О.М. О народной поэзии славянских племен: Рассуждение на степ. магистра филос. фак. первого отд., канд. Моск. ун-та, Иосифа Бодянского. М.: Тип. Н. Степанова, 1837.

⁷ Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории: рассуждение, напис. на степ. д-ра философии Николаем Устряловым, С.-Петерб. ун-та по каф. рус. истории э.

Вновь назначенный после отставки С.С. Уварова министр народного просвещения П.А. Ширинский-Шихматов обратил свое внимание на университетские диссертации. 13 декабря 1850 года попечителям учебных округов было разослано его циркулярное предложение, в котором, в частности, говорилось: «По случаю высочайших замечаний на некоторые из печатных диссертаций, написанных для приобретения ученых степеней, прошу покорнейше сделать распоряжение, чтобы не только самые диссертации были благонамеренного содержания, но чтоб и извлеченные из них тезисы или предложения [...] имели, при таком же направлении, надлежащую полноту, определенность и ясность, не допускающие возможности понимать разным образом одно и то же предложение». И далее: «при рассмотрении диссертаций и при наблюдении за защитой не допускать в смысле одобрительном обсуждения начал, противных нашему государственному устройству»¹.

Следует отметить, что Ширинский-Шихматов был «долгожителем» Министерства народного просвещения, успешно строившим карьеру в нем с 1824 года. Тогда он был назначен директором министерской канцелярии, в 1833 году стал директором департамента, а в 1842 году – товарищем министра. После отставки С.С. Уварова в 1849 году Ширинский-Шихматов занял кресло министра. Долгая служба в министерстве позволяла ему делать отсылки и обобщать имевшие ме-

о. проф., Воен. акад. и Гл. пед. ин-та адъюнктом... СПб.: Тип. Л. Снегирева и К°, 1836; Никитенко А.В. О творящей силе в поэзии или о поэтическом гении / соч. экстраорд. проф. С.-Петерб. ун-та Александра Никитенко. СПб.: Тип. А. Смирдина, И. Глазунова и К°, 1836.

¹ Циркулярное предложение относительно диссертаций на ученые степени, 13 декабря 1850 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3. 1850–1864. СПб., 1867. № 38. Стб. 42–43.

Отметим, что это письмо министра имело достаточно сильный резонанс – оно отразилось даже во внутренних рецензиях на диссертации, написанных профессорами университетов. Так, например, казанский профессор филолог-классик Ф.А. Струве вместо простой фразы о допуске к диспуту в заключении своего отзыва на докторскую диссертацию Раймунда Шарбе писал, что рецензируемое сочинение «по объему, по правильности и чистоте слога, по ясности, точности и определенности изложения многообразных сведений, свидетельствует о непрерывном трудолюбии молодого ученого, и, по совершенной *благонамеренности направления* (курсив мой. – Р.Х.Г.), побуждает меня высказать справедливое мнение, что оно есть полезное приобретение для науки». См.: НА РГ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 703. 1821. Л. 2 об.-27.

сто случаи недовольства власти одобренными университетами к печати и защите диссертациями. Впрочем, говоря о «высочайших замечаниях» на изданные диссертации, министр имел в виду вполне конкретный пример, который встряхнул во второй половине 1840-х министерских чиновников и, видимо, заставил петербургских профессоров задуматься о передаче цензурных полномочий министерству. Речь идет об издании в 1846 году кандидатом Московского университета К.С. Аксаковым сначала статьи «Семисотлетие Москвы», а потом диссертации «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка».

Константин Сергеевич Аксаков – сын известного русского литератора С.Т. Аксакова, выпускник словесного отделения Московского университета. В 1840 году К.С. Аксаков, в соответствии с действующим в то время порядком присуждения степени магистра, успешно выдержал устные и письменные экзамены и стал готовить диссертацию на утвержденную отделением тему: «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка»¹. Написание самого текста диссертационного сочинения заняло пять лет. В это время ему становятся близки идеи славянофилов, он близко общался с А.С. Хомяковым, посещал салоны Васильчиковых, Елагиных, Сеньявиных, Свербеевых, Ховриных². В конце 1845 года К.С. Аксаков представил рукопись диссертации, состоявшей из трех частей и приложений, а также положений, выдвинутых на обсуждение профессоров. 12 декабря 1845 года Совет университета разрешил рукопись опубликовать³. Аксаков остановил свой выбор на популярной в университете типографии Николая Степанова. Учитывая большой объем диссертации (524 страницы), процесс ее набора и тиражирования мог занять 4-5 месяцев.

1846 год был ознаменован юбилеем Москвы. Представители общественности считали своим долгом поздравить древнюю столицу

¹ Протокол испытаний см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 1145. 1816-1858. Л. 172-173.

² Пирожкова Т.Ф. К.С. Аксаков и его диссертация о М.В. Ломоносове // Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 10.

³ Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка: рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения. М.: Тип-фия Николая Степанова, 1846.

и москвичей с круглой датой. В их числе оказался и К.С. Аксаков, известный своими смелыми заметками, которые предпочитал публиковать в московских газетах и журналах с 1842 года. К юбилею он подготовил статью «К семисотлетию Москвы». Она была опубликована 23 апреля 1846 года в газете «Московские ведомости», редактором которой был Е.Ф. Корш. Автор скрыл свое имя под псевдонимом «А.»¹. В статье автор сравнивал историческую роль двух столиц России – Москвы и Санкт-Петербурга, отдавая явное предпочтение в пользу первой. Текст Аксакова обратил на себя негативное внимание министра внутренних дел Л.А. Перовского, который не преминул обратиться за разъяснениями к министру народного просвещения и по совместительству председателю Главного управления цензуры С.С. Уварову. В то время опубликование статьи, содержащей критические суждения в адрес Санкт-Петербурга – официальной резиденции российских императоров, расценивалось как серьезное нарушение со стороны общегражданской цензуры. Поэтому издание этой статьи прокатилось волной выговоров по всей иерархии цензурного ведомства. С.С. Уваров с претензией требовал отчета у ответственного за общегражданскую цензуру попечителя Московского учебного округа графа С.Г. Строганова и его помощника Д.П. Голохвастова. Те, в свою очередь, выразили недовольство работой рядовых членов Московского цензурного комитета и конкретно цензором, пропустившим номер «Московских ведомостей» к печати. После шума, произведенного статьей Аксакова, Строганов распорядился, чтобы Московский цензурный комитет не пропускал ни одной статьи этого автора без его собственной санкции или разрешения его помощника.

Тем временем, диссертация Аксакова была напечатана и представлена в Совет университета. Встал вопрос о распространении диссертации и назначении даты диспута. В то же время профессора словесного отделения Московского университета не могли не знать о развивающемся в это время скандале вокруг статьи Аксакова и контроле попечителя за всеми его текстами.

¹ А.-[Аксаков К.С.]. К семисотлетию Москвы // Московские ведомости. 1846. 23 апреля (№49).

Ситуация развивалась стремительно. Аксаков озаботился распространением одобренного университетом тиража его диссертации, и 2 января 1847 года «Московские ведомости» поместили объявление о продаже диссертации Аксакова в магазинах Ольхина и Базунова¹. В то же время профессора Совета отправили экземпляр выходящей на защиту диссертации попечителю Строганову. То есть избежать «всевидающего ока» главного цензора Москвы Аксакову не удалось. Строганов, прочитав свежий оттиск, был взбешен. 3 января 1847 года, рассерженный также и объявлениями о продаже диссертации Аксакова, он поспешил дать указание Московскому цензурному комитету: «не допускать разбора диссертации Аксакова под заглавием “Ломоносов в истории русской литературы и русского языка” ни в одном из современных изданий [...] в коей найдены многие мысли и выражения, неприличные сочинению назначенного для публичного диспута»². 7 января 1847 года он составил секретное донесение на имя С.С.Уварова, в котором указывал на содержащиеся в диссертации несправедливые суждения о реформах Петра I. В частности он писал: «Может быть ученое содержание книги и допускает такого рода суждения о действиях Великого Преобразователя, суждения, выраженные в форме не для всякого доступной, но тем не менее я признал их со своей стороны вовсе не уместными и непозволительными в диссертации, назначенной для публичного диспута, почему и предписал ректору Московского университета, приостановив продажу оной, подвергнуть ее новой цензуре декана 1-го Отделения философского факультета и выпустить при этом весь отдел заключающейся от 44 до 60 страницы, а также предложил и здешнему цензурному комитету чтобы ни в одной из выходящих в Москве повременных изданий не допускать никаких разборов помянутого сочинения»³.

Также, пользуясь властью, данной ему как главе цензурного ведомства в Московском учебном округе, Строганов приостановил продажу тиража.

¹ Пирожкова Т.Ф. К.С. Аксаков и его диссертация о М.В. Ломоносове // Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 12-13.

² ЦГАМ. Ф.31. Оп.5. Д.178.1843-1852. Л.3.

³ РГИА. Ф.735. Оп.10. Д.190. 1847. Л. 1- 1 об.

Уваров в ответном письме просил Строганова, чтобы предписал Московскому цензурному комитету не допускать в журналах «никаких рассуждений о сем сочинении и разборов его»¹. Механизм цензурного преследования был запущен.

В качестве уже не главного цензора, а попечителя учебного округа Строганов отдал распоряжение декану I отделения философского факультета ординарному профессору С.П. Шевыреву написать объяснения, на каком основании диссертация Аксакова была допущена к печати, и возложил на него обязанность составить новую рецензию с указанием мест опубликованной рукописи, требующих изменений. На этом попечитель не остановился. Корректурa диссертации проходила под его личным наблюдением: весь январь и февраль соискатель терпеливо вносил изменения, сообразуя их с мнением Строганова². Утешением служило то, что Строганов и министерство не воспользовались другими более радикальными мерами наказания автора: книга не была запрещена или сожжена (как в случае с диссертацией Н.И. Костомарова³); тираж, после внесенных изменений, был выставлен на продажу; Аксакову позволили 6 марта 1847 в ходе публичного диспута обсудить результаты магистерской диссертации. Совет университета присудил соискателю искомую степень магистра российской словесности, а министр народного просвещения утвердил Аксакова в степени по ходатайству попечителя.

Несмотря на благополучный исход дела К.С. Аксакова, его случай послужил сигналом об имеющихся сбоях, с точки зрения министерских чиновников, в механизме подготовки диссертационных сочинений, их рецензировании и цензуре, следовательно, о недостаточности контроля над выпускниками университета. Министерство было вынуждено признать, что представители ученого сословия в силу существовавших между ними и их воспитанниками корпоративных интересов, связей не могут выступать в качестве взыскательных цензо-

¹ РГИА. Ф.735. Оп.10. Д.190. 1847. Л. 4.

² Пирожкова Т.Ф. К.С. Аксаков и его диссертация о М.В. Ломоносове // Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 15.

³ Краткий биографический очерк Н.И. Костомарова // Киевская старина. 1885. Т. 12. № 5. С. III.

ров – стражей политических и государственных интересов. Со своей стороны профессора усматривали в цензуре диссертационных сочинений больше абсурда, чем целесообразности; еще одно бремя, которое при ненадлежащем или неосторожном выполнении могло обернуться судебным преследованием. В 1849 году обсуждение в министерских и академических кулуарах вопроса о введении министерской цензуры диссертаций встретил среди профессоров скорее одобрение, чем ропот, избавление от лишних хлопот, от несвойственного и неприятного для профессуры занятия. Тем не менее, министерство, решившись на введение цензуры диссертаций, изначально не ставило перед собой цель потакать желаниям профессоров.

9 ноября 1850 года, за месяц до циркуляра попечителям о необходимости следить за благонадежностью диссертаций, министр народного просвещения Ширинский-Шихматов специальным определением приказал чиновнику особых поручений по делам Варшавского учебного округа В.П. Лангеру «рассматривание в цензурном отношении поступающих в Министерство диссертаций на ученые степени, из университетов: С. Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского и Св. Владимира»¹. 14 ноября директор Департамента народного просвещения П.И. Гаевский выслал Лангеру специальное «краткое наставление» – «Правила для наблюдения за духом и направлением диссертаций», которыми следовало руководствоваться при рассмотрении сочинений на ученые степени. Целью этой инициативы было «предохранение читающей публики от разрушительных идей, которые покушаются врываться в литературу»². Никаких санкций против авторов (например, лишения их ученых степеней) не предусматривалось. Лангеру предстояло рассмотреть все диссертации с начала текущего учебного года, а также и текущие³.

При цензуре диссертаций необходимо было руководствоваться цензурным уставом и «наблюдать» соответствие цензурируемого сочинения трем «началам»: «вере, правительству, добрым нравам и

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 90. Д. 138. 1850-1852. Л.4; РГИА. Ф. 733. Оп. 70. Д. 294.1830-1853. Л. 1.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 90. Д. 138. 1850-1852. Л. 5.

³ Там же. Л. 4 об.

личной чести всех и каждого». Первое подразумевало «всякое покушение поколебать вечные и спасительные истины Христианства вообще и в особенности учение Православной Церкви»¹. «В рассуждении Правительства, – говорилось в инструкции, – следует замечать всякое неосторожное прикосновение к началам государственного быта; все, что может ослабить уважение к законным властям [...]; все, что стремится к разрушению [...] отношений между разными состояниями или к унижению достоинства и пользы какого бы то ни было сословия в государстве [...]»². На основании рассмотрения диссертаций предполагалось «непогрешительно судить во всякое время об общем направлении в духе заведений»³.

Лангер цензурировал диссертации, написанные на латинском и русском языках. Диссертации, написанные в Дерптском университете на немецком языке, проверял член Главного правления училищ Э.Б. Адеркас⁴. 22 февраля министр запросил у Лангера отчет о проделанной им работе. «Отчет о диссертациях, поступивших ко мне на рассмотрение с 22 ноября 1850 года по 22 февраля 1851 года» был отправлен Гаевскому 26 февраля⁵.

Анализ отчета показал, что в первый же год работы министерских чиновников стали складываться две практики экспертизы диссертаций. Первая сводилась к цензурированию: выявлению несоответствий общим правилам Цензурного устава. Сторонником такой практики был Лангер. К 24 ноября 1851 года Лангеру на рассмотрение было отправлено 28 диссертаций, «из коих 24 получено от него обратно» и в них цензором не было замечено ничего «противного цензурным постановлениям» и одна с замечанием о необходимости духовной цензуры, три – находились на рассмотрении⁶.

Вторая практика соединяла в себе цензуру и элементы научной экспертизы. Коллега Лангера Н.В. Родзянко в конце декабря 1851 года направлял в Департамент донесения о рассмотренных им диссер-

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 90. Д. 138. 1850-1852. Л. 5.

² Там же. Л. 5 об. – 6.

³ Там же. Л. 6 об.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 70. Д. 294. 1830-1853. Л. 2, 4-5.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 90. Д. 138. 1850-1852. Л. 10

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 90. Д. 138. 1850-1852. Л. 15.

тациях с подробным пересказом содержания, замечаниями «в цензурном отношении» и предложением исключить отдельные места, влияющие на «благонамеренность»¹.

К весне 1852 года министерство перестала устраивать практика Лангера. «Простое донесение, что книга не включает в себе ничего предосудительного, – объяснял Гаевский 19 мая 1852 года, – не может почитаться удовлетворительным, потому что, с одной стороны, Министерство не будет иметь достаточных данных для составления ясного понятия о содержании рассмотренного сочинения или перевода, а с другой стороны, и выписки или указание сомнительных мест не принесет всей ожидаемой от того пользы [...]»². Поэтому министр потребовал, чтобы отныне в донесениях цензора в обязательном порядке присутствовало изложение содержания рассматриваемых диссертаций.

В дальнейшем на каждую диссертацию Лангер, а также и его коллега, чиновник по особым поручениям при Департаменте народного просвещения Палаузов, стали составлять пространные рецензии в четыре-семь страниц. Однако и в данных донесениях было больше формализма, чем глубокого критического анализа, т.к. в них следовал пересказ содержания диссертаций, положений диссертации, перечисление использованной литературы. В качестве замечаний указывалось на наличие нескольких стилистических или иных погрешностей³.

В то же время говорить о полном разрыве между министерской цензурой диссертаций, которая осуществлялась чиновниками особых поручений, и университетской экспертизой не приходится. В деле, посвященном министерской цензуре диссертаций Киевского университета, удалось обнаружить отзыв с карандашной пометой «Этот разбор сделан г. професс. Никитенко». Предметом рецензирования была докторская диссертация магистра Киевского университета С.С. Гогоцкого «Философия Гегеля, ее достоинства и недостатки». В степени Гогоцкого к тому времени уже утвердили, но диссертацию отправили на рассмотрение Лангеру 16 декабря 1850 года⁴. Пока не достаточно

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 70. Д. 294. 1830-1853. Л. 25-26 об.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 90. Д. 138. 1850-1852. Л. 20-20 об.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 1145. 1847. Л. 381-387; РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 46. 1847. Л. 16-17; РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 47. 1848. Л. 11-12 об.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 70. Д. 294. 1830-1853. Л. 6.

ясны причины обращения министерских чиновников к столичному профессору. Возможно, дело было в спорном статусе философии как науки в России и опасении власти в распространении учения Гегеля. Изящество отзыва, подготовленного Никитенко, выдает в нем человека, не понаслышке знакомого с цензурской системой и долгое время бывшего ее участником. «В цензурном отношении затруднение могло бы встретиться в той половине разсуждения, где излагается собственные мысли Гегеля, – писал Никитенко. – Но творец системы отчасти сам принял уже меры против их популярности [...] В изложении г[осподина] Гогоцкаго она не сделалась уразумительнее, не смотря на то, что оно отличается полнотою, отчетливостию и языком правильным и чистым. Такова уже судьба Гегеля и его формулы, что где бы учение его не являлось в некоторой целости и ученой форме, оно непременно в людях непривычных произведет тоску и головокружение»¹. Таким образом, профессор русской словесности использовал гипотетическую невозможность случайному читателю расшифровать эзотеричный язык философов для того, чтобы успокоить министра и убедить его в соответствии смысла диссертации цензурному уставу и в том, что этот текст «никого не соблазнит». Далее следует пассаж, характерный, в целом, для университетских рецензий, но отсутствующий в министерских цензурских донесениях. Профессор перечисляет те критерии научности, которым соответствует рецензируемый им текст. Это, прежде всего, самостоятельность сочинения и критическое отношение к чужому мнению².

Итак, кредит доверия, выданный ученому сословию цензурным уставом 1828 года и новым университетским уставом 1835 года и выраженный в сохранении академического права на независимую экспертизу научной продукции, был пересмотрен в конце 1840-х годов. Надежды Министерства народного просвещения на то, что профессора в процессе отбора станут применять приемлемый для верховной власти формат представлений о знаниях, литературе, искусстве, не оправдались. Тому имеется ряд объяснений. Одно из них – особенность работы в научной сфере, при осуществлении которой критиче-

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 70. Д. 294. 1830-1853. Л. 31.

² Там же. Л. 32 об.

ское осмысление многообразных по форме и содержанию результатов интеллектуального труда к единым требованиям устава, представлялось большинству профессоров абсурдным, лишенным смысла занятием. Профессора как участники обсуждения диссертаций и профессора как цензоры, действуя на основании выданных им уставов и предписаний, относились критически не только к вынесенному на их суд интеллектуальному труду, но и к самим инструкциям. Другое объяснение кроется в множественной самоидентификации профессоров. Выполняя экспертную функцию в качестве рецензента диссертации или цензора рукописи, профессору сложно было абстрагироваться от той ролевой нагрузки, которую приходилось нести, выполняя ежедневную рутинную работу преподавателя, исследователя, администратора и т.п. Наконец, после шумных отставок ряда цензоров, профессора сами стали чураться участия в цензурной деятельности, заодно и экспертизы диссертаций, поскольку и над этим интеллектуальным трудом нависло зловещее слово проверки – «цензура».

Новый штат цензурных комитетов окончательно разорвал их связь с ученой корпорацией. «Умствование» профессора должно было уступить исполнительности чиновника. Локальные, кулуарные практики обсуждения диссертаций на местах – уступить особо доверенному подразделению в самом министерстве. Введя централизованный цензурный контроль за прошедшими защиту диссертациями (как напечатанными, так и рукописными), власть иллюзорно полагала, что ею создан механизм тотального контроля над результатами интеллектуального труда. Насколько эффективным стал этот механизм, показали события ближайших 10 лет и отмена крепостного права в России.

Заключение

Рассмотренные в исследовании сюжеты наглядно показывают, что цензура в России в первой половине XIX века – сложное многоплановое культурно-историческое явление. Она выступает как инструмент государственной политики в области науки, культуры, образования, как явление политической, общественной, культурной жизни, как коммуникативное пространство, как практика надзора и контроля за издательской деятельностью, как система преследования инакомыслия.

В представленной монографии рассмотрение сюжетов о системе управления цензурной практикой в России первой половины XIX века, осуществлено в более широком исследовательском контексте, чем было заявлено названием темы (охвачен предшествующий период – вторая половина XVIII века). Это позволило выявить тенденции развития системы, провести их сопоставление на протяжении столетия.

Историографическая ретроспектива изучения цензуры как культурного явления позволила условно выделить ее составные части:

- нормативную регламентацию цензурной деятельности;
- институционализацию органов цензуры как части государственной системы управления;
- мировоззренческие, идеологические, научные, этические критерии цензуры;
- практику цензурной деятельности, выраженной в деятельности цензоров, осуществляющих экспертизу текстов;
- коммуникативные пространства как результат взаимодействия авторов, цензоров и власти;
- объекты (рукописи, переводы, научные труды, объявления и прочее) и субъекты (император, члены Главного цензурного комитета, III Отделение попечители, цензоры), а также агенты, так или иначе высказывавшие свое независимое суждение об авторских текстах, но не приобщенные к цензурной деятельности (государственные, общественные деятели, читатели, критики).

Опираясь на частные и коллективные наблюдения, выводы ученых и специалистов разных направлений, проводя собственное исследование, в предлагаемой монографии мне удалось сформулировать ряд выводов.

Цензура в России имеет длительную историю и связана со становлением российского абсолютизма и утверждением идеалов Просвещения в XVIII – первой половине XIX века. При Петре I обозначился процесс секуляризации церковной цензуры с одновременным определением предметов ведения светской цензуры. Верховная власть проявила готовность и заинтересованность в организации контроля за книгоиздательской деятельностью. Тенденция нарастала на протяжении всего XVIII столетия и первой половины XIX века – культурно - исторического периода, определенного исследователями как эпоха Просвещения. Рост доверия к книгам как источнику знаний, повышение читательской активности способствовали распространению типографий, увеличению печатной продукции. Поскольку «вольнодумство» считалось одним из наиболее серьезных уголовных преступлений (государственной измены, религиозной ереси), выявление и пресечение подобных правонарушений было передано в ведение правоохранительных органов, в том числе управ благочиния. Полицейские чины не обладали достаточной квалификацией, чтобы судить о достоинствах и недостатках рукописей и книг. При Екатерине II учреждаются цензурные комитеты с участием профессоров университетов (в Москве и Вильно), академиков и преподавателей гимназии (в Санкт-Петербурге). Деятельность созданных цензурных комитетов не была столь эффективной, как того ожидала верховная власть. Екатерина II в лучших традициях своих предшественников, в частности Петра I, лично осуществляла цензуру, инициировала процессы в отношении авторов и издателей, уличенных в распространении злобных идей. Следует подчеркнуть, что преследование творцов слова имело, прежде всего, превентивную цель и только потом – карательную. Осужденные не понесли наказания, предусмотренного уголовным законодательством, наказание было смягчено. Цензурными процессами Екатерине II над Н.И. Новиковым и А.Н. Радищевым удалось утвердить роль императора в качестве негласного, но вполне

авторитетного верховного цензора, которого общество, издатели, авторы знали и боялись. Эта роль была принята ее венценосным внуком – Николаем I, который, осуществляя надзор и контроль за словом, довольно успешно использовал III Отделение, а в период так называемого «цензурного террора» специально созданные тайные секретные комитеты – «Временный для рассмотрения действий цензуры и соблюдения журналами их программы» («Меншиковский комитет»), «Комитет для постоянного надзора за духом и направлением книгопечатания» («Бутурлинский комитет»).

Александр I придерживался иной концепции «управления словом». Будучи убежденным либералом и поклонником конституционной монархии, он верил, что тщательно написанный закон в руках просвещенных чиновников способен создать вполне эффективный фильтр для очистки зерен просвещения от плевел крамолы, пагубных знаний, пошлости и безвкусицы. Определив основы цензуры: границы ее подведомственности; принципы и начала правового регулирования; структуру государственных органов, ответственных за их реализацию, – он возложил на Московский университет, университет в Вильно и вновь учрежденные императорские университеты в Дерпте, Казани, Санкт-Петербурге и Харькове общегражданскую цензуру. Первый устав о цензуре 1804 года, университетские уставы 1804 года определили состав и полномочия цензурных комитетов: деканы отделений (факультетов) из числа ординарных профессоров входили в состав цензурных комитетов и проводили экспертизу рукописей и переводов по близкой им области знаний. Это должно было обеспечить объективную оценку представленных текстов. Как показала практика цензурных комитетов первой половины XIX века, экспертов из числа профессоров и преподавателей отличал компетентный подход и относительная беспристрастность - насколько им позволяли быть независимыми рамки цензурных уставов и инструкций, предпочтения и взгляды вышестоящих инстанций в лице попечителей учебных округов, министров народного просвещения и внутренних дел, Главного цензурного комитета, III Отделения и лично императора.

Созданная в начале XIX века централизованная система «управления словом» позволяла довольно эффективно следить за цензорами,

отслеживать их проступки, привлекать к ответственности, а в ряде случаев использовать систему для дискредитации и увольнения сановников самого высокого ранга, как это случилось с министром духовных дел и народного просвещения князем А.Н. Голицыным. Цензурное дело немецкого пастора И.-Е. Госснера стало той разменной монетой, благодаря которой Голицын получил громкую отставку, а политическая концепция «евангельского государства» была свернута, уступив место концепции «консервативного модернизма», сторонниками которой были министры народного просвещения адмирал А.С. Шишков и в какой-то мере автор «теории официальной народности» С.С. Уваров. В течение всего периода деятельности цензурных комитетов при университетах обсуждались возможности отказа от привлечения профессоров в качестве цензоров. Однако компетентность профессоров составляла тот символический капитал, который был невосполним исполнительностью альтернативного ресурса – чиновников. Тем не менее, университетской корпорации не удалось отстоять традиционное право на свободу академической мысли от цензуры: 1840-е годы отмечены преследованием соискателей научных степеней, понуждением их к изменению научных концепций под страхом запрета защиты (казусы К.С. Аксакова, Н.И. Костомарова).

Во второй четверти XIX века с изданием уставов о цензуре 1826 и 1828 годов и составлением штатного расписания начался процесс формальной профессионализации цензуры: цензорские обязанности выполнялись на постоянной основе; профессора и чиновники за выполнение своих обязанностей получали жалование с перспективой назначения денежного довольствия по окончании 25 – летней службы в цензуре. Изменилась и структура цензуры: в Санкт-Петербурге и Москве продолжали действовать цензурные комитеты при попечителях учебных округов, в Казани и Харькове – отдельные цензоры. Важную роль в системе «управления словом» стали играть попечители – члены Главного управления училищ и Главного цензурного комитета, а также министр народного просвещения. Советы университетов фактически были отстранены от организации экспертизы текстов, уступив место попечителям учебных округов.

Вторая четверть XIX века обнаружила новую тенденцию во взаимодействии верховной власти и слова: старые формы контроля XVIII – первой четверти XIX века, сопровождавшиеся закрытием журналов, уголовным преследованием авторов и издателей, сожжением тиражей, стали сочетаться с новыми формами: созданием сети тайных агентов из числа литераторов, поощрением угодных власти авторов и издателей, открытием официальных изданий, в частности, Журнала Министерства народного просвещения. Распространением новых практик контроля и надзора за словом, а также формированием верноподданнического коммуникативного поля занимался глава III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, шеф корпуса жандармов генерал-адъютант А.Х.Бенкендорф. Новые формы воздействия на печатную мысль, нетипичные для традиционной «инквизиционной» цензуры, помогли установить противоречивый, но относительно устойчивый диалог между авторами, издателями и властью. Признание этого факта ломает традиционную картину о цензуре как негибкой системе взаимодействия власти, силовых структур, представителей университетской корпорации, изданий, авторов и читателей, помогает понять, каким образом в России в середине XIX века произошел отказ от тотальной системы ограничения свободы слова.

Устав 1828 года с некоторыми изменениями и дополнениями действовал вплоть до издания Временных правил о цензуре и печати от 6 апреля 1865 года. Попытки подвергнуть устав о цензуре 1828 года «консервативной модернизации» в период «цензурного террора» 1848 – 1855 годов, в частности министром народного просвещения С.С. Уваровым, потерпели неудачу. В немалой степени этому способствовала позиция преемников графа А.Х. Бенкендорфа: А.Ф. Орлова и Л.В. Дубельта, которые, осуществив ревизию результатов общегражданской цензуры, усомнились в эффективности создания системы многоуровневой «системы управления словом».

Список использованных источников и литературы

Архивные материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 772 - Главное управление цензуры Министерства народного просвещения. Оп.1. Д. 22. 1828. 11 л.; Д.23. 1828.23 л.; Д. 25. 1828. 11 л.; Д. 87. 1833. 108 л.

Ф.733 – Департамент Народного просвещения. Оп. 39. Д. 259. 1819-1822. 10 л.; Оп. 70. Д. 294. 1830-1853. Б/л.; Оп. 90. Д. 138. 1850-1852.Б/л.; Оп. 95. Д. 46. 1847. Б/л.; Д. 47. 1848. Б/л.; Д. 1145. 1816-1858. Б/л.

Ф.735 – Канцелярия министра народного просвещения. Оп.1. Д.10. 1825. 5 л.;

Д. 70. 1825. 15 л.; Д. 216. 1826-1827. 13 л.; Д. 355. 1830. 9 л.; Д. 418. 1832. 7 л.; Оп.2. Д. 63.1838. 8 л.; Оп.10. Д.190. 1847. 5 л.

Ф.777 – Петроградский комитет по делам печати Министерства внутренних дел (Петербургский цензурный комитет). Оп.1. Д.713. Л.7. 1824-1826. 10 л.

Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ)

Ф. 31 – Московский цензурный комитет. Оп.1. Д.46.1798. 105 л.; Д.48. 1816. 137 л.; Д.53. 1824. 129 л.; Д. 104.1800. 6 л.; Д.106.1801. 6 л.; Оп.5. Д.178. 1843-1852. 13 об.

Ф. 418 – Московский императорский университет. Оп.2. Д.268. 1833. 8 л.

Ф. 459 – Канцелярия попечителя Московского учебного округа. Оп.1. Д.3379. 1826-1827. 38 л.; Оп.2. Д.51. 1836. 38 л.; Д.654. 1844. 21 л.

Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ)

Ф. 92 – Канцелярия попечителя Казанского учебного округа. Оп.1. Д.100. 1805. 19 л.; Д. 870.1820. 25 л.; Д.1204. 1820. 4 л.; Д.1413.1821. 4 л.; Д.1422. 1821. 8 л.; Д.1427.1821. 4 л.; Д.1561. 1822. 32 л.; Д.1566. 1822. 32 л.; Д.1761.1824. 3 л.; Д.1762. 1824. 83 л.; Д.1798. 1824. 3 л.; Д.1903. 1825. 2 л.;

Д.2009. 1826. 2 л.; Д.2011. 1826. 2 л.; Д.2016.1826. 4 л.; Д. 3946. 1833. 53 л.;

Д. 4517. 1836.13 л.; Д.4536. 1837. 9 л.

Ф. 977 – Казанский императорский университет. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 394. 1842. Б/л.; Д.703. 1821. Б/л.

ОРРК НБЛ К(П)ФУ - Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Ед.хр.4164. № 2. Казань, 1814. 6 л.; Ед.хр.4166. Казань, 1815-1819. 30 л.; Ед.хр.4169. № 3. Казань, 1818. 9 л.; № 4. Казань, 1818. 16 л.; Ед.хр.4170. Казань, 1819-1821. 12 л.; Ед.хр. 4178. № 2. Казань, 1825. 6 л.; № 9. 1825. 6 л.

Законодательные акты

1. ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи: собр. 1-е: [в 50 т.]. – Т.4: 1700-1712: № 1753; Т. 12: 1744-1748: №. 9425; Т. 15: 1758 – 28.06.1762: №11553; Т. 22: 1784-1788: №16301, 16.362, 16556; Т. 22: 1784-1788: 16901, 17508; Т.23: 1789-06.11.1796: №16901, 17.508; Т. 24: 06.11.1796-1798: №17811; Т. 25: 1798-1799: №18524, №18939, №19010; Т. 26: 1800-1801: №19387, 19386, 19805, 19807; Т. 27: 1802-1803: №20139, 20406; Т. 28: 1804-1805: №21388, Т. 31: 1810-1811: №24307, 24326, 24687; Т.36: 1819: №27646 / сост.; под ред. М.М. Сперанский; 2-е изд. – СПб.: Тип. II Отд. Собств.Его Имп. Велич. Канц., 1830.

2. ПСЗ РИ - Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е: [в 55 т.]: Т.1: 12.12.1825-1827: №403; Т.3: 1828: №1979; Т.10. Отд.1: 01.01.1835-31.07.1835: №8337; Т.12. Отд.1: 01.01.1837-31.10.1837: № 10188; Т.19: 1844: № 17806; Т. 25.Отд.1: 01.01.1850-30.09.1850: №24342. – СПб.: Тип. II Отд. Собств.Его Имп. Велич. Канц., 1830-1884.

3. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. – СПб., 1864. – 1644 стб.

4. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.2. Царствование императора Николая I, 1825–1839. Отд. 1: 1825-1839. – СПб., 1864. – 1224 стб.

5. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.2. Царствование императора Николая I, 1825-1855 г. Отд. 2: 1840-1855. – СПб., 1876. – 1648 стб.

6. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.3. Царствование императора Александра II, 1855-1864 г. – СПб., 1865. – 1434 стб.

7. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения: [в 16 т.]. – СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1866-1907. – Т.1: 1802-1834: 1866. – 988 стб.; Т.2: 1835-1849: 1866. – 1104 стб.; Т. 3.: 1850-1864: 1867. – 1118 стб.

8. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. – СПб.: В Тип. Морск.мин-ва, 1862. – 482 с.

Документальные публикации и статистические материалы

1. [Бенкендорф А.Х.]. Гр[аф] А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. (Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов) / А.Х. Бенкендорф // Красный архив. – 1929. – Т. 6 (37); 1930. – № 1 (38); 1931. – № 3 (46).

2. [Бенкендорф А.Х.]. Записка [А.Х.] Бенкендорфа о тайных обществах в России / А.Х. Бенкендорф // Лемке М.Н. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения Собств[енного] Е[го] И[мператорского] Величества к[анцелярии] / М.Н. Лемке; под ред. С.В. Бунина; 2-е изд. – СПб.: Издание второе С.В. Бунина, 1909. – С. 576-580.

3. Булгарин Ф.В. Письмо А.Н. Потапову от 12 мая 1826 // Видок Фиглярин: Письма и агентурные заметки Ф.В. Булгарина / публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблат. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – С. 43-44.

4. Булгарин Ф.В. О цензуре в России и книгопечатании вообще // Видок Фиглярин: Письма и агентурные заметки Ф.В. Булгарина / публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблат. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – С. 45-53.

5. Видок Фиглярин: Письма и агентурные заметки Ф.В. Булгарина / публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблат. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 701 с.

6. Выписки из писем гр. Бенкендорфа к императору Николаю I о Пушкине // Старина и новизна. – 1903. – № 6. – С.7-10.

7. [Екатерина II (имп.)]. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения / Екатерина II (имп.); под ред. Н.Д. Чечулина. – СПб.: Изд. Академии наук, 1907. – 175 с.

8. [Корф М.А.]. Записка статс-секретаря М. А. Корфа наследнику цесаревичу. Материалы по истории цензуры / М.А. Корф // Голос минувшего. 1913. – №3. – С. 219 - 221.

9. [Магницкий М.Л.] Проект мнения о цензуре вообще и началах, на которых предполагает цензурный комитет составить для оной

устав / М.Л. Магницкий // Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. – СПб.: Тип-фия А.С. Суворина, 1889. – Т.1. – С.463-470.

10. [Магницкий М.Л.] Проект секретной инструкции цензурному комитету. Проект устава / М.Л. Магницкий // Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. – СПб.: Тип-фия А.С. Суворина, 1889. – Т.1. – С.471-480.

11. [Магницкий М.Л.] Мнение Казанского попечителя по делу профессоров Германа и Раупаха (28 ноября 1821 года) / М.Л. Магницкий // Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. – СПб.: Тип-фия А.С. Суворина, 1889. – Т. 1. – С. 373-377.

12. Магницкий М.Л. Окончательное дополнение к запискам о тайных обществах (7 апреля 1824 года) / М.Л. Магницкий // Магницкий М.Л. Православное просвещение / сост., предисл. А.Ю. Минаков; отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, Родная страна, 2014. –С. 210-212;

13. Магницкий М.Л. О злых действиях тайных обществ, выдумавших Библейское общество в Европе и неусыпно через оное все к своей цели направляющих / М.Л. Магницкий // Магницкий М.Л. Православное просвещение / сост., предисл. А.Ю. Минаков; отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, Родная страна, 2014. – С. 213-217.

14. Страхов П.И. Слово о влиянии наук в общее и каждого человека благоденствие, говоренное июня 30 дня 1788 года / П.И. Страхов // Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного с краткими их жизнеописаниями: [в 4 ч.] Ч. II. – М.: Университетская типография, 1820. – С. 213-282.

15. Стурдза А. С. Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818 / А.С. Стурдза // Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII – начало XX века. – М.: Венеция, 1999. – С. 145–157.

16. Стурдза А. С. Наставление для руководства Ученого Комитета / А.С. Стурдза // Журнал Министерства народного просвещения. – 1821. – Ч. 1, № 2. – С. 187–206.

17. [Уваров С.С.]. Всеподданнейший доклад министра народного просвещения С. С. Уварова от 19 ноября 1833 г. / С.С. Уваров // Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833 - 1843. – СПб., 1864. – 161 с.

18. [Уваров С.С.]. Проект Цензурного устава, внесенного в Государственный совет гр. Уваровым в 1849 г. и неодобренный Советом / С.С. Уваров. – СПб., 1849. – 43 с.

19. [Шишков А.С.] Мнение [А.С.] Шишкова по делу о профессорах (14 февраля 1822) / А.С. Шишков // Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. – СПб.: Тип-фия А.С. Суворина, 1889. – Т. 1. – С.386-390.

Мемуарная литература и дневники

1. [Глинка С.Н.] Записки Сергея Николаевича Глинки. – СПб.: Русская старина, 1895. – 390 с.

2. [Греч Н.И.] Из записок Н. И. Греча / Н.И. Греч // Русский архив. – – 1868. – С. 1404-1408.

3. Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был. Записки и дневник (1804-1877 гг.): [в 2 т.]. Т.2. / А.В. Никитенко; под ред. М.К. Лемке; 2 изд., испр. и доп. – СПб.: Книгоиздательство М.В. Пирожкова, Типо-литография «Герольд», 1905. – 614 с.

4. [Панаев В.И.] Воспоминания В.И. Панаева / В.И. Панаев // Вестник Европы. – 1867. – Т.3. –С. 193-270; Т.4. – С. 82-83.

5. Уваров С. С. Избранные труды / С.С. Уваров; сост., авт. вступ. статьи и коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов; авт. пер. В.С. Парсамов. – М.: РОССПЭН. – 719 с.

6. Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова: [в 2 т.] / А.С. Шишков; изд. Н. Киселева, Ю. Самарина. – Berlin: V. Behr's Buchhandlung, 1870. – Т.1: 479 с.; Т.2: 464 с.

Справочная литература

1. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: [в 22 т.] / Н.П. Барсуков. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1888-1910; Т. 1: 1888: 344 с.; Т.9: 1895: 498 с.

2. Боголюбов А. Н. Математики. Механики. Биографический справочник / А.Н. Боголюбов. – Киев, Наукова думка, 1983. – 639 с.

3. Императорский Московский университет, 1755-1917: энциклопедический словарь / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, ист. фак.; сост. А.Ю. Андреев, Д.А.Цыганков. – М.: РОССПЭН, 2010. – 894с.

4. Колпакиди А.И. Спецслужбы Российской империи. Уникальная энциклопедия / сост.: А.И.Колпакиди, А. Север. – М.: Яуза Эксмо, 2010. – 768 с.

5. Российская академия наук. Персональный состав: [в 4 кн.]. Кн. 1, 1724 - 1917. – М.: Наука, 1999. – 562 с.

6. Русский биографический словарь: [в 25 т.] / под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцева. СПб., 1896-1918; Т. 14: Плавильщиков - Примо. / под ред. Б. Л. Модзалевского. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1910. – 801 с.; Т. 5: Герберский - Гогенлоэ / под ред. Н. П. Чулкова. – М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1914. – 442 с.

7. Сводный каталог русской книги. 1801-1825 / сост.: И.В. Барке и др. – М.: Пашков дом, 2000; Т. 1: А-Д.- 2000. – 581 с.

8. Цензоры Российской империи, конец XVIII - начало XX века: биобиблиографический справочник / О. Ю. Абакумов и др.; редкол.: В. Р. Фирсов (пред.) и др.]; Российская нац. б-ка. – СПб.: Российская нац. б-ка, 2013. – 480 с.

9. Юрьев Б.И. Журнал Министерства народного просвещения // Отечественная история: энциклопедия: [в 5 т.]. Т. 2: Д-К / гл. ред. В.Л. Янин. – М.: Больш. Росс. энцикл. 1996. – 688 с.

Исследования, статьи, учебные пособия

1. Агапова Е.А. Цензура как способ манипуляции сознанием: ди-ахронический аспект / Е.А. Агапова. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2012. – 256 с.

2. Абакумов О.Ю. «Все знает, бывает всюду, принимает всех...»: Новые штрихи к портрету Якова Толстого, шпиона и декабриста / О.Ю. Абакумов // Родина. – 1994. – №7. – С. 93-95.

3. Аврус А.И. Власть и университеты в России / А.И. Аврус // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2003. – Вып.10. – С. 207-218.

4. Аврус А.И. История российских университетов: очерки / А.И. Аврус. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. – 86 с.

5. А.-[Аксаков К.С.]. К семисотлетию Москвы / К.С. Аксаков // Московские ведомости. – 1846. – 23 апреля (№49).

6. Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка / К. С. Аксаков; сост., предисл. Т.Ф. Пирожкова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 101 с.

7. Александров Д.А. Историческая антропология науки в России / Д.А. Александров // Вопросы истории естествознания и техники. – 1994. – №4. – С. 3-22.
8. Андреев А.Ю. «Гумбольдт в России»: министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX в. / А.Ю. Андреев // Отечественная история. – 2004. – № 3. – С. 37-55.
9. Андреев А.Ю. Император Александр I, профессор Г.Ф. Паррот и возникновение «университетской автономии» в России / А.Ю. Андреев // Отечественная история. – 2006. – №6. – С.19-30.
10. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII- первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы / А.Ю. Андреев. – М.: Знак, 2009. – 640 с.
11. Андреев А.Ю. Проблемы рецепции «гумбольдтовского» университета в России в ее прошлом и настоящем / А.Ю. Андреев // Гумбольдтовские чтения: материалы межд. науч. конф. – М.: РГГУ, 2010. – С. 146–147.
12. Арсеньев К.К. Законодательство о печати / К.К. Арсеньев. – СПб. : Типолитограф. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1903. – 264 с.
13. Афанасьев В.К. К 150-летию выхода в свет первого тома Статистического журнала в России / В.К. Афанасьев // Вопросы статистики. –1996. – № 8. – С. 69-71.
14. Багaley Д.И. Опыт истории Харьковского университета: (по неизданным материалам): [в 2 т.] / Д.И. Багaley. – Харьков: Паровая тип. и литогр. Зильберберг, 1893-1898, 1904; Т.1: 1893-1898: 1204 с; Т.2.: 1904: 1136 с.
15. Барсков Я.Л. А.Н. Радищев - Торжок / Я.Л. Барсков // XVIII век. Статьи и материалы: сб. -к. Вып. 2. – М.- Л., 1940. – С. 54–76.
16. Березина В.Г. Русская журналистика первой четверти XIX века / В.Г. Березина. – Ленинград: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1965. – 90 с.
17. Биографии университетских архивов / Н.С. Алмазова и др.; пер. с фр. П.Ю. Уварова; пер. с итал. Ю.В. Ивановой; пер. с польск. Д.А. Добровольского; под ред. Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной, В.С. Парсамова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом. Высшей школы экономики, 2017. – 300 с.
18. Блюм А.В. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790-1990. Опыт комментированной антологии / сост.: А.В. Блюм. – СПб.: Полиграф, 2011. – 608 с.
19. Бодебрух А.Г. Цензурные органы России в XVIII веке // Правовые идеи и государственные учреждения: межвузовский сборник. – Свердловск: Свердл.юрид.ин-т, 1990. – С. 67- 75.

20. Бодрова А.С. Поэт Языков, цензор Красовский и министр Шишков: к истории цензурной политики 1824-1825 годов / А.С. Бодрова // Русская литература: историко-литературный журнал. – 2018. – №1. – С. 35-51.

21. Бодянский О.М. О народной поэзии славянских племен: Рассуждение на степ. магистра филос. фак. первого отд., канд. Моск. ун-та, Иосифа Бодянского / О.М. Бодянский. – М.: Тип. Н. Степанова, 1837. – 154 с.

22. Ботова О.О. Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века: Формирование. Состав. Деятельность: дисс. ... канд.ист.наук. / О.О. Ботова; Московский гос. открытый пед.ун-т им М.А. Шолохова. – М., 2003. – 324 с.

23. Бродский Н.Л. Писатель и книга в Александровскую эпоху / Н.Л. Бродский // Три века. Россия от смуты до нашего времени: Исторический сборник: [в 6 т.]. Т. 5: XIX век. Первая половина / под ред. В. В. Каллаша. – М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912-1913. – С. 37-46.

24. Булгаков Ф.И. Лермонтов и цензура / Ф.И. Булгаков // Исторический вестник. – 1884. – Т. 15, №3. – С. 566-574.

25. Булгакова Л.А. От декабризма к осведомительству: заметки к биографии Якова Николаевича Толстого / Л.А. Булгакова // 14 декабря 1825 года: Источники. Исследования. Историография. Библиография. – СПб., 2000. – Вып. 3. – С. 170-200.

26. Булгакова Л.А. Особенности системы высшего образования в царствование Николая I / Л.А. Булгакова // Николаевская Россия: власть и общество: материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха. – Саратов: Саратов.гос.ун-т, 2004. – С. 124-134.

27. Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805-1819): Рассказы по архивным документам: [в 2 ч.] / Н.Н. Булич. – Казань: Тип. Казан. имп. ун-та. – Ч.1: 1887: 639 с.; Ч.2: 1891: 799 с.

28. Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века: [в 2 т.] / Н.Н. Булич. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902-1905. – Т.1: 1902: 712 с.; Т.2: 1905: 332 с.

29. Бурлакова Р.И. Правовое регулирование цензуры печати в России в 18 – начале 20 века: дис. ... канд.юрид. наук / Р.И. Бурлакова; Рос. Академия правосудия. – М., 2004. – 208 с.

30. Вацуρο В.Э. Сквозь «умственные плотины»: очерки о книгах и прессе пушкинской поры / В.Э. Вацуро, М.И. Гиллельсон; 2-е изд., доп. – М.: Книга, 1986. – 381 с.

31. Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время / Ц.Х. Виттекер; пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. – СПб.: Акад. проект, 1999. – 348 с.

32. Вишленкова Е.А. Архив как средство управления российскими университетами / Е.А. Вишленкова, К.А. Ильина // Биографии университетских архивов / Н.С. Алмазова и др.; пер. с фр. П.Ю. Уварова; пер. с итал. Ю.В. Ивановой; пер. с польск. Д.А. Добровольского; под ред. Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной, В.С. Парсамова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2017. – С.83-102.

33. Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века / Е.А. Вишленкова. – Саратов: Изд-во Сарат. Ун-та, 2002. – 439 с.

34. Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов / Е.А. Вишленкова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 240 с.

35. Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи / Е.А. Вишленкова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. – 189 с.

36. Вишленкова Е.А. История университета как история памяти корпорации / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова // *Ab imperio*. – 2004. – №3. – С. 271-311.

37. Вишленкова Е.А. Профессора и бюрократы: парадоксы университетской автономии в России первой половины XIX века. Препринт ГУ-ВШЭ WP/2011/01. Гуманитарные исследования. Серия WP6 / Е.А. Вишленкова, Р.Х. Галиуллина. – М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2011. – 72 с.

38. Вишленкова Е.А. Ревизор, или Случай университетской проверки 1819 года / Е.А. Вишленкова / Е.А. Вишленкова // Отечественная история. – 2002. – №4. – С.22-35.

39. Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи / Е.А. Вишленкова. – Казань: Изд-во Казан.гос.ун-та, 1997. – 189 с.

40. Вишленкова Е.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность / Е.А. Вишленкова, Р.Х. Галиуллина, К.А. Ильина. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 656 с.

41. Вишленкова Е.А. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость / Е.А.

Вишленкова, К.А. Ильина // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 4. – С. 84–107.

42. Вишленкова Е.А. Университетские истории в России: Генезис жанров / Е.А. Вишленкова, В.С. Парсамов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. – 2014. – № 3(20). – С. 164–172.

43. Вишленкова Е.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – 500 с.

44. Воробьев В.А. К истории наших университетских уставов / В.А. Воробьев // Русская мысль. – 1905. – № 12. – С.1-11.

45. Вульфсон Г.Н. Глашатай свободы: страницы из жизни Афанасия Прокофьевича Щапова / Г.Н. Вульфсон. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. – 143 с.

46. Галиуллина Р.Х. Властные практики управления и самоуправления в университетах России второй половины XVIII - первой половины XIX веков: учебное пособие / Р.Х. Галиуллина. – Казань: Казан. юрид. инст-т, 2011. – 86 с.

47. Галиуллина Р.Х. М.Н. Мусин-Пушкин – попечитель Казанского учебного округа: дис. ... канд. ист. наук. / Р.Х. Галиуллина; Казан.гос.ун-т. – Казань, 1997. – 221 с.

48. Галиуллина Р.Х. М.Н. Мусин-Пушкин – попечитель Казанского и Петербургского учебных округов / Р.Х. Галиуллина // Санкт-Петербургский университет в XVIII - XX вв.: европейские традиции и российский контекст: материалы междунар. науч. конференции, 23-25 июня 2009. – СПб., 2009. – С.88-106.

49. Галиуллина Р.Х. Документы цензурных комитетов первой четверти XIX в.: формы, комплектация и организация хранения / Р.Х. Галиуллина // История и историческая память: межвуз. сб-к. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2015. – Вып. 11. – С.224-243.

50. Галиуллина Р.Х. Журналы о себе и для себя: университетские издания первой половины века / Р.Х. Галиуллина, К.А. Ильина // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – С. 135-168.

51. Галиуллина Р.Х. Кризис университетской автономии в России: 1840-е – начало 1860-х годов / Р.Х. Галиуллина // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996) / сост. Т.Н. Жуковская; отв. ред. А.Ю. Дворниченко. – СПб.: Нестор – История, 2012. – С. 278-286.

52. Галиуллина Р.Х. Поворот в цензурной политике России – тайны архивных документов («Наставление цензурам» генерал-прокурора А.А. Бекетова, 31 марта 1801 года) / Р.Х. Галиуллина // Проблемы национальной безопасности: вопросы теории и практики. Пятые юридические чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции Казанского юридического института МВД России 3 июня 2017 года. – Казань: КЮИ МВД России, 2017. – С. 50-54.

53. Галиуллина Р.Х. «Ученые записки» ученого сословия (первая половина XIX века). Препринт WP/2012/02. Гуманитарные исследования. Серия WP6 / Р.Х. Галиуллина, К.А. Ильина. – М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2012. – 44 с.

54. Гендерная цензура как элемент культуры: коллект. монография / сост. Н. Ажгихина. – М.: Эслан, 2003. – 104 с.

55. Гершензон М.О. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление / М.О. Гершензон. – СПб.: Тип-фия М.М. Стасюлевича, 1908. – 321 с.

56. Гиллельсон М. И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г. // Пушкин: Исследования и материалы: [в 17 т.] / отв.ред. Н. В. Измайлов. – Л.: ИРЛИ РАН, 1978. – Т. 8. – С. 195–218.

57. Глинский Б.Б. Университетские уставы (1755-1884) / Б.Б. Глинский // Исторический вестник. – 1900. – Т.79, № 1. – С.324-351; № 2. – С.718-742.

58. Горбачев И.Г. Институт цензуры в российском законодательстве 16-19 вв.: историко-правовое исследование / И.Г. Горбачев, В.И. Печников. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 228 с.

59. Гринченко Н.А. Центральные учреждения цензурного ведомства (1804–1917) / Н.А. Гринченко, Н.Г. Патрушева // Книжное дело в России в XIX - начале XX века: Сб. науч. тр. – СПб., 2008. – Вып. 14. – С. 206–213.

60. Высшее образование в России: очерк истории до 1917 года / под ред. В.Г. Кинелева. – М.: НИИВО, 1995. – 352 с.

61. Гринченко Н. А. История цензурных учреждений в России в первой половине XIX века / Н.А. Гринченко // Цензура в России. История и современность: сб-к науч. тр. – СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 15-46.

62. Гринченко Н.А. Профессор в цензурном ведомстве России в первой половине XIX века / Н.А. Гринченко // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – Т. 201. – С.9-19.

63. Гринченко Н.А. Центральные учреждения цензурного ведомства (1804–1917) / Н.А. Гринченко, Н.Г. Патрушева // Книжное дело в России в XIX - начале XX века: Сб. науч. тр. – СПб.: Рос.нац.библ., 2008. – Вып. 14. – С. 206–213.

64. Данилов В.В. Аксаков, Глинка и Измайлов в Московском цензурном комитете / В.В. Данилов // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. – 1928. – Т. 1. – С. 519-521.

65. Дарнтон Р. Цензоры за работой. Как государство формирует литературу / Р. Дарнтон, пер. с англ. М. Солнцевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 384 с.

66. Двести лет российской цензуре: тезисы научного семинара кафедры истории журналистики. Ноябрь 1996 / отв.ред. Г.В. Жирков. – СПб.: Изд-во С.-Петербург.гос.ун-та. – 20 с.

67. Деревина Т.Г. Из истории образования III Отделения / Т.Г. Деревина // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. История. – 1973. – С. 65-71.

68. Диктиадис. Краткие сведения о Стурдзе / Диктиадис // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1864. – Кн. 2. – С. 297-310.

69. Дубровин Н.Д. Н.А. Полевой, его сторонники и противники по «Московскому телеграфу» / Н.Д. Дубровин // Русская старина. – 1903. – №2. – С.259-270.

70. Дегтярева М. И. «Лучше быть якобинцом, чем фейяном»: Жозеф де Местр и Сергей Семенович Уваров / М.И. Дегтярева // Вопросы философии. 2006. – №7. – С. 105-112.

71. Дризен Н. В. Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881 / Н.В. Дризен. – СПб.: Прометей, 1917. – 180 с.

72. Евдокимова М.В. Полемка в русской прессе о свободе слова и цензурных постановлениях, 1857–1867 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.В. Евдокимова; Рос. пед. ун-т. – СПб., 1994. – 18 с.

73. Егоров Ю.Н. Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30-50-х гг. XIX в. / Ю.Н. Егоров // Научные доклады высшей школы. – Исторические науки. – 1960. – №3. – С. 60-75.

74. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. Первая половина XIX века / Н.П. Ерошкин. – М.: Мысль, 1981. – 251 с.

75. Живов В.М. Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века / В.М. Живов // Живов В.М. Разыскания в области и предыстории русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 664-671.

76. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX века: учебное пособие / Г.В. Жирков. – СПб.: Аспект-пресс, 2001. – 368 с.

77. Жуковская Т.Н. Университеты и университетские традиции в России: курс лекций / Т.Н. Жуковская. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. – 140 с.

78. Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в.-1917 г. / А.Е. Иванов. – М.: ИРИ, 1994. – 195 с.

79. Загоскин Н.П. История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. 1804 – 1904: [в 4 т.] / Н.П. Загоскин. – Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1902-1904, – Т.1: 1902: 671 с.; Т.2: 1902: 743 с.; Т.3: 1903: 650 с.; Т.4.: 1904: 742 с.

80. Зипунникова Н.Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – XX века / Н.Н. Зипунникова. – Екатеринбург: Изд. дом «Уральская гос. юрид. акад», 2009. – 440 с.

81. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII- первой трети XIX века / А.Л. Зорин. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 416 с.

82. Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования / В.С. Иконников // Вестник Европы. – 1876. – №11. – С.73-132.

83. Ильина К.А. Письма попечителя / К.А. Ильина // Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века) / А.Н. Бикташева, М.Х. Гизатуллин, К.А. Ильина. – Казань: Рутен, 2006. – С. 129-216.

84. Иванов А. Е. Ученое достоинство в Российской империи, XVIII – начало XX века: подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы / А.Е. Иванов. – М.: Новый хронограф, 2016. – 648 с.

85. История книги и цензуры: материалы международной научной конференции, посвященной памяти А. В. Блюма, 29-30 мая 2012 г. / науч.ред. М. В. Зеленов. – СПб.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 2013. – 271 с.

86. История Правительствующего Сената за двести лет. 1711-1911: [в 5 т.]. Т. 2. – СПб.: Тип-фия Правит. Сената, 1911. –860 с.

87. Исторические сведения о цензуре в России. – СПб.: В Тип. Морского Мин., 1862. – 133 с.

88. Карлов Н. В. Две академии: люди и свершения / Н.В. Карлов // Вестник РАН. – 2002. – Т. 72. – № 7. – С. 646–653.

89. Кауфман А.А. Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806-1917 / А.А. Кауфман. – М.: Центр. стат. управл., 1922. – 218 с.

90. Книжное дело в России в XIX - начале XX века: сб-к. науч. тр. Вып. 13 / отв. ред. Н.Г. Патрушева. – СПб.: Изд-во Рос.нац.библ-ка, 2006. – 264 с.

91. Кулакова Е.И. Сочинение о путешествии четы Лондондерри в Россию в 1836-1837 гг.: к вопросу о распространении иностранных книг в николаевскую эпоху / Е.И. Кулакова // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996) / сост. Т.Н. Жуковская; отв. ред. А.Ю. Дворниченко. – СПб.: Нестор – История, 2012. – С. 373-380.

92. Кулакова И.П. Московский и Санкт-Петербургский университеты: к спору о первенстве / И.П. Кулакова // Российские университеты в XVIII – XX веках. Сборник научных статей. Вып. 5. – Воронеж, 2000. – С. 28-64.

93. Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России в первой четверти XIX века / Ю.Е. Кондаков. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 343 с.

94. Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05 – 1929/30): [в 2 т.] / М.К. Корбут. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1930. – Т.1: 209 с.; Т.2: 382 с.

95. Костин А.А. «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева в контексте современной ему нравоучительной литературы: автореферат дис. ... канд.фил.наук. / А.А. Костин; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН. – СПб., 2005. – 22 с.

96. [Костомаров Н.И.] Краткий биографический очерк Н.И. Костомарова / Н.И. Костомаров // Киевская старина. – 1885. – Т. 12. – № 5. – С. II – IX.

97. Ледодаев В.Ю. Князь Петр Андреевич Вяземский о цензуре и литературной политике правительства / В.Ю. Ледодаев // Вестник Моск.ун-та. Серия 8. История. – 1997. – №5. – С.50-65.

98. Лемке М.Н. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения Собств[енного] Е[го] И[мператорского] Величества к[анцелярии] / М.Н. Лемке; под ред. С.В. Бунина; 2-е изд. – СПб.: Издание второе С.В. Бунина, 1909. – 527 с.

99. Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия / М.К. Лемке. – СПб.: Тип. С.-Петербур. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1904. – 427 с.

100. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX - начала XX в. / Б.Г. Литвак. – М.: Наука, 1979. – 294 с.

101. Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты: исследов. М.Н. Лонгинова; с приложениями / М.Н. Лонгинов. – М.: Тип-фия Грачева, 1867. – 384 с.

102. Львова Н.Н. Неизвестный Фаддей / Н.Н. Львова // Радуга. – 1991. – №4. – С.30-41.

103. Ляхович Е.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России / Е.С. Ляхович, А.С. Ревушкин; 2-е изд., испр., доп. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998. – 577 с.

104. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. – 559 с.

105. Мильчина В.А. Шарль Дюран – французский журналист в немецком городе на службе у России / В.А. Мильчина // Лотмановский сборник. – М.: О.Г.И., 1997. – Вып. 2. – С.303-327.

106. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2: Вера. Творчество. Образование. Ч. 2: Искусство. Школа. Просвещение / П.Н. Милюков. – Париж: Современные записки, 1931. – С.459-1012.

107. Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов востока России (XIX век) / С.М. Михайлова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 360 с.

108. Модзалевский Б.Л. Я.Н. Толстой / Б.Л. Модзалевский // Русская старина. – 1899. – №9. – С.587-614; №10. – С.175-179.

109. Никитенко А.В. О творящей силе в поэзии или о поэтическом гении / соч. экстраорд. проф. С.-Петербур. ун-та Александра Никитенко. – СПб.: Тип. А. Смирдина, И. Глазунова и К^о, 1836. – 41 с.

110. «Ничего противного закону, правительству и добронравию...»: Взаимодействие органов гос. управления с печатью дореволюц. России: Сб. ст. Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации; [Авт. кол.: С. А. Бастрикова и др.]. – М.: Изд-во РАГС, 1999. – 152 с.

111. Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826-1880 гг.) / И.В. Оржиховский. – М.: Мысль, 1982. – 207 с.

112. Орлова Н.Е. Российский «Журнал Министерства народного просвещения» в 30 - 60-х гг. XIX в.: интерес к проблемам становления

государственной системы начального образования в Англии / Н.Е. Орлова // Российские и славянские исследования: сб. науч. ст. Вып. 1 / редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2004. – С. 100–104.

113. Остроглазов И.М. История одной редкой и замечательной книги / И.М. Остроглазов // Библиографические записки. – 1892. – №. 3. – С. 179–198; №. 5. – С. 338–348; №. 8. – С. 593–557; №. 10. – С. 712–713.

114. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры / под ред. Е.В. Олесеюка; Федеральный центр образовательного законодательства (Москва). – СПб., 2005. – 370 с.

115. Павлова Г. Ф. Степан Яковлевич Румовский, 1734-1812 / Г.Ф. Павлова. – М.: Наука, 1979. – 200 с.

116. Пайпс Р. Сергей Семенович Уваров: жизнеописание / Р. Пайпс. – М.: Посев, 2013. – 80 с.

117. Парсамов В.С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи / В.С. Парсамов. – Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 2004. – 176 с.

118. Пекарский П.П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755-1764 гг. / П.П. Пекарский. – СПб.: Тип-фия Академии наук, 1867. – 90 с.

119. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования в России: [в 3 кн.] / Ф.А. Петров. – М.: [Б.и.], 1998-2000. – Кн.1: 1998: 471 с.; Кн.2. Ч.1: 1998: 281 с.; Кн.2. Ч.2: 1998: 388 с.; Кн.2. Ч.3: 1999: 247 с.; Кн.3: 2000: 518 с.

120. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России: [в 4 т.] / Ф.А. Петров. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002-2003. – Т.1: 2002: 416 с.; Т.2: 2002: 816 с.; Т.3: 2003: 480 с.; Т.4. Ч.1: 2003: 584 с.; Т.4. Ч.2: 2003: 464 с.

121. Петрунина Н.Н. Вокруг «Истории Пугачёва» / Н.Н. Петрунин // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. ИР ЛИ (Пушкинский Дом). – Л.: Наука, 1969. – Т. 6. – С. 229-251.

122. Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802-1902): исторический очерк: [в 2 т.] / Е. В. Петухов. – Юрьев: Тип-фия. К. Матиссена, 1902-1906. – Т.1: 1902: 620 с.; Т.2: 1906: 211 с.

123. Полусмак Т.Л. Цензурное законодательство дореволюционной России.: дис. ... канд.юрид.наук. / Т.Л. Полусмак; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2003. – 194 с.

124. Полусмак Т.Л. Цензурное законодательство России в первой половине XIX века: учебное пособие / Т.Л. Полусмак. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородская прав.акад., 2004. – 58 с.

125. Полянская Л.И. Обзор фонда Центрального комитета цензуры иностранной / Л.И. Полянская // Архивное дело. – 1938. – №1/45. – С.63-74.

126. Поповский Н.Н. Речь, говоренная в начатии Философических лекций при Московском университете Гимназии ректором Николаем Поповским, 1755 года / Н.Н. Поповский // Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного с краткими их жизнеописаниями: [в 4 ч.]. Ч. I. – М.: Университетская типография, 1819. – С. 9-17.

127. Пушкин: Исследования и материалы. Т. 8. / отв.ред. Н. В. Измайлов. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1978. – 310 с.

128. Пушкарев Е.Ю. Нормативно-правовые основы цензуры в России в первой половине XIX века: дис.... канд.юрид.наук / Е.Ю. Пушкарев; Моск. юрид. ун-т МВД России. – М., 2010. – 206 с.

129. Пушкин А.С. «Русский титул» или без цензуры / А.С. Пушкин. – М.: Рандеву АМ, 2001. – 196 с.

130. Пшеничная М.А. Государственная политика в области цензуры в XIX – в начале XX веков: дис. ... канд.ист.наук / М.А. Пшеничная; Ставропольск. гос. ун-т. – Ставрополь, 2002. – 205 с.

131. Пыпин А.Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I: [в 3 т.]. Т.1.: Религиозные движения / А. Н. Пыпин; предисл. и примеч. Н. К. Пиксанова. – Пг.: Огни, 1916. – 487 с.

132. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву: факсимильное издание / А.Н. Радищев. – М.: Госзнак, 1925. – 453 с.

133. Рейтблат А.И. Русские писатели и III отделение (1826—1855) / А.И. Рейтблат. // Новое литературное обозрение. – 1999. – №6 (40). – С.158-186; Электронный ресурс: URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/40/reitbl.html> (дата обращения: 01.11.2017).

134. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении / А.И. Рейтблат. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 330 с.

135. Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. Статьи и материалы / А.И. Рейтблат. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 920 с.

136. Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: [в 2 т.] / П.С. Рейфман; под ред. Г. Г.

Суперфина; пред. И. А. Пильщикова и В. С. Парсамова. – М.: Пробел-2000, 2014. – Т. 1. – Вып. 1. – 232 с.

137. Репинский Г.К. Цензура при императоре Павле I. 1797-1799 / Г.К. Репинский // Русская старина. – 1875. – Т. 14. – С.454-469.

138. Рождественский С.В. Исторический обзор Министерства народного просвещения. 1802-1902 / С.В. Рождественский. – СПб.: Мин-во народ. просв., 1902. – 785 с.

139. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней, 1790 -1990: опыт коммент. антологии / сост. А. Блюм. – СПб.: ООО «Полиграф», 2011. – 608 с.

140. Салупере М. Тайный надзор и доносы на журналистов в конце 1820-х гг. / С. Салупере // Тезисы докладов научной конференции «Великая французская революция и пути русского освобождения» 15-17 декабря 1989 г. Тарту. – Тарту, 1989. – С.45-46.

141. Семенников В.П. К истории цензуры в Екатерининскую эпоху / В.П. Семенников. – СПб.: Сириус, 1913. – 20 с.

142. Симанков В. И. Из разысканий о журнале «Прибавление к Московскимъ ведомостямъ» (1783–1784) или об авторстве сочинений, приписывавшихся Н. И. Новикову, И. Г. Шварцу и Ф. В. Каржавину / В.И. Симанков. – Харьков, 2010. – 110 с.

143. Старкова Л.К. Цензурная политика самодержавия в первой половине XIX в.: дисс. ... канд.ист.наук. / Л.К. Старкова, Саратов. гос.тех.ун-т. – Саратов, 2000. – 238 с.

144. Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700-1863) / А.М. Скабичевский. – СПб.: Тип-фия Ф. Павленкова, 1892. – 495 с.

145. Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1: Университеты до эпохи шестидесятых годов / И.М. Соловьев. – СПб.: Кн-во типо-лит. «Энергия», 1914. – 206 с.

146. Соловьев П.К. Ведомственная цензура в России при Николае I / П.К. Соловьев // Вопросы истории. – 2004. – №7. – С. 139-145.

147. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 386 с.

148. Стасов В.В. Цензура в царствование императора Николая I / В.В. Стасов // Русская старина. – 1903. – №2. – С.305-328; №6. – С. 643-671; № 10. – С. 168-183.

149. Старкова Л.К. «Цензурный террор» 1848-1855. – Саратов: Изд-во Сарат. пед ин-та, 2000. – 27с. Электронный ресурс: URL:<http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/THEME/STOP/STARKOVA.HTM> (дата обращения: 01.11.2017).

150. Старцев А.И. Радищев: годы испытаний / А.И. Старцев. – М.: Сов. писатель, 1990. – 426 с.

151. Столетие Собственной Его Императорского Величества Канцелярии / сост. В.Н. Строев. – СПб.: Гос.тип-фия, 1912. – 331 с.

152. Страхов П.И. Слово о влиянии наук в общее и каждого человека благоденствие, говоренное июня 30 дня 1788 года / П.И. Страхов // Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оною с краткими их жизнеописаниями: [в 4 ч.]. Ч. II. – М.: Университетская типография, 1820. – С. 213-282.

153. Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: [в 2 т.] / М.И. Сухомлинов. – СПб.: Тип-фия А.С. Суворина, 1889. – Т. 1: 671 с.; Т.2: 516 с.

154. Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I: [в 2 т.] / М.И. Сухомлинов. – СПб.: Тип-фия Ф.С. Сущинского, 1865-1866. – Т.1: 1865: 229 с.; Т.2: 1866: 220 с.

155. Сухомлинов М.И. Н.А. Полевой и его журнал «Московский телеграф» / М.И. Сухомлинов // Исторический вестник. – 1886. – Т. 23, № 3. – С.503-528.

156. Сухомлинов М.И. Очерки истории русской цензуры (1700-1863) / М.И. Сухомлинов. – СПб.: Тип-фия Ф. Павленкова, 1892. – 395 с.

157. Сухомлинов М.И. А.Н. Радищев, автор «Путешествия из Петербурга в Москву» / М.И. Сухомлинов. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. – 144 с.

158. Сушков С.П. Несколько заметок С.П. Сушкова по поводу «Воспоминаний» о цензуре господина Пржецлавского, напечатанных в 14 томе «Русской старины» за 1875 / С.П. Сушков. – СПб.: Тип-фия Мин-ва внутр.дел, 1876. – 16 с.

159. Тарле Е.В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III Отделение // Тарле Е.В. Сочинения в 12 томах. Т. 6. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С.563-644.

160. Троцкий И.М. Третье отделение при Николае I / И. М. Троцкий. – М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. – 139 с.

161. Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории: рассуждение, напис. на степ. д-ра философии Николаем Устряловым, С.-Петербур. ун-та по каф. рус. истории э. о. проф., Воен. акад. и Гл. пед. ин-та адъюнктом.../ Н.Г. Устрялов. – СПб.: Тип. Л. Снегирева и К°, 1836. – 84 с.

162. Феокистов Е.М. Магницкий: Материалы для истории просвещения в России: [в 2 т]. Т.1. / Е. М. Феокистов. – СПб.: Тип-фия Кесневиля, 1865.– 227 с.

163. Хаазер Р. От братства по оружию к идеологической вражде: политизация университетской жизни в Германии и образ России в национальном движении 1813-1819 годов / Р. Хаазер; пер. с нем. П.В. Резвых // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6. – Саратов, 2012. – С.31-62.

164. Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина. Серия «Пушкин в XXI веке»: [в 3 т.]. Т. 2, кн. 2. 1833-1834 / сост. Г.И. Долдобанов, И.С. Сидоров. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 528 с.

165. Чирскова И.М. Цензура как историко-культурный феномен в России XIX века // Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». Выпуск №10 (08). – М.: РГГУ, 2008. – С. 115–125. Электронный ресурс: URL:<https://www.rsuh.ru/vestnik/ifkv/no-10-2008.php> . (дата обращения: 11.11.2017)

166. Чолдин М. Т. Империя за забором. История цензуры в царской России / М.Т. Чолдин; пер. с англ. М.Галушкиной. – М.: Рудомина. 2002. – 310 с.

167. Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755 – 1855 / С.П. Шевырев. – М.: Унив. тип-фия, 1855. – 516 с.

168. Шевырев С.П. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов: Соч., писан. на степ. д-ра Филос. фак. 1 Отд-ния, адъюнктом Моск. ун-та Степаном Шевыревым / С.П. Шевырев. – М.: Тип. Н. Степанова, 1836. – 382 с.

169. Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого / А.Е. Шикло. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 224 с.

170. Шильдер Н.К. Император Александр I: его жизнь и царствование: [в 4 т.] / Н.К. Шильдер. – СПб.: Изд. А.С. Суворина,

1897–1898. –Т.1: 1897: 408 с.; Т.2: 1897: 460 с.; Т.3: 1897: 650 с.; Т.4: 1898: 650 с.

171. Шильдер Н.К. Император Николай I: его жизнь и царствование: [в 2 т.] / Н.К. Шильдер. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1903. – Т.1: 800 с.; Т.2: 820 с.

172. Шубинский П.П. Император Николай Павлович и граф Бенкендорф / П.П. Шубинский // Исторический вестник. – 1890. – Т.39, №2. – С. 479-481.

173. Щебальский П.К. Исторические сведения о цензуре в России / П.К. Щебальский. – СПб.: Тип. Ф. Персона, 1862. – 108 с.

174. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической / Р.Г. Эймонтова. – М.: Наука, 1985. – 350 с.

175. Экштут С.А. В поиске исторической альтернативы: Александр I. Его сподвижники. Декабристы / С.А. Экштут. – М.: Изд. центр «Россия молодая», 1994. – 228 с.

176. Эльяшевич Д.А. Правительственная политики и еврейская печать в России 1797-1917.: автореф. дисс. ... докт.ист.наук. / Д.А. Эльяшевич, Институт российской истории, Санкт-Петербургский филиал РАН. – СПб., 2000. – 54 с.

177. Энгельгардт Н.А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703-1903) / Н.А. Энгельгардт. – СПб.: Тип-фия А.С. Суворина, 1904. – 388 с.

178. Розенберг В.А. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем / В.А. Розенберг, В. Якушкин. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1905. – 255 с.

179. Яцук Н.А. «Смерть немца Коцебу» и другие происшествия: политика или литература / Н.А. Яцук // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2014. – № 169. – С. 21-27.

Литература на иностранных языках

1. A History of the University of Europe. Vol.3. Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800-1945). – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 729 p.

2. Crome A.F.W. Deutschlands Crise und Rettung im April und May 1813. – Leipzig, 1813. (Digitalisat BSB)

3. Von Kotzebue A. Geschichte des Deutschen Reiches von dessen Ursprunge bis zu dessen Untergange. 2 Bde. – Leipzig, 1814–1815 (Digitalisat BSB).

Научное издание

Галиуллина Руфия Хазибовна
кандидат исторических наук, доцент

**«УПРАВЛЕНИЕ СЛОВОМ» -
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНЗУРНЫХ КОМИТЕТОВ
УНИВЕРСИТЕТОВ
(РОССИЯ, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)**

МОНОГРАФИЯ

Корректор Н.А. Климанова

Подписано в печать 19.12.2017
Формат 60х90 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 13 Тираж 50

Типография КЮИ МВД России
420108, г.Казань. ул. Магистральная, 35